[illegible]

КІЕВЛЯНИНЪ

на 1840 годъ.

Золотыя Врата.

КІЕВЛЯНИНЪ.

КНИГА ПЕРВАЯ,

НА 1840 ГОДЪ.

Да вѣдають потомки Православныхъ
Земли родной минувшую судьбу!

Пушкинъ.

ИЗДАЛЪ

МИХАИЛЪ МАКСИМОВИЧЪ.

КІЕВЪ.

Въ Университетской Типографіи.

1840.

Слава, Кіевъ многовѣчный,
Силы Руской колыбель!
Слава, Днѣпръ нашъ быстротечный,
Руси чистая купель!

А. Хомяковъ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

Съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Кіевъ, 12 Февраля 1840 года.

Ценсоръ Александръ Ѳедотовъ-Чеховскій.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Издавая въ свѣтъ первую книгу Кіевлянина, *я поставляю себѣ долгомъ благодарить тѣхъ, которые своимъ участіемъ содѣйствовали мнѣ къ ея составленію. Изданіе Кіевлянина я намѣренъ продолжать и впредь, если что нибудь особенное не помѣшаетъ. Наружный видъ его будетъ улучшенъ; объемъ увеличится по мѣрѣ матеріаловъ; а содержаніе останется тоже, именно: статьи собственно-литературныя въ стихахъ и прозѣ, и статьи ученаго содержанія, коихъ постояннымъ предметомъ будетъ* Кіевъ *съ его окрестностями и со* всею Южною Русью.

Изслѣдованіе и приведеніе въ надлежащую извѣстность всего, что относится къ бытію Кіева и всей Южной Руси—Кіевской и Галицкой, составляетъ особенную и собственнѣйшую цѣль моего Кіевлянина. Для успѣха въ достиженіи сей цѣли необходимо содѣйствіе другихъ. Потому я покорнѣйше прошу всѣхъ, и особенно живущихъ

въ Южнорускомъ краѣ, принять участіе въ изданіи Кіевлянина. Это участіе можетъ быть двоякое: во-первыхъ—сообщеніе обработанныхъ уже статей вышесказаннаго содержанія; во-вторыхъ—доставленіе мнѣ самихъ матеріаловъ, каковы напримѣръ: старинныя историческія и всякія другія записки, грамоты, универсалы, акты, листы или письма, старинныя легенды, народныя преданія и пѣсни (безъ всякой поправки),—также рисунки со старинныхъ церквей, монастырей, замковъ, надгробій и другихъ замѣчательныхъ мѣстъ и предметовъ. Само собою разумѣется, что эти матеріалы предполагаются писанными не только на Рускомъ, но и на Польскомъ и на другихъ языкахъ; что всѣ они по разсмотрѣніи будутъ возвращены въ цѣлости ихъ владѣльцамъ, если они того пожелаютъ, и что каждому доставившему будетъ изъявлена признательность Кіевлянина.

Михаилъ Максимовичъ.

Кіевъ.

12 Февраля 1840 г.

КІЕВЛЯНИНЪ.

КІЕВЪ.

Въ ризѣ святости и славы,
Опоясанъ стариной,
Старецъ-Кіевъ предо мной
Предстоитъ золотоглавый:
Здравствуй, старецъ величавый!
Здравствуй, труженикъ святой!

Здравствуй!....и чело мое никнетъ надъ гробницами,
Мысль въ минувшемъ носится,
И отрадной накипью влага подъ рѣсницами
Изъ-подъ сердца просится;
И слезинка чистая, какъ зерно перловое,
Лишнее, ненужное,
Пала въ русло быстрое, вольное, Днѣпровое
Свѣтлое, жемчужное.

Здравствуй, Днѣпръ, поитель дивный
Незабвенной старины!
Чу! на звонъ моей струны
Сердце слышитъ плескъ отзывный
Удалой, многоразливной,
Святославовской волны.

Здѣсь Владимiръ кругомъ тѣснымъ
Сыновей своихъ сомкнулъ,
Здѣсь хоругви развернулъ,
И наитьемъ полнъ небеснымъ
Здѣсь подъ знаменiемъ крестнымъ
Въ Днѣпръ народъ свой окунулъ.

Днѣпръ! Перуна гробъ кровавый!
Путь нашъ къ Грекамъ!—не въ тебѣ-ль
Руской славы колыбель,
Сѣмя царственной Державы,
Пелена народной славы,
Наша крестная купель?

Ты спѣшишь въ порывѣ смѣломъ,
Сторонѣ полночной въ честь,
Прошептать дѣлъ громкихъ вѣсть
Полдня сладостнымъ предѣламъ,
И молву о царствѣ Бѣломъ
Къ морю Черному принесть.

И красуясь шириною
Ладіи носящихъ водъ,
Ты свершаешь влажный ходъ
Говорливою волною,
Подъ стремглавной крутизною
Гордыхъ Кіевскихъ высотъ.

Цвѣсть, холмы счастливые, небо вамъ дозволило,
Славу вамъ навѣяло;
Добрая природа васъ возвела и всхолила,
Взнѣжила, взлелѣяла;
Насадила тополи, дышетъ милой нѣгою,
Шепчетъ сладкой тайною,
Вѣетъ ароматами надъ золотобрегою
Свѣтлою Украйною.

Брегъ завѣтный! Взысканъ ты милостью небесною,
Дланію всесильною:
Каждый шагъ означенъ здѣсь силою чудесною,
Жизнью безмогильною.
Руси дѣти мощныя! ополчимся-жь, вѣрныя,
На соблазны битвою,
И сойдемъ въ безмолвіи въ глубины пещерныя
Съ теплою молитвою!

1839 г.

В. БЕНЕДИКТОВЪ.

ОБОЗРѢНІЕ СТАРАГО КІЕВА.

Среди прочихъ частей нынѣшняго Кіева, на особой высокой горѣ находится часть его, называемая *Старымъ Кіевомъ* или *Старымъ городомъ*. Имя сіе показываетъ уже, что здѣсь былъ тотъ первопрестольный Кіевъ, который отъ Вѣщаго Олега названъ *матерью Рускихъ городовъ*. По возвышенности своего положенія надъ низменнымъ Подоломъ, Старый Кіевъ еще назывался встарину *Верхнимъ* или *Вышнимъ городомъ*.

1. *Окрестности Стараго Кіева.*

Отъ Старокіевской горы на полдень, возвышается надъ Днѣпромъ другая, обширная гора, на которой находится теперь главная и населеннѣйшая часть Кіева, называемая *Печерскомъ*. Въ древнее и среднее время сія гора покрыта была густымъ лѣсомъ. Посредствомъ *Кловскаго провалья* она раздѣлялась на два особыя отдѣленія, которыя и теперь существуютъ подъ названіемъ *Печерскаго* и *Дворцоваго*. На первомъ, болѣе далекомъ отъ Стараго города отдѣленіи сей горы, въ древнѣйшее время было только

село *Берестовое,* весьма любимое св. Владиміромъ, который въ немъ и скончался 1015 года. Объ этомъ селѣ теперь напоминаетъ намъ только *Спасъ на Берестовѣ*—небольшая каменная церковь, поставленная Петромъ Могилою на развалинахъ древней церкви, воздвигнутой св. Владиміромъ.

За селомъ Берестовымъ, во второй половинѣ 11-го вѣка, началось отшельническое *пещерное* жительство Богоугодной братіи, собранной преподобными Отцами нашими Антоніемъ и Өеодосіемъ,—и создался трудами Рускихъ праведниковъ святой *монастырь Печерскій.* Святославъ Ярославичь въ 1073 году началъ здѣсь построеніе Великой *небеси подобной* церкви Успенія Пресвятой Богородицы; а въ 1159 году Печерскій монастырь возведенъ на степень *Лавры,* Андреемъ Боголюбскимъ, по завѣщанію отца его Юрія Долгорукаго.

Къ сѣверозападу отъ Берестова, противу того мѣста, гдѣ вливается въ Днѣпръ глубокая *Черторыя,*—въ 882 году, на полугорѣ, началось пустынное поселеніе—*могилою Оскольда.* На сей могилѣ перваго Рускаго Князя-Христіанина поставлена была церковь св. Николая, можетъ быть еще св. Княгинею Ольгою [1]. Въ 11-мъ вѣкѣ существовалъ тамъ женскій Никольскій монастырь, въ которомъ пострижена была

мать преподобнаго Θеодосія. Теперь на Оскольдовой могилѣ кладбище, съ небольшою Николаевскою церковью, построенною въ 1809 году Воронежскимъ купцемъ Мещеряковымъ, намѣсто обветшавшей деревянной. Что касается до *Пустынно-Николаевскаго* мужескаго монастыря, то онъ извѣстенъ становится съ началомъ 12-го вѣка. Нынѣшняя въ немъ каменная церковь построена уже въ 1713 году, Кіевскимъ Губернаторомъ Кн. Голицынымъ; а большой Николаевскій монастырь, обращенный 1831 года въ военный Соборъ, сооруженъ около 1696 года Гетманомъ Мазепою.

На другомъ отдѣленіи Печерской горы, которое обращено къ Старому городу, не ранѣе какъ въ концѣ 11-го вѣка возникла отрасль Печерского монастыря, насажденная преподобнымъ Игуменомъ Стефаномъ — *монастырь Кловскій* или *Стефанечь*. На томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ сей монастырь, вскорѣ послѣ 1744 года построенъ былъ отъ Лавры *Кловскій дворецъ*, гдѣ теперь Первая Кіевская Гимназія. Вслѣдъ за тѣмъ (около 1753 г.) устроенъ былъ нынѣшній дворцовый садъ и въ немъ поставленъ деревянный *Государевъ дворецъ*, въ нижнемъ ярусѣ коего (оставшемся послѣ пожара, бывшаго въ 1819 году) помѣщается теперь заведеніе искуственныхъ минеральныхъ водъ.—

Но монастыри Печерской горы, въ отношеніи къ Кіеву, прежде были загородные, какъ въ наше время монастырь Выдубицкій и Пустынь Китаевская. Обширная Лаврская слобода, на мѣстѣ которой въ началѣ прошлаго столѣтія устроена Петромъ Великимъ *Печерская крѣпость,* считалась деревнею, а потомъ *мѣстечкомъ Печерскимъ.* На всемъ Дворцовомъ отдѣленіи Печерской горы, кромѣ упомянутыхъ двухъ дворцевъ, не было строенія даже до конца прошлаго столѣтія, именно до 1790 года.

Подобно сему и *Крещатикъ,* довольно красиво отстроенная теперь частица Кіева, соединяющая собою Старый городъ съ Печерскомъ, до начала нынѣшняго столѣтія былъ почти необитаемъ. Въ его глубокомъ удольи, спускающемся къ Днѣпру, съ древнихъ временъ славенъ былъ только источникъ, въ которомъ крещены 12 сыновей Владиміровыхъ и который потому названъ *Хрещатикомъ;* а въ народѣ посю пору называется *Святымъ мѣстомъ.* Можетъ быть на семъ-то Святомъ мѣстѣ поставлена была церковь во имя мученика *Турова,* о которой говоритъ Степенная Книга, какъ о первой изъ поставленныхъ св. Владиміромъ церквей. Находящійся надъ источникомъ павильонъ, въ память св. Владиміру, выстроенъ 1802 года. Сюда ежегодно въ Среду Преполовенія бываетъ кре-

стный ходъ изъ Софійскаго Собора, уставленный съ 1804 года Митрополитомъ Серапіономъ.

На рѣчкѣ *Лыбеди,* протекающей мимо Кіева по югозападной его сторонѣ, было въ древнее время *Предславино* и другія села. Надъ этою рѣчкою только въ нынѣшнее дѣсятилѣтіе началась строиться Лыбедская часть Кіева.—

И такъ знатнѣйшая теперь половина Кіева, къ юговостоку отъ Стараго города простирающаяся, не была городомъ еще и въ прошедшемъ столѣтіи, и какъ-бы ждала обновленнаго бытія Кіеву, чтобы войти съ составъ его со святою Печерскою Лаврою, и занять въ немъ первое мѣсто.—

Что касается до *Подола* или *Нижняго города,* простирающагося подъ Старымъ городомъ на его сѣверной сторонѣ; то въ среднія времена онъ составлялъ хотя и бѣдную, однако населеннѣйшую часть Кіева, и много содѣйствовалъ просвѣщенію цѣлой Руси своимъ *Богоявленскимъ Братствомъ.* Подолъ и въ древнее время составлялъ также весьма многолюдную и застроенную часть Кіева. Однако его городовое заселеніе не древнѣе временъ Владиміровыхъ. Въ княженіе Ольги «на Подольи несѣдяху людье, но на горѣ» пишетъ преподобный Несторъ: «бѣ бо тогда вода текущи въздолѣ *(внизу)* горы Кіевскія».

Достопамятная *Почайна,* именемъ которой называется теперь небольшой ручей, впадающій въ Днѣпръ за Подоломъ, верстахъ въ трехъ отъ Стараго города, въ прежнее время текла по Подолу и пройдя подъ горою Старокіевскою, большимъ *Ручаемъ,* вливалась въ Днѣпръ противъ Крещатицкаго источника, въ нее впадавшаго [2]. На своемъ продолженіи Почайна съ лѣвой стороны отдѣлялась отъ Днѣпра длинною песчаною косою; а съ правой стороны она принимала въ себя разные ручьи, протекавшіе съ горныхъ возвышенностей на Подолъ. Сверхъ того, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нынѣшняго Подола, даже и въ позднѣйшее время, были болота, поросшія камышемъ. Заливное передвижнымъ Днѣпромъ и покрытое лозою *Болонье,* въ древнѣйшее время простиралось гораздо ближе къ Старому Кіеву, чѣмъ теперь; на немъ Кіевляне пасли свои стада и совершали поклоненіе *скотью богу Волосу.*

Изъ сего краткаго обозрѣнія мѣстъ, окружающихъ Старокіевскую гору, очевидно, что первоначальное и главнѣйшее существованіе Кіева было на сей горѣ. Мѣстомъ для его дальнѣйшаго распространенія служили тѣ возвышенности и удолья, которыя отъ Старокіевской горы идутъ къ горѣ Щековицѣ, и простираясь за нею

на нѣсколько верстъ, потомъ поворачиваютъ на сѣверовостокъ къ Вышгороду. Такимъ образомъ составляется полукружная гряда горъ надъ Подоломъ и Днѣпромъ: на одномъ ея концѣ возвышается Старокіевская гора съ своимъ славнымъ городомъ; на другомъ концѣ гора *Хоревица* съ нѣкогда процвѣтавшимъ на ней Вышгородомъ и укрывающимся за нею Межигорьемъ. На продолженіи сей гряды, невдалекѣ отъ горы Кіевской, выдается гора Щековица [5], на которой въ 912 году возникла славная *могила Олегова*. Ея именемъ называлось въ древности и все многолюдное жилье, на той горѣ бывшее. Теперь тамъ возвышается построенная отъ города въ 1780 году каменная *церковь всѣхъ Святыхъ*, также съ городскимъ кладбищемъ, какъ и на укромной могилѣ Оскольдовой.— Сіе-то Надднѣпровское трехгорье служило первоначально мѣстомъ городоваго заселенія Словенской отросли, называвшейся Полянами.

2. Андреевское отдѣленіе Стараго Кіева и его предмѣстья.

Въ какомъ вѣкѣ началось построеніе Кіева, объ этомъ нѣтъ никакихъ историческихъ извѣстій. Преподобный Несторъ сохранилъ только слѣдующее мѣстное преданіе своего народа.

«Быша тріе братья, единому имя Кій, а другому Щекъ, а третьему Хоривъ, сестра ихъ Лыбедь. Сѣдяше Кій на горѣ, гдѣже ныне увозъ Боричевъ, а Щекъ сѣдяше на горѣ, гдѣ ныне зовется Щековица, а Хоривъ на третьей горѣ, отъ негоже прозвася Хоревица. И сотвориша градъ во имя брата своего старѣйшаго и нарекоша имя ему Кіевъ; бяше около града лѣсъ и боръ великъ, и бяху ловяща звѣрь». Сіе преданіе повторяютъ у Нестора и Поляне, въ отвѣтъ Оскольду и Диру, когда сіи воители, плывучи мимо по Днѣпру и увидѣвши городокъ на горѣ, спросили: «чій се градокъ?»—

Но у Нестора записано еще другое преданіе о самомъ первомъ, завѣтномъ и священномъ началѣ Кіева—о крестѣ Андрея Первозваннаго. Святый Апостолъ «поиде по Днѣпру горѣ, и по приключаю приде и ста подъ горами на березѣ. Заутра вставъ и рече къ сущимъ съ нимъ ученикомъ: видите ли горы сія? яко на сихъ горахъ возсіяеть благодать Божія, имать градъ великъ быть, и церкви многи Богъ воздвигнути имать. Вшедъ на горы сія, благослови я, постави крестъ, и помолився Богу, и слѣзе съ горы сея, идеже послѣже бысть Кіевъ».

На этой завѣтной высотѣ красуется теперь церковь *Андрея Первозваннаго,* заложенная собственноручно Императрицею Елисаветою въ 1744 году,

когда она пріѣзжала на богомолье въ Кіевъ. Сія ружная церковь, построенная по плану извѣстнаго де-Ростреллй, освящена 19 Августа 1767 года.—Съ балкона Андреевской церкви представляется необыкновенно живописный, обширный видъ стройнаго Подола съ широкимъ Оболоньемъ, и многоразливнаго *словутнаго* Днѣпра, и возвышающейся надъ ними полукружной гряды горъ, и многокартиннаго, ненаглядного Заднѣпровья. Начиная съ сего же средоточнаго мѣста, всего лучше можно обозрѣвать и Старый Кіевъ, вспоминая объ немъ по степенямъ его перемѣнчиваго бытія: сперва въ первоначальномъ *древнѣйшемъ* его видѣ—до крещенія Владимірова; потомъ въ *древнее* время его наибольшаго величія и славы, которыхъ онъ не утратилъ и тогда, какъ уже сталъ игралищемъ междоусобій Княжескихъ; затѣмъ въ *средніе* вѣка его упадка, съ нашествія Татарскаго—до возстановленія въ немъ Православной Митрополіи и до его обновленія подъ Державою Россіи.—

Древнѣйшій городъ Кіевъ начинался тамъ, гдѣ Андреевская гора отдѣляется небольшимъ оврагомъ отъ монастыря Михайловскаго. Этотъ оврагъ есть заглохшій слѣдъ древняго *Боричева взвоза,* надъ которымъ, по сказанію Нестора, жилъ Полянскій Князь *Кій,* и по которому

была главная дорога въ Кіевъ отъ Днѣпра. Къ Днѣпру, или, говоря точнѣе, ко впадавшему въ Днѣпръ *Ручаю,* Боричевъ взвозъ проходилъ съ горы тамъ, гдѣ стоитъ теперь Рождественская церковь [1]. Невдалекѣ отъ сего мѣста у Боричева взвоза была и пристань.

Отъ Боричева первоначальный городъ Кіевъ простирался вдоль Андреевской горы до сѣверозападнаго ея предѣла, гдѣ начинается другой старинный взвозъ на Подолъ, называемый теперь *Андреевскимъ,* и гдѣ въ среднія времена, а вѣроятно и въ древнія, находились городскіе ворота.

На этой, особенно видной, обращенной къ Днѣпру сторонѣ первоначальнаго города, поставленъ былъ надъ горою, вѣроятно еще при первыхъ Рускихъ Князьяхъ, *каменный теремъ* съ большимъ *теремнымъ дворомъ.* На семъ-то *княжемъ* дворѣ — *у Солнышка у краснаго, у ласкова* Князя Владиміра — бывали такъ часто богатырскіе *почестные пиры,* которые такъ поэтически прославляются въ нашихъ народныхъ пѣсняхъ и сказкахъ, — объ которыхъ и преподобный Несторъ повѣствуетъ въ своей лѣтописи. «Устави (Владиміръ) на дворѣ въ гридьницѣ пиръ творити, и приходити боляромъ и гридомъ, соцьскимъ и десяцьскимъ, и нарочитымъ мужемъ, при Князи и безъ Князя« и т. д.

Положеніе теремнаго двора опредѣляетъ Несторъ такъ: «за святою Богородицею надъ горою дворъ теремный: бѣ бо ту теремъ каменъ». Изъ его же словъ [5] можно видѣть, что за теремомъ была другая половина теремнаго двора, уже *внѣ града:* безъ сомнѣнія, она простиралась по склону горы и покрыта была садомъ.

«Внѣ двора теремнаго» гдѣ теперь церковь Трехсвятительская, въ древнѣйшее время возвышался *Перуновъ холмъ.* На томъ холмѣ, набожный и въ язычествѣ своемъ, Владиміръ поставилъ шесть кумировъ Словенскихъ. Но когда онъ въ 988 году возвратился въ Кіевъ изъ Корсуня, уже преображенный святымъ Крещеніемъ, тогда велѣлъ онъ ниспровергнуть прежніе свои кумиры: одни изрубить, другіе сжечь; Перуна же велѣлъ онъ влечь съ горы къ Боричеву на Ручай. Совершивъ крещеніе своего народа, Владиміръ «повелѣ рубити церкви и поставляти по мѣстомъ, идеже стояху кумиры; и постави *церковь св. Василія* на холмѣ, идеже стояше кумиръ Перунъ и прочіи, идеже творяху потребы Князь и людье».—Сія церковь, съ нашествія Батыева, четыре вѣка оставалась развалиною, въ которой не сломаны были только нижняя часть стѣнъ, да узкое алтарное окно къ сѣверу. Первое возстановленіе Васильевской церкви относится къ незабвенному для Кіева митрополит-

ству Петра Могилы, который, устрояя Богоявленское Братство, приписалъ къ нему сію церковь. Тогда на ея древнемъ остаткѣ построена была новая и опредѣлены для служенія въ ней строитель и братія. Но около 1660 года она сгорѣла и опять было запустѣла. Нынѣшняя каменная церковь, также на древнемъ остаткѣ, построена уже при Варлаамѣ Ясинскомъ 1695 года и освящена во имя *Трехъ Святителей*. При ней въ прошломъ столѣтіи былъ *Трехсвятительскій* мужескій монастырь, приписанный къ Софійскому, какъ видно изъ вѣдомости о монастыряхъ Кіевской Епархіи 1756 года [6].

Мѣсто подъ юговосточнымъ угломъ Андреевской горы, гдѣ Перуновъ кумиръ волокли по Боричеву взвозу, прозвано было въ народѣ *Чертовымъ беремищемъ*. Противоположный большой отрогъ Андреевской горы, вокругъ котораго спускается на Подолъ Андреевскій взвозъ, въ старину назывался *Вздыхальницею*.

Къ югозападу отъ терема былъ дворъ Варяга Ѳеодора, гдѣ онъ съ сыномъ своимъ Іоанномъ принялъ мученическій вѣнецъ за Христіанство, во время Владимірова язычества (983 г.). На томъ мѣстѣ Равноапостольный Князь заложилъ въ 989 году великолѣпную каменную церковь во имя Пресвятой Богородицы, и по освященіи оной въ 996 году Мая 12, поручилъ ее

Анастасу Корсунянину, и приставилъ на служеніе въ ней священниковъ Корсунскихъ; и уставилъ завѣтною грамотою давать на ея содержаніе десятину съ княжескихъ доходовъ, почему церковь сія и названа *Десятинною*. Въ ней св. Владиміръ положилъ мощи св. Ольги и главу св. Климента Папы Римскаго; здѣсь же погребенъ былъ первый нашъ Митрополитъ св. Михаилъ, скончавшійся въ 992 году; а въ 1015 году, посреди Десятинной церкви, поставлена была краснокаменная гробница [7] и Равноапостольнаго Князя, рядомъ съ гробницею Княгини его Анны, скончавшейся въ 1011 году. Въ сей же церкви, въ 1044 году, Ярославъ положилъ кости умершихъ въ язычествѣ своихъ дядей, Ярополка и Олега, совершивъ надъ ними безпримѣрный въ нашей Исторіи обрядъ крещенія послѣ смерти.

Для построенія Десятинной церкви вызваны были Владиміромъ Греческіе художники. Ея стѣны и полъ украшены были мраморомъ и великолѣпною мусіею. Въ нее же были отданы Владиміромъ всѣ привезенные изъ Корсуня иконы, кресты и сосуды церковные. А два капища и 4 мѣдныхъ коня, изъ Корсуня же привезенные, поставлены были за Десятинною церковью, на площади, называвшейся *бабинымъ торжкомъ*, гдѣ они стояли и въ Несторово вре-

мя. Въ основаніи своемъ Десятинная церковь имѣла видъ четвероугольника, длиною около 24, а шириною 16 сажень.

Въ 1204 году, когда неистовый Рюрикъ съ Половцами грабилъ Кіевъ, ограблена была и Десятинная церковь; а во время нашествія Батыева въ 1240 году она обращена въ развалины, и неразрушеннымъ остался только югозападный уголъ вышиною около 5 сажень. Изъ найденныхъ подъ развалинами въ 1635 году княжескихъ гробницъ, Петръ Могила вынулъ главу св. Владиміра и положилъ ее сначала въ Спаскую церковь на Берестовѣ, и въ томъ же году перенесъ въ Лавру. Къ уцѣлѣвшему углу древней церкви, придѣлавъ къ нему новыя стѣны изъ древнихъ-же кирпичей, Могила отстроилъ малую Десятинную церковь, во имя Рождества Богородицы, и надстроилъ еще деревянный придѣлъ во имя Петра и Павла. Сія Могилинская церковь, неизвѣстно почему, называлась въ послѣдствіи *Николаевскою*.

Краснорѣчивыя развалины древняго Десятиннаго храма оставались нетронутыми до Митрополита Евгенія; при немъ же, сначала въ 1824-мъ году были разрыты развалины; а въ 1828-мъ году и развалины и Могилинская церковь разобраны до основанія, и на ихъ мѣстѣ, надъ древними гробницами, того же года 2 Августа, заложена новая церковь, также во

имя Рождества Богородицы, съ двумя придѣлами, во имя св. Владиміра и св. Николая. Эта церковь строится по плану Стасова, иждивеніемъ Курскаго помѣщика Анненкова. На ея украшеніе употребляются многія изъ принадлежностей древней Десятинной, найденныхъ подъ ея развалинами. Тринадцать большихъ выпуклыхъ буквъ, оставшихся на каменныхъ обломкахъ и составляющихъ древнѣйшій памятникъ письменности въ Россіи, вдѣланы по мѣстамъ надъ окнами новой церкви.—

На западъ отъ Десятинной церкви, да и на полдень отъ нея, первоначальный городъ простирался уже недалеко—до близьлежащаго оврага, которымъ оканчивалась тамъ Андреевская гора. Чрезъ тотъ оврагъ, по направленію къ Софійскому Собору, былъ въ древнее время *мостъ,* по которому въѣзжали въ Кіевъ черезъ каменныя ворота. Ворота сіи находились въ земляномъ валу, окружавшемъ первоначальный городъ, и вѣроятно стояли противъ терема. Они сложены были изъ широкихъ кирпичей и камня, подобно Золотымъ вратамъ, въ соотвѣтствіе коимъ можетъ быть они и сооружены были. Остатокъ ихъ существовалъ еще въ прошломъ столѣтіи, и разобранъ уже при Коммендантѣ Массе въ 1799 году. Ворота сіи въ прошедшемъ столѣтіи назывались *Кіевскими* воротами, а также

и *Батыевыми.* Кромѣ сихъ воротъ, въ древнѣйшемъ Кіевѣ было еще нѣсколько; но гдѣ именно и въ какомъ числѣ они стояли, неизвѣстно. Вѣроятно одни были со стороны Боричева, а другія со стороны Андреевскаго взвоза [8]. —

Вокругъ первоначальнаго города, — который помѣщался на такъ называемомъ Андреевскомъ отдѣленіи Старокіевской горы,—безъ сомнѣнія уже съ древнѣйшихъ временъ были разныя заселенія, особливо по сѣверному и западному склону Андреевской горы. Объ нихъ напоминаютъ собою эти маленькія, полуземляныя хатки, которыми и теперь еще, какъ ласточьими гнѣздами, облѣплены кое-гдѣ склоны Старокіевской горы, безъ которыхъ и теперь какъ-то не полна была-бы картина Стараго Кіева.

Со всею вѣроятностію можно допустить, что *Пасынчья бесѣда* и *Козары,* о коихъ упоминаетъ Несторъ, находились на склонѣ Старокіевской горы къ Днѣпру и составляли набережное предмѣстье первоначальнаго Кіева возлѣ Боричева взвоза. *Въ концѣ* ихъ, по сказанію Нестора-же, еще и въ его время стояла *надъ Ручаемъ церковь Св. Иліи,* бывшая въ половинѣ 10-го вѣка, при Игорѣ, *Соборною* церковью христіанской Руси. Можетъ быть сія церковь была древнѣйшая въ Кіевѣ, поставленная еще въ княженіе Оскольда [9].

Михайловская гора и ее окружающія удолья въ древнѣйшее время были покрыты лѣсомъ. Вѣроятно въ тѣхъ удольяхъ, которыя прилежатъ къ ней съ югозападной стороны, во время Ольги было *перевѣсище,* находившееся *внѣ града,* по замѣчанію Нестора.

На томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Софійскій Соборъ и его окружающія зданія, во время Владимірово и даже Ярославово до 1037 года, было загородное поле, на которомъ была только *могила Дирова*—вторая могила Рускаго Князя-Христіанина.

Но гдѣ была христіанская-же могила св. Княгини Ольги, заповѣдавшей *не творить* надъ нею *тризны,* а погребсти ее *ровно съ землею?* Объ этомъ нѣтъ показаній ни у Нестора, ни у другихъ нашихъ лѣтописателей.

Не говорится у преподобнаго Нестора и о томъ, гдѣ была церковь блаженной Ольги, имѣвшей при себѣ священника Григорія. Только въ одной, такъ называемой Іоакимовской лѣтописи сохранилось извѣстіе, что св. Ольга построила деревянную, первую въ Кіевѣ *церковь св. Софіи,* для которой она получила иконы отъ Патріарха. Какъ ни сомнительна во многомъ та лѣтопись, но ея сказаніе о древнѣйшей Софійской церкви весьма вѣроятно,—особливо при извѣстіи Дитмара, что Кіевскій Архіепископъ (1018 г. 14 Августа)

встрѣчалъ Болеслава Храбраго *въ монастырѣ св. Софіи,* который по несчастному случаю за годъ передъ тѣмъ былъ опустошенъ пожаромъ. Объ этомъ пожарѣ и преподобный Несторъ подъ 1017 годомъ говоритъ: «и погорѣ много церквей въ Кіевѣ» Судя по тому, что Болеславъ, которому осажденные Кіевляне отворили ворота, былъ встрѣченъ въ прежнемъ Софійскомъ монастырѣ, можно предполагать, что оный монастырь и древнѣйшая въ самомъ городѣ церковь св. Софіи находились невдалекѣ отъ воротъ Кіевскихъ, на западной сторонѣ города, гдѣ еще до крещенія Владимірова были дворы Христіанъ.

3. Михайловское отдѣленіе Стараго Кіева.

Михайловская гора составляетъ юговосточное отдѣленіе горы Старокіевской, и возвышается надъ Днѣпромъ рядомъ съ Андреевскою горою, отъ которой отдѣляется только Боричевымъ взвозомъ. На сей горѣ, противъ холма Перунова, еще въ первое время крещенія Руси св. Владиміромъ, нашъ первый Митрополитъ св. Михаилъ, въ знаменіе побѣды Христіанства надъ язычествомъ, основалъ *монастырь* во имя *Архистратига Михаила.* Съ той поры на Михайловской горѣ находились преимущественно построенія монастырскія. Отсюда же вѣро-

ятно получилъ свое начало и *гербъ Кіевскій,* представляющій Архистратига Михаила, стоящаго на горѣ, съ открытою головою, съ мечемъ въ одной рукѣ, со щитомъ въ другой. Изображеніе Архистратига, сдѣланное изъ золоченой мѣди, стоитъ и нынѣ на Михайловской церкви.

Вмѣсто первоначальной деревянной церкви Михайловскаго монастыря, Князь Святополкъ Изяславичь въ 1108 году соорудилъ каменную церковь, съ 15 позлащенными верхами; почему и монастырь сей названъ *Золотоверхимъ.*— Греческая Княжна Варвара, бывшая супругою Святополка, привезла изъ Греціи въ даръ Кіеву мощи св. Великомученицы Варвары. Сіе святое сокровище нынѣ хранится въ сереброкованной ракѣ на серебряномъ подножіи подъ новымъ золоченымъ балдахиномъ, въ особомъ сѣверномъ придѣлѣ Михайловскаго храма, и привлекаетъ въ него тысячи набожныхъ молельщиковъ. Каждый вторникъ читается тамъ акаѳистъ св. Великомученицѣ Варварѣ, сочиненный Кіевскимъ Митрополитомъ Іоасафомъ Кроковскимъ въ началѣ 18-го вѣка. Молельщики, на память поклоненія своего, пріобрѣтаютъ тамъ серебряные и золотые крестики и кольца, также берутъ елей и святую воду. Прежній деревянный гробъ св. Великомученицы хранится въ ризницѣ. Золотая лампада съ жемчужно-бриліан-

товою кистью, висящая предъ мощами, принесена въ даръ Екатериною Великою. Образъ, представляющій усѣкновенную главу св. Великомученицы, украшенъ девятью драгоцѣнными перстнями, подаренными отъ разныхъ особъ. Весьма примѣчателенъ еще осыпанный бриллiантами храмовой образъ Архистратига Михаила, присланный въ 1817 году въ даръ сему монастырю побѣдоносным Императоромъ Александромъ Благословеннымъ.

Что касается до древней Михайловской церкви, то Святополкъ-Михаилъ ее *украси дивно*, по выраженію лѣтописца. Стѣны ея, какъ и другихъ церквей древняго Кіева, покрыты были мусіею. Величина ея была въ длину 15, а въ ширину 8½ сажень. Но при нашествіи Батыевомъ сбиты были ея золотые верхи, и оставлены однѣ стѣны до купола, изъ которыхъ только на внутренней стѣнѣ алтаря уцѣлѣла и донынѣ полоса древней мозаической картины, представлявшей Тайную вечерю.

Что было съ Михайловскимъ монастыремъ до 16-го столѣтія, неизвѣстно. Но въ началѣ 16-го вѣка онъ устроенъ вновь стараніемъ Игумена Макарія, который испросилъ на то въ 1523 году Королевскую грамату у Жигимонта I-го [10]. Однако въ продолженіе ста лѣтъ Михайловская церковь пришла въ ветхость.

Обновилъ ее Іовъ Борецкій [11], котораго, по желанію дворянства и козачества Украинскаго, особливо по просьбѣ Гетмана Петра Сагайдачнаго, посвятилъ въ Митрополиты бывшій тогда въ Кіевѣ Константинопольскій Патріархъ Ѳеофанъ. Сіе посвященіе происходило 1620 года въ Великой Печерской церкви, въ самый день Успенія. Такимъ образомъ возстановилась тогда Православная Митрополія въ Кіевѣ, 25 лѣтъ сиротѣвшая безъ пастыря. Но какъ въ то время Софійскій Соборъ былъ занятъ Уніатами, потому Іовъ Борецкій и преемникъ его Исаія Копинскій имѣли свою каѳедру въ Михайловскомъ монастырѣ (съ 1620 по 1633 годъ), который никогда недоставался во власть Уніатовъ, хотя имъ и дано было право на оный отъ Воеводы Кіевскаго. Увеличеніе Михайловской церкви двумя боковыми придѣлами, относится къ вѣку Петра Великаго. Построеніе каменной колокольни начато въ 1716 году, а нынѣшняя каменная ограда сдѣлана 1758 года.

Іовъ Борецкій при Золотоверхомъ Михайловскомъ монастырѣ въ 1621 году построилъ, во свое прежнее имя, *церковь св. Іоанна Богослова* [12], и учредилъ при ней *Михайловскій женскій* или *Богословскій* монастырь,—въ которомъ престарѣлая супруга Борецкаго была первою настоятельницею, и который существовалъ здѣсь до

1712 года, а въ этомъ году переведенъ на Подолъ въ сосѣдство Іорданскаго женскаго монастыря.

При Золотоверхомъ монастырѣ заведена была и типографія [13] Іовомъ Борецкимъ, который по кончинѣ своей 1631 года погребенъ въ Михайловской церкви.

Преданіе увѣряетъ, что въ переднемъ придѣлѣ сей церкви погребенъ по правую сторону Князь Святополкъ-Михаилъ, а по лѣвую сторону Княгиня Варвара,—гдѣ и дѣйствительно видны гробничныя формы.

Послѣ Исаіи Копинскаго настоятелями Михайловскаго монастыря были Игумены, съ 1737 года Архимандриты; а съ 1800 года онъ опредѣленъ въ настоятельство и мѣстопребываніе Викарія Митрополіи Кіевской, Епископа Чигиринскаго.—

Но еще за полвѣка до того, какъ поставлена была Золотоверхая церковь Святополкомъ Изяславичемъ, отецъ его Изяславъ Ярославичь создалъ во свое крестное имя великолѣпный *монастырь Дмитріевскій*, заложенный въ 1055 году, послѣ побѣды надъ Торками. Въ 1086 году, убитый подъ Звенигородомъ Князь Ярополкъ Изяславичь былъ погребенъ въ церкви св. Апостола Петра, которую самъ онъ началъ строить въ монастырѣ Дмитріевскомъ. О семъ

монастырѣ Несторъ повѣствуетъ слѣдующее: «Изяславъ же постави монастырь св. Дмитрія и выведе Варлаама на игуменство къ св. Дмитрію *(изъ монастыря Печерскаго)*, хотя створити выше сего монастыря, надѣяся *на* богатьство. Мнози бо монастыри отъ Царь и отъ Бояръ и отъ богатьства поставлени, но не суть таци *(такіе)*, каци суть поставлени слезами, пощеньемъ, молитвою, бдѣньемъ. Антоній бо не имѣ злата ни серебра, но стяжа слезами и пощеньемъ».—Сіи слова преподобнаго Нестора были пророческіе: монастырь Антоніевъ и нынѣ сіяетъ нетлѣннымъ, дивнымъ величіемъ, при всѣхъ переворотахъ, испытанныхъ имъ въ продолженіи 8-ми вѣковъ; а монастыря Дмитріевскаго давно уже нѣтъ, и самое мѣсто его, покрылось сомнѣніемъ.

Къ юговостоку отъ Михайловской церкви, внутри монастырской ограды лежитъ въ землѣ разрушенное каменное основаніе большой древней монастырской церкви. Отъ сего мѣста нѣкогда спускался по Михайловской горѣ взвозъ на Подолъ мимо Крещатика, называвшійся въ 17-мъ вѣкѣ *Крещатицкимъ*. Изъ городовыхъ записей 1654 года извѣстно, что сей взвозъ назывался еще *Дмитровскимъ*, а лежащій при его началѣ нагорный оврагъ *Дмитровскою лукомью* или *лукомытью* [14]. Все сіе приводитъ къ мысли, что

упомянутая развалина на Михайловской горѣ есть остатокъ монастыря Дмитріевскаго. Однако есть другое извѣстіе, у Сильвестра Коссова: въ Патерикѣ своемъ на страницѣ 180 говоритъ онъ, что въ его время (1635 г.) отъ Дмитріевскаго монастыря оставался только *плацъ* близъ монастыря Печерскаго. Сіе извѣстіе любопытно, какъ мнѣніе, бывшее въ 17-мъ вѣкѣ; впрочемъ оно могло быть не древнимъ преданіемъ, а только ученымъ мнѣніемъ тогдашнихъ Печерскихъ иноковъ; и тотъ *плацъ*, о которомъ говоритъ Коссовъ, могъ быть остаткомъ не монастыря Дмитріевскаго, а только *Петропавловской* Берестовской церкви, при коей находился священникомъ благочестивый Иларіонъ до 1051 года.

4. Софійское отдѣленіе Стараго Кіева.

Дальнѣйшее распространеніе Стараго Кіева произошло при Ярославѣ Благовластномъ, особливо послѣ 1036 года, когда онъ разбилъ Печенѣговъ, напавшихъ на Кіевъ, и сею побѣдою положилъ конецъ ихъ набѣгамъ на Русь.

Въ память сей славной побѣды, на мѣстѣ пораженія Печенѣговъ, Ярославъ заложилъ въ 1037 году величественную каменную *церковь св. Софіи*. Въ томъ же году »заложи Ярославъ *градъ великій*, у него же суть *золотыя врата*». Такимъ об-

разомъ къ первоначальному городу прибавилось цѣлое Софійское отдѣленіе, составлявшее съ тѣхъ поръ знатнѣйшую часть Кіева. Съ той поры здѣсь уже былъ и главный *Княжій дворъ*, называвшійся въ 12-мъ вѣкѣ *дворомъ Ярославлимъ* и находившійся гдѣ нибудь возлѣ Софійской церкви.

Церковь св. Софіи, Премудрости Божіей, посвящена у насъ Рождеству Богородицы, и храмовой праздникъ ея совершается 8 Сентября [15]. Она построена была по подобію великолѣпнаго Софійскаго храма въ Царѣгородѣ, воздвигнутаго въ 6-мъ вѣкѣ Царемъ Юстиніаномъ; но только въ меньшемъ противъ нея размѣрѣ: ибо Ярославовская церковь имѣла въ длину 17, въ ширину $25\frac{1}{2}$ сажень, въ вышину до карниза подъ куполомъ 10 сажень съ аршиномъ, а въ поперечникѣ купола 10 аршинъ; Юстиніановская же имѣла въ длину слишкомъ 40, въ ширину 36, въ вышину до аркъ 23 сажени, а въ поперечникѣ купола 38 аршинъ.—Богатою рукою Благовластный Ярославъ украсилъ храмъ Софійскій золотомъ и серебромъ, мусіею и мраморомъ; и установилъ при немъ Митрополію, т. е. катедру и дворъ Митрополичьи, и помѣстилъ тамъ избраннаго въ 1051 году въ Митрополиты благочестиваго Берестовскаго священника Иларіона *Русина*.

При нашествіи Батыевомъ Софійская церковь, по своей огромности, менѣе Десятинной и другихъ

Кіевскихъ церквей потерпѣла разрушенія: древнія стѣны ея уцѣлѣли почти до самаго купола.

Знаменитому Митрополиту Кипріану принадлежитъ первое обновленіе Софійскаго храма. Но онъ и послѣ того, бывъ неразъ разграбляемъ Татарами и съ 1596 года завладѣнъ Уніатами, пришелъ было въ крайній упадокъ. Но когда Митрополитомъ Кіевскимъ сталъ благодѣтельный Петръ Могила, тогда онъ, по силѣ данныхъ ему отъ Короля Владислава IV-го привилегій, отобралъ отъ Уніатовъ Софійскую церковь для Православной Митрополіи Кіевской (въ 1633 г.) и приложилъ великое попеченіе о возстановленіи оной. Къ древнимъ стѣнамъ ея онъ придѣлалъ новыя пристройки и надстроилъ новый куполъ. Соревнуя Петру Могилѣ, и послѣдующіе Митрополиты заботились о внутреннемъ убранствѣ Софійскаго храма, и привели его постепенно въ нынѣшній видъ. Теперь въ Софійскомъ Соборѣ находится 17 придѣловъ; вершина его состоитъ изъ 11 большихъ и 4 малыхъ куполовъ; вышина его отъ полу до верха креста 22 сажени. Нынѣшняя ограда съ тріумфальною колокольнею построена около 1746 года Митрополитомъ Рафаиломъ Заборовскимъ.

Между драгоцѣнностями Софійской церкви въ древнее время находился въ алтарѣ (по свидѣтельству Кіевскаго Пролога) крестъ, принесен-

ный изъ Царягорода святою Ольгою. Теперь изъ древнихъ украшеній сего храма остались только нѣсколько половыхъ плитъ бѣлаго мрамора и краснаго лещедника,—нѣсколько гранитныхъ перилъ съ вырѣзанными на нихъ орлами и другими изображеніями; но всего замѣчательнѣе мозаическія изображенія, оставшіяся по стѣнамъ въ алтарѣ и внутри церкви подъ куполомъ. Особенно прекрасенъ величественный образъ Богоматери въ алтарѣ на полусводѣ отъ горняго мѣста. Она изображена на золотомъ полѣ въ исполинскій ростъ, стоящею на четвероугольномъ золотомъ камнѣ съ воздѣтыми руками, въ лазоревомъ хитонѣ, съ бѣлымъ утиральникомъ за червленнымъ поясомъ, съ лазоревыми поручьми, а на главѣ и раменахъ съ золотою складочною фелонью или покрываломъ. Подъ симъ изображеніемъ находятся еще два, также древней мозаической работы: на верхнемъ представлена Тайная вечеря, а на другомъ, нижнемъ, десять Святителей. Алтарное мѣсто, на которомъ въ продолженіе 8-ми вѣковъ сохранилось изображеніе Божіей Матери невредимымъ, названо въ народѣ *нерушимою стѣною*. Кромѣ того въ алтарѣ открыты въ прошломъ году еще двѣ древнія мозаическія картины, заслоненныя иконостасомъ: на одной изображена Пречистая Дѣва прядущая веретеномъ, а на другой благо-

вѣствующій Архангелъ Гавріилъ. Внутри церкви, также древнею мусіею изображены на восточной къ алтарю дугѣ образъ Спасителя на золотомъ полѣ, а поверхъ дуги Божія Матерь. Изъ древнихъ изображеній четырехъ Евангелистовъ на треугольникахъ подъ куполомъ сохранился образъ св. Марка и половина образа св. Евангелиста Іоанна. По дугамъ изображены были 40 мучениковъ; но изъ нихъ только на 15 уцѣлѣла древняя мусія.

Изъ чудотворныхъ иконъ, находятся въ Софійскомъ храмѣ четыре: *Любецкая* икона Божіей Матери, и *Любецкая*-же икона Спасителя, перенесенныя сюда изъ Любеча Митрополитомъ Гедеономъ-Святополкомъ княземъ Четвертинскимъ; икона *Купятицкой* Божіей Матери, перенесенная въ Кіевъ во второй половинѣ 17-го вѣка православными монахами изъ села Купятичей Пинскаго уѣзда, когда тамошнимъ монастыремъ завладѣвали сперва Бенедиктинцы, а потомъ Уніаты; наконецъ икона *Николая Мокраго,* такъ названнаго по чудотворному спасенію утопшаго въ Днѣпрѣ младенца.

Въ Софійскомъ храмѣ погребенъ былъ своимъ сыномъ Всеволодомъ Великій Князь Ярославъ, скончавшійся 1054 г. Февраля 19, и положенъ здѣсь въ *мраморной ракѣ*. Въ 1093 г., возлѣ отцевской гробницы, погребенъ былъ и Всеволодъ

Ярославичь, а потомъ и сыновья Всеволодовы: юный Князь Ростиславъ, который по предреченію Печерскаго чудотворца Григорія утонулъ въ рѣкѣ Стугнѣ, во время битвы съ Половцами 1093 г., и Владиміръ Мономахъ, въ семъ же храмѣ вѣнчанный 1119 года царственнымъ вѣнцемъ и бармами, присланными ему изъ Царягорода, которыми и теперь Руские Цари вѣнчаются въ Москвѣ на Единодержавіе. Уцѣлѣвшая отъ разрушенія бѣломраморная гробница Ярославова, украшенная рѣзными изображеніями, стоитъ въ придѣлѣ св. Владиміра, вдѣланная въ сѣверную стѣну большаго алтаря.

Тѣла Кіевскихъ Митрополитовъ погребаются въ усыпальницѣ или склепу, находящемся въ юго-западномъ углѣ церкви; но святыя мощи Митрополита Макарія, убитаго Татарами 1 Мая 1497 года, на пути его изъ Вильны въ Кіевъ, почиваютъ въ ракѣ на правой сторонѣ сего же храма; а на лѣвой сторонѣ онаго находятся, также подъ золоченою сѣнью, части мощей многихъ Святыхъ, въ томъ числѣ кость отъ правой руки св. Владиміра, положенная сюда Петромъ Могилою, и лѣвая рука отъ мощей св. Великомученицы Варвары.

При Софійской церкви съ 1051 года былъ катедральный монастырь, въ которомъ въ послѣднее время бывало братіи до ста человѣкъ. Но въ 1786 г., когда съ саномъ Митрополита Кіев-

скаго соединено и званіе Архимандрита Печерской Лавры, монастырь сей упразднен и оставлен только мѣстопребываніем Кіевскаго Митрополита, а Софійскій храм оставлен катедральным Собором. С того времени по 1814 год первым Соборным протоіереем был знаменитый Кіевскій проповѣдник Іоанн Леванда, который и погребен в Софійской церкви. —

Наконец достойно воспоминанія, что великій строитель храма сего, в послѣдніе годы своей жизни, основал при нем первое на Руси книгохранилище народное. «И бѣ Ярослав любя церковные уставы.... и книгам прилѣжа, и почитая часто в нощи и во дни, и собра писцы, и прелагаше от Грек на Словенское письмя, и списаша книги многи, ими же поучахуся вѣрніе людіе, и положи в св. Софіи, юже созда сам».—

Из других монастырей, построенных Ярославом, извѣстны два; оба невдалекѣ от Софійской церкви. Первый из них *монастырь св. Георгія,* заложенный Ярославом во свое крестное имя, на запад от Софійской церкви, по направленію к Золотым вратам. Ярослав назначил сей монастырь для посвященія и *столованія* Руских Епископов, и повелѣл по всей Руси ежегодно праздновать день его освяще-

нія—26 Ноября (по стариннымъ Кіевскимъ мѣсяцословамъ 1045 г.). Въ Георгіевской церкви въ 1063 г. погребенъ невольный затворникъ и схимникъ Князь Судиславъ Владиміровичъ.—Другой монастырь, на югъ отъ Софійскаго храма, былъ *монастырь св. Ирины.* Предполагаютъ весьма правдоподобно, что онъ былъ женскій, и поставленъ Ярославомъ въ честь своей Княгини Ингигерды, которой гробница находится въ Великомъ Новѣгородѣ, въ знаменитой Софійской церкви, воздвигнутой 1045 г. по образцу Кіевской, Ярославовымъ сыномъ Владиміромъ. Впрочемъ построеніе Иринииской церкви близъ Софійской могло быть также въ подражаніе Царюгороду; ибо и тамъ возлѣ первоначальной Софійской церкви, построенной Константиномъ Великимъ, также находилась церковь св. Ирины.

Что касается до сооруженнаго Ярославомъ *града великаго* съ Золотыми вратами, то сія ограда состояла изъ большихъ земляныхъ валовъ, и еще, какъ полагаютъ многіе, изъ каменной стѣны вокругъ Кіева. Была ли дѣйствительно сія стѣна, и какъ далеко простиралась она, объ томъ ничего невидно изъ нашихъ лѣтописей; иностранные же писатели среднихъ вѣковъ говорятъ объ ней преувеличенно.

Кіевскія *Золотыя врата* сооружены и названы симъ именемъ въ подобіе Золотыхъ вратъ Царя-

города, воздвигнутыхъ Царемъ Θеодосіемъ Великимъ, въ память его побѣды надъ Максимомъ. На своихъ Золотыхъ вратахъ Ярославъ поставилъ *церковь св. Благовѣщенія,* для того «да всегда радость граду тому святымъ Благовѣщеніемъ будетъ». Сохранилось преданіе, что на сей церкви былъ золотой куполъ; а створы въ воротахъ были обиты золочеными мѣдными листами. Въ Польскихъ хроникахъ пишется, будто Болеславъ Храбрый, въѣзжая торжественно въ Кіевъ, ударилъ по Золотымъ вратамъ своимъ мечемъ, который отъ того ущербился, и что сей мечь *щербецъ* долго сохранялся въ Краковѣ, и что Короли Польскіе при своемъ коронованіи, также идучи на битву, всегда имъ припоясывались. Но по свидѣтельству Нестора, Болеславъ въѣзжалъ въ Кіевъ 1018 года; а на мѣстѣ Золотыхъ вратъ и Софійскаго храма еще и въ 1036 году было «поле внѣ града». - Потому, если въ самомъ дѣлѣ существовалъ Болеславовскій мечь, ущербленный объ Золотыя врата, то его ущербилъ не Болеславъ Храбрый, а развѣ его правнукъ Болеславъ II,—вѣроятно на прощанье съ Кіевомъ, гдѣ онъ въ 1069 году такъ загостился у Изяслава Ярославича, что прогулялъ свое королевство и бѣжалъ въ Венгрію, лишенный отъ Папы королевскаго званія. Въ Польскихъ хроникахъ пишется, что и сей

Болеславъ ударялъ своимъ мечемъ объ Золотыя врата.—

Кромѣ Золотыхъ вратъ въ древней Ярославовской оградѣ были еще *Жидовскія* и *Лятскія* врата. Обо всѣхъ трехъ упоминается въ Руской лѣтописи подъ 1151 годомъ, при осадѣ Кіева Юріемъ Долгорукимъ.

Относительно Жидовскихъ воротъ [16], я полагаю за несомнѣнное, что это были тѣ самыя ворота, которыя въ послѣдствіи назывались *Львовскими*, и что сіе послѣднее названіе они получили уже въ концѣ XIII-го вѣка, по имени Галицкаго города Львова, подобно тому, какъ находящаяся теперь вмѣсто ихъ застава названа въ концѣ прошедшаго столѣтія *Житомирскою*. Деревянныя Львовскія ворота, вмѣсто прежнихъ каменныхъ построенныя, существовали до 1795 года. Икона св. Богоматери, *всѣхъ скорбящихъ радости*, стоявшая на каменныхъ Львовскихъ воротахъ, хранится въ Срѣтенской церкви, не въ дальнемъ оттуда разстояніи находящейся [17]. Къ сей иконѣ Кіевляне, не только Православные, но и Католики, имѣютъ особенное почитаніе, и по суботамъ приходятъ къ ней на слушаніе акаѳиста.

Что касается до *Лятскихъ* воротъ, то они находились по другую, юговосточную сторону Золотыхъ, и къ нимъ пролегала дорога черезъ тѣ *дебри* или овраги, на которыхъ теперь по-

мѣщается Крещатицкая и отъ нея идущая Софійская улица. На ихъ мѣстѣ и въ послѣдующіе вѣка, тѣмъ же именемъ назывался проѣздъ чрезъ верхній Старокіевскій валъ [18]. Ворота Лятскія были роковыя для древняго Кіева. «Ту бѣ видѣти ломъ копейный и щитомъ скепаніе!» Черезъ нихъ-то сокрушительный Батый вломился въ древній Кіевъ и ниспровергъ все, чѣмъ онъ застроенъ былъ отъ Владиміра, Ярослава и ихъ потомковъ.

5. *Развалины и укрѣпленія Стараго Кіева.*

Печальный видъ запустѣнія представлялъ собою нашъ первопрестольный Кіевъ въ продолженіе четырехъ вѣковъ, покрытый развалинами и обломками своего прежняго величія. Митрополитъ всея Руси Кириллъ II-й, посвященный въ 1250 году, и его пріемники не находили уже себѣ пристанища въ Кіевѣ и утверждали свою катедру въ Суздалѣ и Москвѣ, гдѣ находился престолъ Великокняжескій; а когда Руская Митрополія раздѣлилась на Московскую и Кіевскую, тогда Митрополиты Кіевскіе проживали болѣе въ Вильнѣ и Новоградкѣ Литовскомъ.— Народъ Рускій благоговѣлъ къ нетлѣнной святынѣ своего Кіева, и чуждался его развалинъ. Величавая древняя жизнь его въ народной па-

мяти слилась въ одинъ богатырской вѣкъ Владиміровъ; дѣйствительныя событія Руской древности въ народномъ воображеніи разрослись въ исполинскіе размѣры. Древній Кіевъ сталъ баснословнымъ. Укромныя пещеры его народная молва продолжила до Смоленска и Москвы, и провела ихъ подъ Днѣпромъ. Народныя сказанія о Кіевѣ расходились по далекимъ странамъ, и тамъ дополнялись новыми вымыслами. Нѣкоторые западные писатели съ удивленіемъ разсуждали и писали о чрезвычайной длинѣ пещеръ, и о развалинахъ каменной стѣны древняго Кіева, простиравшейся на 8 миль. Для самыхъ Кіевлянъ не только *Лысая гора*, на лѣвой сторонѣ Днѣпра находящаяся, но даже и въ Кіевѣ *садъ Кучинскаго* сталъ пугалищемъ и считался сборнымъ мѣстомъ Кіевскихъ вѣдьмъ. Еще въ половинѣ 17-го вѣка проповѣдникъ Доминикіанскаго Кіевскаго монастыря Петръ Розвадовскій, исчисляя урочища, коими владѣлъ тотъ монастырь въ Кіевѣ, писалъ между прочимъ: «Грунтъ къ Днѣпру за Бернардинами, подлѣ грунту Лейзара арендатора жида; тамъ былъ деревянный Типографскій дворъ, между симъ жидомъ и садомъ Кучовскаго, гдѣ *вѣдьмы слетались*»... Этотъ садъ находился на склонѣ Михайловской горы къ Днѣпру, по направленію отъ Чертова беремища къ Хрещатику. На полуденномъ склонѣ Михайлов-

ской горы, гдѣ теперь театръ, въ 16-мъ вѣкѣ была *Введенская нива,* которую пахалъ Кіевскій мѣщанинъ *Черевчѣй* и его потомки. Черезъ сію ниву лежала *Михайловская стежка* или дорожка, по которой ходили Кіевляне въ Печерскій и Никольскій монастырь; а начинающаяся отсюда нынѣшняя Крещатицкая улица называлась тогда *Евсѣйковою долиною,* черезъ которую шла *старая* набережная дорога и (обще съ *Крещатицкимъ взвозомъ* съ Михайловской горы) спускалась къ берегу рѣки Почайны, до моста, находившагося возлѣ Рождественской церкви противъ *Михайловскаго* или древняго Боричева взвоза. Сія старая дорога подъ Михайловскою горою на Подолъ, устроена вновь Кіевскимъ Губернаторомъ Кн. Голицынымъ около 1715 года.

Но чтобы имѣть нѣкоторое понятіе о самомъ Старомъ городѣ, въ томъ состояніи, какъ онъ былъ еще около половины 17-го вѣка, взгляните на планъ Печерской Лавры, изданный Печерскимъ монахомъ Аѳанасіемъ Калнофойскимъ въ 1638 году, при его книгѣ Тератургимѣ. На верхнемъ уголкѣ того плана набросанъ въ отдаленіи видъ Стараго города, и вотъ какъ онъ тамъ описанъ:

«47. Въ другую сторону дорожка прямо чрезъ долъ до *большихъ валовъ;* въ нихъ, какъ бы

въ своей оградѣ, простирающейся до вратъ городскихъ,—

48. Церковь *св. Софіи,* уже нѣсколько лѣтъ начавшая значительно поправляться.

49. Церковь *св. Архангела Михаила* и монастырь при ней.

50. Церковь *св. Θеодора Тирона,*—только стѣны стоятъ...

51. Церковь *св. Василія,* первѣе всѣхъ созданная Великимъ Владиміромъ.

52. Церковь *Пресвятыя Богородицы Десятинная.*

53. Церковь *св. Симеона,* надъ самымъ Кіевомъ (Подоломъ); а прочія лежатъ большими могилами, кажется на вѣки погребенны.

54. Отъ нихъ воротами мимо замка, на высокой горѣ воздвигнутаго, сходитъ дорога до плачевнаго Кіева (Подола), нынѣ едвали достойнаго называться именемъ прежняго Кіева: въ томъ было церквей болѣе 300 каменныхъ, деревянныхъ 100; а въ нынѣшнемъ всѣхъ едва 13....»

Современникъ Калнофойскаго Польскій инженеръ Бопланъ, въ своемъ Описаніи Украины (1650 г.) также говоритъ, что въ Кіевѣ тогда было только десять Православныхъ церквей и четыре костела Католическіе,—что полуразрушенныя стѣны Васильевской церкви возвыша-

лись отъ 5 до 6 футовъ и покрыты были вырѣзанными на алебастрѣ, но отъ времени уже изгладившимися, Греческими надписями. По его же словамъ Старый Кіевъ называли тогда *Епископскимъ* городомъ, а Подолъ *Мѣщанскимъ*.

При всемъ запустѣніи своемъ Старый Кіевъ служилъ однако главнымъ убѣжищемъ для Кіевлянъ, въ тѣ непокойныя и бѣдственныя для нихъ времена. Въ древнихъ валахъ, коими окружены были и Андреевское, и Софійское, и Михайловское отдѣленіе Стараго города, окрестные жители находили себѣ защиту отъ нападеній непріятельскихъ; и въ такихъ случаяхъ они обновляли прежніе валы, городились новыми полисадами.

Что касается до *Кіевскаго замка*, то онъ стоялъ не на Вздыхальницѣ, а на горѣ Киселевкѣ [19],—слѣдственно онъ принадлежалъ собственно къ Нижнему городу или Подолу, которымъ и управлялъ онъ.—Построеніе сего замка, вѣроятно принадлежитъ воинственному Князю Витовту. Ханъ Эдигей, бывшій врагомъ сего Князя, въ 1416 году привелъ въ запустѣніе Кіевъ, ограбилъ Печерскую церковь; но Кіевскаго замка, какъ ни осаждалъ, а взять не могъ.—Александръ Гванини, Воевода Витебскій, пишетъ, что въ его время (т. е. въ началѣ 17-го вѣка)

«Кіевскій замокъ былъ вдвое больше Краковскаго, имѣлъ 7 большихъ и много меньшихъ башень, деревянныхъ, обтыненъ былъ частоколомъ и окопанъ валомъ». Но Гванини не разумѣлъ ли всего Стараго города подъ именемъ замка?...

Кромѣ сего Кіевскаго замка, возлѣ Стараго города былъ еще другой, *Митрополичій замокъ,* неизвѣстно когда построенный, за такъ называвшимся *пробитымъ* валомъ [20], на Кудрявцѣ. Съ 1604 года (когда Жигимонтъ III отдалъ Бискупу Кіевскому цѣлую часть Подола за канавою къ горѣ Щековицѣ, а Бискупъ сверхъ того забралъ подъ свою власть всю Іорданскую Оболонь и подъ Старымъ городомъ урочище *Кожемяки*),— урядники Бискупскіе заняли замокъ на Кудрявцѣ и всѣ угодья Митрополичьи, и съ той поры замокъ тотъ назывался *Бискупскимъ.* На его мѣстѣ уже Митрополитъ Іосифъ Кроковскій устроилъ Митрополичій дворецъ, существовавшій до 1788 года. Теперь тамъ пустое подворье близь Вознесенской церкви.

Въ 15-мъ вѣкѣ былъ еще одинъ небольшой замокъ—Кіевскаго Князя Симеона Олельковича; но онъ также принадлежалъ не къ Старому городу, а стоялъ противъ него на лѣвой сторонѣ Днѣпра за Черторыею. На мѣстѣ сего замка въ 17-мъ вѣкѣ было уже пустое заглохшее городище съ довольно высокимъ валомъ, которое

называли *Олельковымъ городищемъ*. За нимъ не въ дальнемъ разстояніи находились *Сторожевыя горы*. Можетъ быть на мѣстѣ сего же городища и въ древнее время былъ *Городецъ*, извѣстный въ нашихъ лѣтописяхъ. Но возвратимся къ валамъ Старо-Кіевскимъ.

Крѣпостные валы Стараго города неразъ были обновляемы и въ позднѣйшее время. Такъ вскорѣ послѣ того, какъ Украина съ Кіевомъ, освободясь отъ Польши усиліями Хмельницкаго, присоединилась къ Россіи въ 1654 году, прежнее Старокіевское укрѣпленіе обновлено было Княземъ Куракинымъ, первымъ Кіевскимъ Воеводою отъ Россіи.

Въ 1679 году, когда подъ Кіевомъ собрано было многочисленное войско Московское и Запорожское, въ ожиданіи Турецкаго нашествія изъ-подъ Чигирина,—Князь Черкаскій, командовавшій Московскимъ войскомъ—«на знаменіе бытія своего подъ Кіевомъ обведоша великій градъ Кіевскій многими крѣпкими валами» (Кіевскій Синопсисъ).—Къ сдѣланнымъ тогда окопамъ принадлежитъ нижній валъ, проходившій отъ Михайловскаго монастыря до Золотыхъ вратъ, по южной отлогости Старокіевской горы. Посредствомъ вала сего пригородилось тогда къ Старому Кіеву новое *Печерское* отдѣленіе. Именемъ *Печерскихъ* названы были и каменныя

ворота въ семъ нижнемъ валу, которые существовали до 1833 года, и въ позднѣйшее время назывались иногда Лядскими. На мѣстѣ ихъ сбирается теперь Крещатицкій базаръ, возлѣ урочища, называемаго *Козьимъ болотомъ*.

Въ послѣдній разъ укрѣпленъ былъ Старый Кіевъ во время войны съ Турціею (1732–37). Тогда графъ Минихъ, поверхъ старыхъ окоповъ и деревянныхъ укрѣпленій, насыпалъ огромный валъ, обходящій вокругъ Стараго города, и соединилъ оный съ Подоломъ посредствомъ полисадовъ; а къ Печерской крѣпости отъ него провелъ ретраншементы. Сія Старокіевская крѣпость, въ отличіе отъ Печерской, называлась еще и *Софійскою*.

Въ высокомъ бастіонѣ Миниховскаго вала были засыпаны и каменные остатки Золотыхъ вратъ Ярославовыхъ; а возлѣ нихъ (вправо) сдѣланы были тогда же обыкновенныя каменныя ворота, которыя также назывались *Золотыми* и существовали до 1799 года. На древнемъ остаткѣ Золотыхъ вратъ въ 17-мъ вѣкѣ стояла икона Казанской Божіей Матери, которая 1699 года Октября 20 перенесена въ нынѣшнюю на Старомъ Кіевѣ Троицкую церковь [21], какъ видно изъ надписи, на той иконѣ находящейся. Рисунокъ съ Золотыхъ вратъ, снятый 1657 года, найденъ между бумагами послѣдняго Польскаго

Короля Станислава Августа. Сбереженный Минихомъ остатокъ Золотыхъ вратъ раскрытъ отъ земли въ 1832 году, и составляетъ нынѣ «памятникъ достойный сохраненія».

Остатки древняго Ирининскаго монастыря еще въ 17-мъ вѣкѣ засыпаны были землею въ излучинѣ верхняго Старокіевскаго вала, проходившей возлѣ ограды Софійскаго Собора. Юго-восточная половина развалинъ Ирининской церкви раскрыта въ 1833 году; остальная же ихъ часть находится еще въ неразрытомъ концѣ сего вала, подъ садомъ Воронцова [22]. При раскрытіи земли надъ алтарнымъ мѣстомъ, найдено много мѣдныхъ копѣечекъ, битыхъ въ Псковѣ 1659 года. Изъ этого видно, что сей валъ проведенъ былъ надъ развалинами Ирининской церкви уже послѣ Куракина, вѣроятно при Князѣ Черкаскомъ (1679 г.).

На древнемъ основаніи сосѣдняго съ Ирининскимъ монастыремъ монастыря Георгіевскаго, построена была еще въ 17-мъ вѣкѣ деревянная церковь; а въ 1744 году, повелѣніемъ и иждивеніемъ Императрицы Елисаветы, поставлена тамъ каменная ружная церковь св. Георгія. Въ ней находится красивая гробница Князя Константина Александровича Ипсилантія, скончавшагося 1816 года 27 Іюня [23].

За святою Ириною говоритъ Несторъ—была

могила Дирова. Она, я думаю, находилась гдѣ нибудь на горѣ, невдалекѣ отъ древнихъ Лятскихъ воротъ. Но теперь напрасно бы стали искать ея слѣдовъ—теперь, когда для благоустройства нынѣшняго Кіева, можно сказать, на нашихъ глазахъ, не только изчезли внутренніе валы Стараго Кіева, но во многихъ мѣстахъ уже изгладились и тѣ насыпи, надъ которыми трудились Черкаскій и Минихъ. Въ оставшемся надъ Боричевымъ отрывкѣ стариннаго вала (срытаго въ 1834 году), можно примѣтить, подъ верхнимъ и среднимъ слоемъ земли, древнѣйшую основу,—можетъ быть остатокъ того еще вала, которымъ окопанъ былъ первоначальный Кіевъ. Въ томъ валу, который идетъ надъ краемъ Андреевской горы вдоль Днѣпра, дотлѣваютъ большіе деревянные срубы, коими Старый Кіевъ городился въ среднія времена, поверхъ древняго окопа.

Въ настоящее время быстро обновляющійся Старый Кіевъ выравнивается прямыми улицами и площадями, выстраивается новыми домами, намѣсто ветхихъ лачужекъ и узенькихъ кривыхъ переулковъ, которыми, какъ лабиринтомъ, покрылись древнія развалины Стараго Кіева въ вѣка его бѣдности.

Подъ этими очередными слоями заселеній Стараго города, скоро нельзя будетъ распознать и

тѣхъ немногихъ мѣстъ, на которыхъ еще въ 17-мъ вѣкѣ стояли обнаженныя развалины Русской древности. При тогдашнемъ обновленіи Стараго города обломки древнихъ зданій разошлись на новое жилье; а остальная часть ихъ покрылась новыми слоями земли,—подъ садами, на нихъ выросшими, и подъ домами на нихъ водворившимися.

Такъ остатки *Андреевскаго* или *Янчина монастыря,* который въ 1086 году построенъ былъ Всеволодомъ Ярославичемъ, и въ которомъ настоятельствовала извѣстная въ нашихъ лѣтописяхъ дочь его *Янка,*—скрываются въ неизвѣстности подъ землею, невдалекѣ отъ Десятинной церкви.

Такъ невидно теперь уже слѣда и древней *церкви св. Симеона,* еще въ началѣ прошедшаго вѣка стоявшей развалиною надъ Подоломъ, на горѣ Вздыхальницѣ. Церковь сія съ монастыремъ воздвигнута была любознательнымъ Княземъ Святославомъ Ярославичемъ [24] и памятна погребеніемъ въ ней Святославова внука Игоря Ольговича, по убіеніи его въ 1147 году. Сей святой мученикъ былъ уже схимникомъ въ Ѳеодоровскомъ монастырѣ, и взятъ оттуда возмутившимися Кіевлянами 19 Сентября, въ самый часъ молитвы своей въ Ѳеодоровской церкви передъ образомъ св. Богоматери.

Каменная *церковь св. Θеодора* основана была въ 1128 году Мономаховымъ сыномъ Мстиславомъ Великимъ. Его сыновья учредили при ней мужескій монастырь и назвали его, въ память своего тамъ погребеннаго (1132 г.) отца, *Вотчимъ* монастыремъ. Отъ Θеодоровской церкви въ 17-мъ вѣкѣ оставались еще стѣны. Но теперь, кажется надъ ея основаніемъ [25] находится полудеревенскій дворъ Королёва, съ утлымъ жильемъ и небольшимъ садомъ. А тотъ древній образъ св. Богоматери, передъ которымъ молился Князь Игорь Ольговичь, хранится въ большой Печерской церкви, въ придѣлѣ св. Стефана, на жертвенникѣ.

Но гдѣ была другая, тѣмъ-же Мстиславомъ въ 1131 году основанная церковь *св. Богородицы Пирогощей*, въ которую Новгородсѣверскій Князь Игорь Святославичь, освободясь изъ плѣна Половецкаго, *ѣхалъ по Боричеву*, чтобы поклониться въ ней св. иконѣ Пирогощей?... Та икона была привезена изъ Царягорода на одномъ кораблѣ съ достопамятнымъ образомъ Владимірской Божіей Матери, который Андреемъ Боголюбскимъ перевезенъ былъ изъ Вышгорода во Владиміръ на Клязьмѣ, а нынѣ составляетъ драгоцѣнную святыню Московскаго Успенскаго Собора.

Одною изъ позднѣйшихъ церквей древняго

Кіева была церковь *Воздвиженія Честнаго Креста*, построенная въ 1212 году незабвеннымъ героемъ древней Руси, *Удатнымъ* княземъ Мстиславомъ Мстиславичемъ, который въ 1228 г. скончался, принявъ схиму, и погребенъ съ сей церкви. На мѣстѣ оной еще въ 16-мъ вѣкѣ стояла каменная Воздвиженская церковь. Но теперь не осталось и ея слѣдовъ.—

Такъ на Старомъ Кіевѣ неизвѣстны мѣста многихъ церквей, многихъ дворовъ княжескихъ и боярскихъ, о которыхъ говорятъ наши древнія лѣтописи, и положеніе которыхъ можно опредѣлять только гадательно. А между тѣмъ на Старомъ городѣ нѣтъ мѣста, кажется, гдѣ бы на извѣстной глубинѣ не было слѣдовъ и обломковъ долговѣчнаго на немъ жилья.—

Проходя по Старому Кіеву и вспоминая минувшее, невольно говоришь себѣ: здѣсь была колыбель Руской жизни, гдѣ развилась и процвѣла она съ такою богатырскою силою и гдѣ просіяла она свѣтомъ Христіанства... Теперь—здѣсь великое кладбище древней Руской жизни, въ концахъ коего Софійскій и Михайловскій храмы возвышаются надъ всѣмъ новымъ, какъ два величественные памятника, тою-же древнею жизнію воздвигнутые, во свидѣтельство о себѣ позднѣйшему потомству!...

6. *Университетъ св. Владиміра.*

Проходя отъ Софійскаго Собора черезъ Золотыя врата, выходишь на поле, простирающееся до рѣчки Лыбеди. Отъ Золотыхъ вратъ ведетъ новая дорога къ величественному зданію, которое готовится для Университета св. Владиміра.

Торжественное открытіе Университета происходило 1834 года, 15-го Іюля—въ день, посвященный памяти Равноапостольнаго *Просвѣтителя* Россіи.

Заложеніе зданія совершено 1837 года 31 Іюля. Въ его основаніе, освященное Кіевскимъ Митрополитомъ Филаретомъ, положена платиновая медаль, на которой изображены: съ одной стороны—портретъ Августѣйшаго Основателя сего храма наукъ; а съ другой—Крестъ въ сіяніи, съ надписью кругомъ «*Во свѣтѣ Твоемъ узримъ свѣтъ*».

Университетское зданіе возвышается еще одинокое, посреди широкаго поля, и причисляется къ Старому Кіеву; но скоро вокругъ него возникнетъ новая часть города, которую по справедливости можно назвать *Новымъ Кіевомъ*.

1839 г.

М. МАКСИМОВИЧЪ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1.— Въ Лаврентьевскомъ (1377 г.) и другихъ старшихъ спискахъ Руской лѣтописи не сказано кто и когда *постави* первоначальную церковь св. Николы на Оскольдовой могилѣ; но въ Кіевскомъ Синопсисѣ сказано, что ее поставила *св. Ольга* по своемъ крещеніи; и это весьма вѣроятно. Для Княгини Ольги, какъ для новой Христіанки, весьма естественно было построеніемъ церкви почтить память и могилу перваго Рускаго Князя-Христіанина, пострадавшаго отъ ближника ея Олега. Существованіе именно *женскаго* монастыря при Никольской церкви, также говоритъ въ пользу сего мнѣнія.— Правда, что въ позднѣйшихъ спискахъ Руской лѣтописи построеніе сей церкви приписано *Олмъ;* но сіе имя придумано уже позднѣйшими лѣтописцами и произведено ими отъ *Олмина двора*, который во время Нестора находился на Оскольдовой могилѣ или Угорскомъ. Мнѣ кажется, что и самое названіе *Олминъ дворъ* едвали не ошибочно распространилось въ лѣтописяхъ, и что въ первоначальныхъ спискахъ Несторовой лѣтописи едвали не было написано *Олжинъ дворъ*, подобно тому, какъ Вышгородъ, принадлежавшій Ольгѣ, называется въ лѣтописяхъ *градъ Олжинъ (Ольженъ, Вользинъ)*.

2.— Можетъ быть, въ древнее время *Ручай* и *Почайна* были два отдѣльные протока, сливавшіеся воедино передъ впаденіемъ оныхъ въ Днѣпръ. Какъ-бы ни было, но Почайна протекала возлѣ Рождественской церкви еще и въ 1700 году, что видно между прочимъ изъ Царской грамоты, въ семъ году данной Михайловскому монастырю.—Песчаная коса, отдѣлявшая Почайну отъ передвижнаго Днѣпра, снесена уже его волнами. Старожилы помнятъ еще, что отъ нея въ прошломъ вѣкѣ оставался рядъ островковъ; послѣдній изъ нихъ, бывшій противъ Хрещатика, снесенъ лѣтъ за десять. Любопытныя еще подробности о сліяніи Днѣпра съ Почайною въ прошломъ столѣтіи, извлечены Берлинскимъ изъ бывшаго Магистратскаго архива. См. его *Краткое описаніе Кіева*, Спб. 1820, въ 8.

3. — Древнее имя *Щековицы* уже измѣнилось: въ 17 вѣкѣ (см. *Кіев. Синопс.*) ее называли *Шковицею*; теперь зовутъ ее *Скавикою.*

4. — Нѣкоторые Кіевоподольскіе старожилы помнятъ, что въ 1810 году, когда для построенія нынѣшней каменной церкви Рождественской, разбирали прежнюю деревянную, построенную 1564 года, то въ ея основаніи найдено было надписаніе, что она поставлена была на *Узвозѣ Боричевомъ.*

5. — «Ольга же повелѣ ископати яму велику и глубоку на дворѣ теремьстѣмъ внѣ града» и т. д.

6. — Трехсвятительская церковь названа *монастыремъ* и на генеральномъ планѣ Кіева 1745 года; въ послѣднее время монастырь сей приписанъ былъ опять къ училищному Братскому монастырю; а съ 1783 г. Трехсвятительская церковь сдѣлана приходскою.

Древняя Васильевская церковь имѣла въ ширину 16½, а въ длину 25 сажень; сложена была изъ тонкихъ четвероугольныхъ кирпичей, на толстой известковой съ толченымъ кирпичемъ подмазкѣ, подобно Софійской и Десятинной церквамъ. По этому можно думать, что она первоначально была построена деревянная; а потомъ уже поставлена каменная Греческими художниками, сооружавшими Десятинную церковь. По сгорѣніи Васильевской церкви около 1660 года, она черезъ нѣсколько лѣтъ приписана была къ монастырю Михайловскому; а 1691 г. отдана Софійскому. —

Кромѣ сей Васильевской церкви, основанной св. Владиміромъ во свое крестное имя, — въ древнемъ Кіевѣ была еще другая *церковь св. Василія,* которую на Новомъ дворѣ построилъ во свое имя Рюрикъ Ростиславичь, и которую освящалъ 1 Января 1198 г. Митрополитъ Никифоръ II. Но гдѣ стоялъ Новый Ростиславовъ дворъ, неизвѣстно.

7. — Я назвалъ гробницы св. Владиміра и Анны *краснокаменными,* для означенія того, что онѣ были не изъ настоящаго *мрамора,* а изъ краснаго шифера.

8.— **Въ Эймундовой Сагѣ повѣствуется, что при нападеніи Брячислава на Кіевъ (въ 1021 году), открыто было только двое городскихъ воротъ, а прочія были закрыты.— Каменныя, такъ называемыя *Батыевы ворота*, на планѣ Кіева 1745 года названы *Кіевскими*.—Но въ 17-мъ вѣкѣ воротами *Кіевскими* назывались кажется тѣ, которыя (какъ видно изъ словъ Кальнофойскаго,—см. выше стр. 41.) стояли надъ Андреевскимъ взвозомъ; ибо въ Патерикѣ Коссова (стр. 16 и 181) упоминается о развалинахъ Десятинной церкви *возлѣ нынѣшней брамы Кіевской, на горѣ стоящей*. Можетъ быть сіи ворота въ древности назывались *Подольскими*. «Отвориша ему (Роману) Кіяне ворота Подольская въ Копыревѣ Конци».**

9.— Вопросъ о мѣстѣ древней Ильинской церкви, мнѣ кажется, рѣшенъ удовлетворительно въ Академическомъ *Изслѣдованіи* Ефима Остромысленскаго (Кіевъ, 1830 г. въ 4). Что касается до времени построенія сей церкви, то она, я думаю, могла быть построена скорѣе при Князѣ Оскольдѣ, чѣмъ при Олегѣ или Игорѣ. Посланный въ Русь отъ Патріарха Игнатія около 867 года Епископъ *Михаилъ*, безъ сомнѣнія заботился о томъ, чтобы въ Кіевѣ была построена церковь; и вѣроятно сему Епископу принадлежало основаніе Кіевской Соборной церкви св. Иліи, тѣмъ болѣе, что и въ Царѣградѣ Соборная церковь была также во имя св. Иліи.

10.— Въ сей любопытной грамотѣ объ исправленіи запустѣвшей тогда Михайловской церкви и возстановленіи при ней общины, между прочимъ сказано: «А то есмы учинили для того, ижъ де ихъ тая церковь отъ вынятя Кіевского опустѣла, и хвалы Божіей въ ней не было». Но здѣсь подъ именемъ *вынятья Кіевскаго* недолжно, кажется, разумѣть разоренія или взятія Кіева Батыемъ; вѣроятнѣе, что здѣсь разумѣлось одно изъ послѣднихъ разореній Кіева Татарами, набѣгавшими въ концѣ 15-го вѣка. Изъ двухъ грамотъ (1501 – 1503 г.), данныхъ Королемъ Александромъ Воеводѣ Кіевскому Князю Путятичу, видно, что еще въ самомъ началѣ 16-го вѣка зачиналось игуменство въ Михайловскомъ монастырѣ (ибо туда назначенъ былъ отъ Воеводы Путятича старецъ *Иванъ Смольянинъ*, на мѣсто коего Король опредѣлилъ *Гришка Григорьевича Попови-*

ча, въ 1501 г., а вскорѣ потомъ Игумена *Іону*); однако оно кажется не упрочилось тогда, и не послужило къ возстановленію монастыря— до Игумена Макарія.

11.—Сильвестръ Коссовъ (Епископъ Мстиславскій, а потомъ Митрополитъ Кіевскій послѣ Петра Могилы) въ своемъ *Патерикѣ* (писанномъ на Польскомъ языкѣ и напечатанномъ въ Кіевѣ, 1635, въ 4)—на 180 стр. именно говоритъ, что Михайловскій храмъ «уже немало обрушенный значительно возстановилъ Іовъ Борецкій». О томъ свидѣтельствуетъ и Калнофойскій, въ своей надгробной надписи Іову Борецкому, который погребенъ былъ въ Михайловской церкви,—но гдѣ именно, теперь уже неизвѣстно. (О сей надписи см. далѣе въ статьѣ *О надгробіяхъ*).

12.—Вмѣсто прежней деревянной, въ 1613 году поставлена нынѣшняя каменная церковь Іоанна Богослова съ трапезою.

13.—Въ сей Митрополичьей Типографіи напечатанъ былъ 1628 г. *Лимонарь или Цвѣтникъ* Софронія Патріарха Герусалимскаго. Типографомъ былъ Спиридонъ Соболь.

14.—Извѣстіе объ этомъ, отыскано въ бывшемъ Магистратскомъ архивѣ Б.рлинскимъ, которому принадлежитъ и мнѣніе о существованіи Дмитріевскаго монастыря на Михайловской горѣ. Но Митрополитъ Евгеній (въ *Опис. Кіев. Лавры*) слѣдовалъ показанію Сильвестра Коссова. Между Кіевскими старожилами ведется мнѣніе, что Дмитріевскій монастырь находился неподалеку отъ древняго Кловскаго, именно на крутомъ бугрѣ Печерской горы, гдѣ теперь стоитъ Нѣмецкая кирка. Не тамъ ли полагалъ и Коссовъ? У него и *плацъ* Дмитріевскаго монастыря и *Кловъ* одинаково означены: *nie daleko* monastera Pieczarskiego.

15.—Рисунокъ примѣчательной храмовой иконы Софійскаго Собора съ подробнымъ ея описаніемъ и сличеніемъ съ храмовыми иконами другихъ Софійскихъ церквей, помѣщенъ въ *Описаніи Кіево-Софійскаго Собора и Кіевской Іерархіи*. Кіевъ, 1825 г., въ 4. Сія книга, богатая свѣдѣніями и разными приложеніями, составлена учеными трудами Митрополита Евгенія, кото-

рый при Софійскомъ Соборѣ основалъ библіотеку рукописей, назначивъ и особаго библіотекаря съ жалованьемъ.

16. — О Жидовскихъ воротахъ упоминается въ Кіевской лѣтописи и подъ 1146 г. Въ записи 1589 г. упоминаются *Жидовскіи кладовищи* (кладбища), находившіяся за пробитымъ валомъ, который отъ Львовскихъ воротъ идетъ внутрь города.

17. — Нынѣшняя деревянная *Срѣтенская* церковь построена 1752 г. намѣсто прежней обветшавшей, неизвѣстно когда основанной.

18. — Объ нихъ упоминается и въ вышеприведенной грамотѣ Жигимонта I. Михайловскому Игумену Макарію: «и землю къ тому монастыру маеть держать по давному, какъ передъ тымъ бывало: по самый валъ, и по Лядскіи ворота, и по Евсикову долину, по старую дорогу, по Михайловскій узвозъ.»

19. — Что Кіевскій замокъ стоялъ на горѣ Киселевкѣ, это видно между прочимъ изъ записки Петра Розвидовскаго о владѣніяхъ Кіевскаго Доминиканскаго монастыря (см. въ прибавленіи къ Опис. Кіево-Соф. Соб.). Въ ней сказано: «По опустошеніи Іоакимѳова конвента, Доминикане подселились *подъ Замокъ на житный торгъ* и основали костелъ подъ именемъ св. Николая.» Далѣе: «Грунтъ подъ горою Здыхальницею *отъ Замку съ сей стороны* подлѣ Бернардиновъ.» Еще: «Грунтъ *за Замкомъ высокимъ Кіевскимъ*, гдѣ мы кирпичный заводъ поставили. Около того на нашемъ грунтѣ сидѣло нѣсколько кожемяковъ».

20. — Долина, а въ послѣдствіи слобода *Кудрявецъ*, лежащая между Старокіевскимъ такъ называвшимся *пробитымъ валомъ* и *глубокою долиною*, получила свое имя отъ протекавшей тамъ рѣчки Кудрявца, на которой въ 17-мъ вѣкѣ была монастырская гребля и *млинокъ* (какъ видно изъ записи 1676 г).

21. — Троицкая церковь возобновлена 1732 г., иждивеніемъ гарнизоннаго полка, и до 1764 г. считалась полковою; а когда основана первоначально, неизвѣстно. Кромѣ сей и Срѣтенской церкви, въ Софійскомъ отдѣленіи Стараго Кіева есть еще

церковь *Златоустинская*, деревянная, построенная 1631 г. На западной сторонѣ Михайловскаго монастыря (на древнемъ Перевѣсищѣ) существовала деревянная церковь *Покровская*, упраздненная 1784 г. — Что касается до Католическаго костела, находящагося вблизи того мѣста, то онъ основанъ по Указу 19 Апр. 1799 г.; а новое возлѣ него каменное зданіе, еще неконченное, заложено въ 1817 г., во имя св. Александра.

22. — Основаніе Иринииской церкви имѣетъ въ длину и въ ширину 11½ сажень. Подробное изслѣдованіе о сей церкви (написанное *К. Каневскимъ*), помѣщено въ Жур. Мин. Нар. Пр. 1836 г. Кн. 12. — Раскрытіе развалинъ ея, равно какъ и Золотыхъ вратъ произведено Лохвицкимъ.

23. — Сей Молдавскій Господарь, отецъ извѣстныхъ Ипсилантіевъ — Александра и Димитрія, послѣднее время своей жизни провелъ въ Кіевѣ, гдѣ и скончался. На гробницѣ его находится слѣдующая стихотворная надпись:

«Въ гробницѣ сей, родныхъ слезами орошенной,
Лежитъ владѣтель Ипсилантій незабвенной,
Что знаменитаго былъ Александра сынъ,
Высокій господарь державный Константинъ;
Честь, слава Греціи, отчизнѣ лучь спасенья,
Отъ ига тяжкаго надежда свобожденья;
Съ кѣмъ милость и любовь, законъ и правота,
И мудрость совершенствъ другихъ всѣхъ красота,
Молдавскою страной и Влахской управляли;
Кому бы доблести безсмертье даровали,
Коль жизни смертнаго назначенный предѣлъ
Равнялся бы числу его великихъ дѣлъ.»

24. — Я заключаю сіе изъ того, что въ Кіевской лѣтописи монастырь св. Симеона называется монастыремъ отца и дѣда Игорева (см. *Карамзина* И. Г. Р. Т. II. прим. 308), и полагаю, что крестное имя Святослава было Симеонъ. Мѣстоположеніе монастыря св. Симеона, по нашимъ лѣтописямъ, было *въ Копыревѣ Концѣ;* слѣдственно этимъ именемъ называлось нагорное предмѣстье, находившееся у самаго Стараго

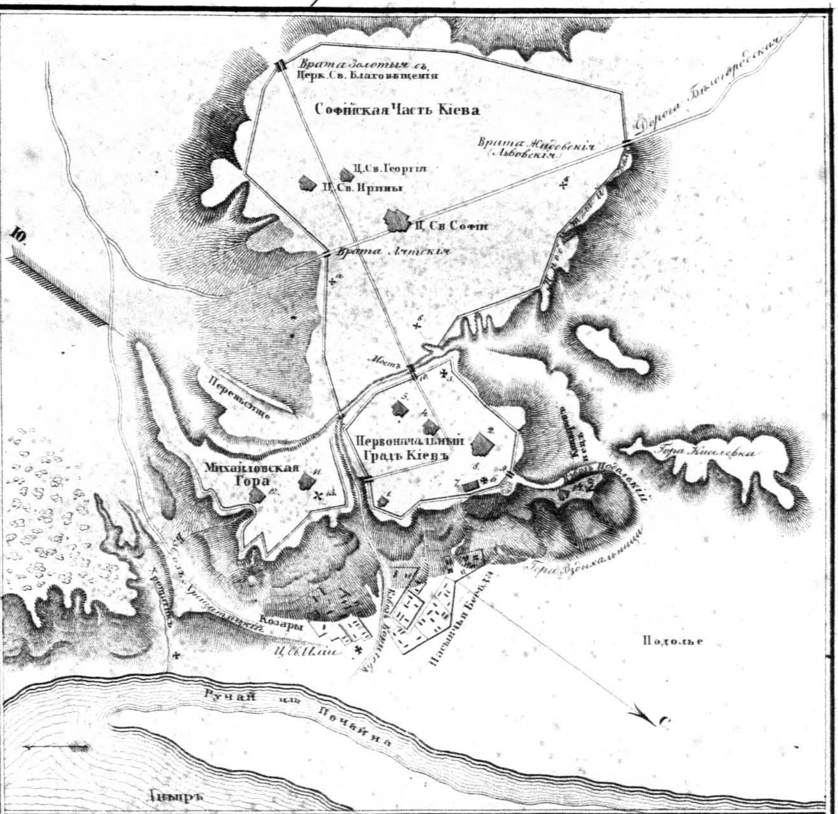
города на Вздыхальницѣ и около нея. «Ста (Всеволодъ Ольговичь) у города въ Копыревѣ Концѝ». 1129 года въ Копыревѣ Концѣ основана *церковь св. Іоанна.*

25.—Часть сихъ развалинъ была раскрываема въ 1838 году Ставровскимъ, отъ Комитета изысканія Кіевскихъ древностей. Образокъ, золотые перстни и другія вещи, тамъ найденныя, хранятся въ Музеѣ древностей, существующемъ при Университетѣ св. Владиміра; а подробное извѣстіе о семъ помѣщено въ Жур. Мин. Нар. Пр. 1839 г. Кн. 3. Впрочемъ не всѣ единогласно признаютъ сіи развалины за остатокъ Θеодоровскаго монастыря. Въ краткой запискѣ о Михайловскомъ монастырѣ, составленной въ 1785 году для Императрицы Екатерины Великой, остаткомъ Θеодоровскаго монастыря названо каменное основаніе какой-то древней церкви, находившейся на востокъ, или точнѣе сказать на сѣверовостокъ—отъ Михайловской церкви, которое и дѣйствительно существуетъ тамъ, въ Архіерейскомъ саду.

Къ сему обозрѣнію прилагается *чертежъ* Стараго Кіева въ *древнемъ* его видѣ, съ тѣми только подробностями, для которыхъ имѣемъ достовѣрныя или вѣроятныя основанія; остальныя подробности, напр. княжескіе и боярскіе дворы, упоминаемые въ лѣтописяхъ, могутъ быть означены предположительно, по личному усмотрѣнію каждаго.

ЧЕРТЕЖЪ СТАРАГО КІЕВА

съ древнимъ видомъ.

Въ Первоначальной или Андреевской Части:

* *Мѣсто нынѣшней Ц. Андрея Первозваннаго, 1744 г.*

1. *Ц. св. Василія на Холмѣ Перуновомъ, 988 г.*
2. *Ц. св. Богородицы Десятинная, 989 г.*
3. *Здѣсь могла быть Первоначальная Ц. св. Софіи, около 957 г. съ монастыремъ.*
4. *Ц. св. Андрея, 1086 г. съ монастыремъ.*
5. *Ц. св. Ѳеодора Тирона, 1128 г. съ монастыремъ.*
6. *Ц. Воздвиженія св. Креста, 1212 г.*
7. *Древнѣйшій Каменный Теремъ.*
8. *Площадь Бабинъ Торжокъ.*
9. *Врата Подольскія.*
10. *Врата Кіевскія Каменныя.*

Въ Михайловской Части:

11. *Ц. св. Архистратига Михаила, 989 г. Каменная съ 1108 г. съ Монастыремъ Златоверхимъ.*
12. *Ц. Каменная можетъ быть св. Димитрія, 1055 г. съ монастыремъ.*
13. *Ц. Каменная, можетъ быть св. Богородицы Пирогощей 1131 г.*

Въ Копыревѣ Концѣ:

14. *Ц. св. Симеона, около 1073 г. съ монастыремъ.*

(Въ Софійской Части означены мѣста нынѣшнихъ Церквей а. Троицкой, б. Срѣтенской, в. Златоустинской.)

Въ Англійскомъ Дюймѣ 200 саж.

100 200 300 400 Саж.

СПАСИТЕЛЮ.

Вѣдь это Ты! Вѣдь это Ты!
Своимъ чудотворящимъ словомъ
Меня извлекъ изъ тѣсноты,
Меня облекъ Своимъ покровомъ!—

Вѣдь это Ты! Вѣдь это Ты,
Среди мятежнаго волненья,
Среди тревогъ и суеты
И съ жизнью страшнаго боренья,
Когда увяли всѣ цвѣты
И изъ подъ нихъ торчали терньи,
Въ часы душевной пустоты,
Когда летѣли прочь мечты
И я стоялъ безъ вдохновенья,
Какъ горный ключь объятый льдомъ,—
Своимъ живительнымъ огнёмъ
И тайной силой дуновенья
Влилъ въ душу счастье теплоты,
Вѣдь это Ты! Вѣдь это Ты!

Вѣдь это Ты Своей рукою
Меня на кручѣ удержалъ,
Когда надъ бурною рѣкою,
Дитя безпечный, я дремалъ;
А змѣи крались изъ-подъ кручи,
А волки заводили вой;
Прорѣзавъ черный бархатъ тучи,
Перунъ шипѣлъ надъ головой.
Кругомъ, таясь, ходилъ ловитель
И я дрожалъ отъ темноты...
Но далъ мнѣ знакъ, мой сталъ водитель—
Вѣдь это Ты! Вѣдь это Ты!

Вѣдь это Ты! Вѣдь это Ты
Открылъ душѣ смущенной очи,
Когда видѣнья и мечты
И призраки—отродья ночи—
Обсѣли страшные кругомъ:
Меня дразнили и пугали
И ближе, ближе все стѣсняли,
Какъ градъ, обставленный врагомъ...
И, видя ихъ несмѣтны рати,
Не ждалъ я свѣта-благодати,

Боясь глядѣть на высоты,
И молча я молился съ жаромъ.
Но Кто, задребезжавъ ударомъ,
Разсѣялъ страхи и мечты,
Меня обвелъ отраднымъ свѣтомъ,
Покрылъ рукою какъ наметомъ?...
Вѣдь это Ты! Вѣдь это Ты!

О, стой-же вѣчно надо мною,
Твоя высокая любовь!
И я смѣлѣй тропой земною
Протиснусь сквозь толпы враговъ!
На вѣру сердце опирая
И все глядя на высоты,
Чрезъ сѣть, чрезъ ловъ, чрезъ смерть шагая,
Скажу: «Ведёшь меня, спасая,
Вѣдь это Ты! Вѣдь это Ты!»...

Ѳ. ГЛИНКА.

ПѢСНЯ.

Куда стремится вѣтеръ бурный?
Куда онъ тучку быстро мчитъ?
Куда изъ области лазурной
Звѣзда падучая летитъ?

Куда, по тернамъ испытанья,
Меня влечетъ суровый рокъ?
Найду ли отдыхъ отъ страданья?
Найду-ль я мирный уголокъ?

Нѣтъ вѣтру бурному предѣла,
Далеко тучку онъ умчалъ;
Звѣзда стрѣлою пролетѣла,
И въ мракѣ путь ея пропалъ!

Такъ мнѣ—безъ цѣли, безъ прiюта—
Бродить назначено судьбой:
Пробьетъ урочная минута—
И въ мiрѣ слѣдъ исчезнетъ мой!

Я. ПАПКОВИЧЪ.

ДРЕВНЯЯ ѲЕОДОСІЕВА ПЕЩЕРА
ВЪ ОКРЕСТНОСТЯХЪ КІЕВА.

Многія тысячи со всѣхъ концевъ Россіи ежегодно стекаются для поклоненія св. Угодникамъ, коихъ нетлѣнныя мощи почиваютъ въ Кіевскихъ пещерахъ. Съ благоговѣніемъ входятъ они въ эти мрачныя удолія, ископанныя руками самихъ Угодниковъ Божіихъ, которые хотѣли укрыться въ нихъ даже отъ взоровъ человѣческихъ. Но, можетъ быть, весьма немногимъ изъ благочестивыхъ странниковъ извѣстно, что кромѣ сихъ пещеръ, святые отшельники оставили и въ другихъ мѣстахъ подобныя же подземныя обители.

Верстахъ въ 15 отъ Кіева, по теченію Днѣпра, въ усадьбѣ, принадлежащей теперь Кіевобратскому Училищному монастырю, уцѣлѣли еще доселѣ пещеры, устройствомъ и расположеніемъ своимъ совершенно напоминающія пещеры знаменитой Печерской обители. Усадьба эта находится на проселочной дорогѣ между прежними монастырскими, а нынѣ казенными селеніями Пироговымъ и Лѣсниками.—Пещеры ископаны въ высокомъ холмѣ, который до самой вершины покрытъ лѣсомъ и частымъ кустарникомъ. Высокія горы, также поросшія лѣсомъ,

окружаютъ и закрываютъ его съ трехъ сторонъ. У подошвы холма ископанъ колодецъ, который окрестные жители доселѣ именуютъ *Антоніевымъ*. Глубокое безмолвіе царствуетъ вокругъ сего пустыннаго мѣста, и прерывается только шумомъ ручья, текущаго у подножія холма. Самый входъ въ пещеры, расчищенный и улучшенный въ 1835 году просвѣщенною любовію къ благочестивой древности, въ прежнее время закрытъ былъ густымъ кустарникомъ. Словомъ, все здѣсь соотвѣтствовало тому глубокому безмолвію, котораго искали первые пустынножители Рускіе.— *Улица пещерная* нешире аршина, и при самомъ входѣ развѣтвляется на нѣсколько отдѣльныхъ ходовъ. Но можно думать, что сіи отдѣльные ходы вырыты уже въ послѣдствіи; первоначальный же планъ пещеръ, судя по своду и стѣнамъ, которыя въ иныхъ мѣстахъ отвердѣли отъ воздуха, а въ другихъ сохраняютъ еще мягкость, былъ гораздо проще, и состоялъ изъ одной главной пещерной улицы съ немногими боковыми. Главная улица, начинаясь при входѣ, идетъ покато внизъ саженей на десять, и приводитъ къ небольшому ровному проходу, по обѣимъ сторонамъ котораго ископано нѣсколькс тѣсныхъ келій. Сіи послѣднія устройствомъ своимъ совершенно похожи на тѣ, которыя находятся въ Лаврскихъ Антоніевыхъ пе-

щерахъ: тотъ-же узкій входъ, замѣняющій дверь, тоже земляное ложе, и неболѣе трехъ или четырехъ шаговъ пространства—столько именно, сколько нужно было отшельнику, чтобы простереться въ молитвѣ предъ Богомъ. На стѣнахъ келій, исписанныхъ недавно именами посѣтителей, еще доселѣ сохранились выпуклые кресты, едва ли не современные самому устройству пещеръ, нарѣзанные въ глинѣ довольно искусно, и, можетъ быть по бѣдности отшельниковъ, замѣнявшіе собою иконы. Отъ сихъ келій пещерная улица поднимается вверхъ и приводитъ къ неширокой площадкѣ, при которой сходятся еще два другіе подземные хода. Въ одной изъ стѣнъ на сей площадкѣ вырѣзанъ изъ земли родъ престола и жертвенника. Мѣстное преданіе говоритъ, что здѣсь была устроена подземная церковь; но слѣдовъ ея болѣе теперь никакихъ нѣтъ. Площадка сія, безъ сомнѣнія, имѣла здѣсь тоже назначеніе, какое въ Лаврскихъ Антоніевыхъ пещерахъ имѣетъ *Община св. Отецъ,* по образцу которой она, кажется, и устроена,—т. е. она служила благочестивымъ отшельникамъ сборнымъ мѣстомъ для молитвы. Узкій проходъ, длиною саженей около десяти, ведетъ отсюда къ другому выходу изъ пещеръ, часть котораго, по причинѣ рыхлой глинистой земли, уже осыпалась.

Шагахъ во ста отъ пещеръ, въ нагорной долинѣ видны развалины какого-то небольшаго зданія, по всей вѣроятности церкви, потому, что и окрестные жители называютъ эти развалины *Церковищемъ* [1].

При первомъ взглядѣ на всѣ сіи остатки благочестивой древности видно, что они устроены были людьми, желавшими въ глубокомъ безмолвіи, среди дебрей и лѣсовъ, служить Богу. Но кто были сіи благочестивые отшельники? Мѣстное преданіе приписываетъ устройство сихъ пещеръ преподобному Антонію: его именемъ называетъ оно и колодецъ, и самыя пещеры. Правда, въ житіи преподобнаго Антонія, помѣщенномъ въ Патерикѣ Печерскомъ, сказано, что онъ, любя безмолвіе, часто оставлялъ братію и уединялся въ какую нибудь дебрь, въ которой новая пещера уготовлялась имъ для пустынныхъ подвиговъ. Но древность тщательно замѣчала слѣды перваго пустынножителя Рускаго; и каждая новая пещера его, еще при жизни преподобнаго, обращалась въ

1.—Преосвященный Иннокентій, стараніемъ коего приведена въ извѣстность и устройство сія древняя Пещера Ѳеодосіева, изслѣдовалъ подробно и находящіяся близъ нея развалины, называемыя Церковищемъ. По его мнѣнію, сіи развалины суть остатокъ *Глинецкаго монастыря*, нѣкогда здѣсь находившагося. О монастырѣ семъ возлѣ Лѣсниковъ, упоминаетъ и Митрополитъ Евгеній, въ Описаніи Кіевопечерской Лавры, на стр. 77.—*М. М.*

монастырь. Таковы монастыри на ближнихъ и дальныхъ пещерахъ въ самой Лаврѣ, и въ Черниговѣ на горѣ Болдыни. О другихъ мѣстахъ пребыванія Антоніева преподобный Несторъ нигдѣ не упоминаетъ. Хотя въ его время имя Антонія должно бы придать громкую извѣстность всякому мѣсту.

Съ полною вѣроятностію впрочемъ можно принять, что описанныя нами пещеры современны святому основателю Печерской Лавры. Въ житіи преподобнаго Ѳеодосія говорится, что онъ предъ наступленіемъ Великаго поста тайно выходилъ изъ монастыря *въ село Лѣсники,* и тамъ, въ продолженіе первыхъ шести недѣль, уединенно пребывалъ *въ пещерѣ, яже бѣ въ сокровеннѣмъ мѣстѣ* [2]. Не былъ ли, посему, преподобный Ѳеодосій и устроителемъ сихъ пещеръ?...Селеніе Лѣсники разстояніемъ отъ нихъ недалѣе одной версты, и въ окрестностяхъ его нѣтъ болѣе никакихъ пещеръ. Названіе Антоніевыхъ онѣ могли получить въ послѣдствіи, отъ иноковъ, вышедшихъ изъ Печерскаго монастыря, при нашествіи Татарскомъ. Не желая совершенно оставить древней обители, ознаменованной толикими чудесами, они, какъ извѣстно, разсѣялись по окрестнымъ дебрямъ и лѣсамъ,

2.—См. *Патерикъ Печерскій.* Кіевъ. 1678 г. лист. 72.

и оттолѣ навѣщали по временамъ запустѣвшую обитель и небольшой придѣлъ прежней Великой церкви, уцѣлѣвшій между развалинами. Вѣроятно въ сію-то тяжкую годину нѣкоторые изъ иноковъ Лаврскихъ укрылись въ этихъ пещерахъ, первоначально ископанныхъ руками великаго ихъ Игумена, расширили ихъ, и желая сохранить для себя воспоминаніе о первой знаменитой обители своей, устроили ихъ по образцу Лаврскихъ Антоніевыхъ пещеръ, и дали имъ это наименованіе.—

При смутномъ и бѣдственномъ состояніи, въ какомъ находился Кіевъ, а съ нимъ и вся Южная Русь въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ, пришла въ запустѣніе и совершенное забвеніе и сія пещерная обитель. Но тѣмъ не менѣе древность ея неподвержена никакому сомнѣнію; и хотя въ сихъ пещерахъ нѣтъ никакихъ останковъ праведниковъ Божіихъ, однако онѣ вполнѣ заслуживаютъ вниманіе всякаго любителя благочестивой отечественной древности.

Н. МАКСИМОВИЧЪ.

МСТИТЕЛЬ.

Не вашей суетной забавѣ
Служу предъ чистымъ алтаремъ,
И упрекать никто не въ правѣ
Меня въ безмолвіи моемъ!
То пѣснь любви, то пѣснь печали,
Вамъ сердца исповѣдь смѣшна,
Вы равнодушно ей внимали
И вамъ наскучила она...
Зачѣмъ же вновь о дняхъ страданья,
О тайной скорби говорить?
Ужель еще, какъ подаянья,
У васъ участія молить?
Поэта голосъ— звукъ въ пустынѣ,
Чужой, неслышный никому;
Никто на плачь сердечный нынѣ
Не откликается ему!
Онъ смолкъ.... И смолкнутъ по-немногу
Всѣ струны. Въ мірѣ красоты,
Въ семъ царствѣ чувства и мечты,
Все будетъ пусто и убого.
Одинъ, болѣзненъ и угрюмъ,
Державу міра приметъ умъ...
Въ борьбѣ онъ сердце превозможетъ,
Отвыкнетъ слезы понимать,
И, какъ зима, на жизнь положитъ
Свою холодную печать!

Тогда на землю онъ прійдетъ
Ума питомецъ, геній вѣка,
Поэтъ... Но съ ризы человѣка
Онъ все земное отряхнетъ;
И чуждъ любви, и чуждъ волненья,
Безстрастный дѣвственникъ душой,
Онъ твердо къ цѣли назначенья
Пойдетъ тернистою стезей;
Вниманья онъ молить не станетъ;
Но окомъ огненнымъ своимъ,
Какъ Божій, гнѣвный Херувимъ,
Глубоко въ душу вамъ заглянетъ,
И ужаснетъ надменный умъ
Повѣствованьемъ вашихъ думъ.
Отъ страха сердце содрогнется;
И станетъ грустно, больно вамъ.
Къ презрѣннымъ нѣкогда струнамъ
Тогда вашъ голосъ отзовется;
Но тихо будетъ все вокругъ,
И ни одинъ отрадный звукъ
Въ больное сердце не прольется...
А онъ— суровъ, неумолимъ,
Какъ мстящій громъ неотразимъ,
Среди толпы пройдетъ пророкомъ,
Заставитъ плакать и страдать,
И гордо будетъ вамъ упрекомъ
Или насмѣшкой отвѣчать!..

А. ПОДОЛИНСКІЙ.

СНѢГУРКА.

Руская сказка *.

Жилъ-былъ крестьянинъ Иванъ, и была у него жена Марья; да небыло у нихъ дѣтей. Иванъ и Марья жили въ любви и согласіи; такъ они и состарѣлись; а дѣтей всё у нихъ не было. Ужь что они ни дѣлали: и молебны служили, и къ ворожеямъ ходили—ничто не помогало. Сильно объ томъ они сокрушались, и только глядя на чужихъ дѣтей утѣшались. А дѣлать нечего! Такъ ужь видно имъ Господь судилъ: вѣдь все въ мірѣ творится не нашимъ умомъ, а Божьимъ судомъ!—

Вотъ однажды,—какъ пришла зима, да нападало молодаго снѣгу въ колѣно,—ребятишки высыпали на улицу поиграть, а старички наши подсѣли къ окну поглазѣть на нихъ. Ребятишки бѣгали, рѣзвились, и стали лѣпить бабу изъ снѣгу. Иванъ съ Марьей глядѣли молча, призадумавшись. Вдругъ Иванъ усмѣхнулся и ска-

* *Снѣгурка* есть самородное произведеніе Сѣверноруской народной фантазіи. Сказку объ ней я слышалъ въ Москвѣ, и пересказалъ ее моимъ читателямъ, не прибавивъ ничего къ ея содержанію и сохранивъ многія выраженія подлинника, сколько могъ ихъ припомнить.

залъ: «пойти-бы и намъ, жена, да слѣпить себѣ бабу!» На Марью видно тожь нашелъ веселый часъ. «Чтожь—сказала она—пойдемъ, разгуляемся на старости! Только начто тебѣ бабу лѣпить: будетъ съ тебя и меня одной; слѣпимъ лучше себѣ дитя изъ снѣгу, коли Богъ не далъ живаго!»—«Что правда, то правда...» сказалъ Иванъ; взялъ шапку, и пошелъ на огородъ со старухою.

Они и въ–правду принялись лѣпить куклу изъ снѣгу; склали туловище съ ручками и съ ножками; наложили сверху круглый комъ снѣгу, и обгладили изъ него головку.

«Богъ въ помочь!» сказалъ кто-то, проходя мимо.

—«Спасибо-благодарствуемъ!» отвѣчалъ Иванъ. «Божья помочь на все хороша» примолвила Марья.

«Что–жь это вы подѣлываете?—«Да вотъ, что видишь!» отвѣчалъ Иванъ.—«Снѣгурку...» примолвила Марья, засмѣявшись.

«Вотъ что... помогай же вамъ Богъ!» молвилъ уходя прохожій.

—«Еще спасибо!» сказали ему наши старички, и принялись опять за свое дѣло.

Вотъ они вылѣпили носикъ и бородку; сдѣлали двѣ ямочки во лбу, и только что Иванъ прочертилъ ротикъ: какъ изъ него вдругъ дохнуло теплымъ духомъ. Иванъ въ–торопяхъ от-

нялъ руку; только смотритъ: ямочки во лбу стали ужь на выкатѣ, и вотъ изъ нихъ проглядываютъ голубенькіе глазки; вотъ ужь и губки какъ малиновыя, и улыбаются. «Что это, Господи! не навожденіе ли какое?» сказалъ Иванъ, кладя на себя крестное знаменье. А кукла наклоняетъ къ нему головку, точно живая; и зашевелила ручками и ножками въ снѣгу, словно грудное дитя въ пеленкахъ.

«Ахъ, Иванъ, Иванъ!—вскричала Марья, задрожавъ отъ радости,— да это намъ Господь дитя даетъ!» и бросилась обнимать Снѣгурку; а со Снѣгурки весь снѣгъ отвалился, какъ скорлупа съ яичка, и на рукахъ у Марьи была уже въ самомъ дѣлѣ живая дѣвочка – да такая миленькая, что чудо.—«Ахъ ты, моя Снѣгурушка дорогая!» воскликнула старуха, обнимая свое желанное и нежданное дитя, и побѣжала съ нимъ въ избу.

Иванъ на силу опомнился отъ такого чуда; а Марья была безъ памяти отъ радости.—

И вотъ Снѣгурка ростетъ не по днямъ, а по часамъ; и что день, то всё лучше. Иванъ и Марья не нарадуются ею. И весело пошло у нихъ въ дому. Дѣвки съ села у нихъ безвыходно: забавляютъ и убираютъ бабушкину дочку, словно куколку; разговариваютъ съ нею, поютъ ей пѣсни, играютъ съ нею во всякія игры, и научаютъ ее всему, какъ что у нихъ ведется.

А Снѣгурка такая смышленная: все примѣчаетъ и перенимаетъ. И стала она за зиму точно дѣвочка лѣтъ тринадцати: все разумѣетъ; обо всемъ говоритъ, и такимъ сладкимъ голосомъ, что заслушаться. И такая она добрая, послушная и ко всѣмъ привѣтливая; сердце у нея какъ на ладонкѣ. А собою она—бѣленькая, какъ снѣгъ; глазки что незабудочки; свѣтлорусая коса до пояса; одного румянцу нѣтъ вовсе, словно живой кровинки не было у нея въ тѣлѣ... да и безъ того она была такая пригожая и хорошая, что заглядѣнье. А какъ бывало разыграется она, такъ такая утѣшная и пріятная, что душа радуется! И всѣ не налюбуются Снѣгуркою; старушка же Марья души въ ней не слышитъ. «Вотъ, Иванъ! говаривала она мужу,—даровалъ таки намъ Богъ радость на старость! миновалась таки печаль моя задушевная!...» А Иванъ говорилъ ей: «благодареніе Господу! здѣсь радость невѣчна, и печаль небезконечна»....—

Прошла зима. Радостно заиграло на небѣ весеннее солнышко и пригрѣло на землю. На проталинкахъ зазеленѣла мурава, и запѣлъ жаворонокъ. Ужь и красныя дѣвицы собрались въ хороводъ подъ селомъ, и пропѣли:

«Весна красна! на чемъ пришла,
На чемъ пріѣхала?...
—На сошечкѣ, на бороночкѣ!»

А Снѣгурка милая что-то скучать стала.—«Что съ тобою, дитя мое?—говорила нераз ей Марья, приголубливая къ себѣ—«не больна ли ты? ты всё такая невеселая, совсѣмъ съ личика спала. Ужь не сглазилъ ли тебя недоброй человѣкъ?»— Снѣгурка же отвѣчала ей всякій разъ: «ничего, бабушка! я здорова...»—

Вотъ и послѣдній снѣгъ согнала весна своими красными днями. Зацвѣли сады и луга; запѣлъ соловей и всякая птица; и все въ Божіемъ мірѣ стало живѣй и веселѣе. А Снѣгурка сердечная еще сильнѣе скучать стала; невзмилились ей дѣвичьи игры и пѣсни; ходитъ себѣ такая молчаливая и грустная; дичится своихъ подружекъ, и все прячется отъ солнца подъ тѣнь, словно бѣленькій ландышъ подъ деревцомъ. Ей только и любо было, что плескаться у студенаго ключа подъ зеленою ивушкой. Снѣгуркѣ всё-бы тѣнь да холодокъ, а и того лучше частый дождичекъ. Въ дождикъ и въ сумракъ она веселѣй становилась. А какъ одинъ разъ надвинулась сѣрая туча, да посыпала крупнымъ градомъ: Снѣгурка ему такъ обрадовалась, какъ иная не была-бъ рада и жемчугу перекатному. «Ахъ, бабушка! какъ любо, какъ хорошо мнѣ!» кричала тогда Снѣгурка, прыгая по двору, и подставляя подъ градъ свои горсточки. Когда-же опять припекло солнце, и градъ взялся водою:

Снѣгурка всплакалась по немъ такъ сильно, какъ будто сама хотѣла разлиться слезами, — какъ родная сестра плачется по братѣ. —

Вотъ ужь пришелъ и весны конецъ; приспѣлъ Ивановъ день. Дѣвки съ села собрались на гулянье въ рощу, и зашли за Снѣгуркою, и пристали къ бабушкѣ Марьѣ: «пусти, да и пусти съ нами Снѣгурку!» Марьѣ страхъ не хотѣлось пускать ее; не хотѣлось и Снѣгуркѣ идти съ ними; да не могли отговориться. Къ тому-жь Марья подумала: авось разгуляется ея Снѣгурушка! И она принарядила ее, поцѣловала и сказала: «поди-же, дитя мое, повеселись съ подружками! а вы, дѣвки, смотрите берегите мою Снѣгурушку... вѣдь она у меня, сами знаете, какъ порохъ въ глазу!»

—«Хорошо, хорошо!» закричали онѣ весело, подхватили Снѣгурку, и пошли гурьбою въ рощу.

Тамъ онѣ вили себѣ вѣнки, вязали пучки изъ цвѣтовъ, и распѣвали свои заунывно-веселыя пѣсни. Снѣгурка была съ ними безотлучно.

Когда закатилось солнце, дѣвки наложили костеръ изъ травы и мѣлкаго хворосту, зажгли его, и всѣ въ вѣнкахъ стали въ рядъ одна за другою; а Снѣгурку поставили позади всѣхъ. «Смотри-же — сказали онѣ ей — какъ мы побѣжимъ, и ты также бѣги слѣдомъ за нами, — не отставай!» И вотъ всѣ, затянувши Купаловую

пѣсню поскакали черезъ огонь.—

Вдругъ что-то позади ихъ зашумѣло и простонало жалобно: ау!... Оглянулись онѣ въ испугѣ: нѣтъ никого.—Смотрятъ другъ на дружку, и не видятъ между собою Снѣгурки.— «А, вѣрно спряталась шалунья» сказали онѣ, и разбѣжались искать ее, и никакъ не могли найти; кликали, аукали— она не отзывалась. «Куда-бы это дѣвалась она?» говорили дѣвки. «Видно домой убѣжала» сказали онѣ потомъ, и пошли въ село; но Снѣгурки и въ селѣ не было.

Искали ее на другой день, искали на третій; исходили всю рощу—кустикъ за кустикъ, деревцо за деревцо: Снѣгурки все не было, и слѣдъ пропалъ.—

Долго Иванъ и Марья горевали и плакали за своею Снѣгуркою; долго еще бѣдная старушка каждый день ходила въ рощу искать ее, и всё кликала она, словно кукушка горемычная:

«Ау, ау! Снѣгурушка!
Ау, ау! голубушка!»

И неразъ ей слышалось, будто голосомъ Снѣгурки отзывалось: ау!... Снѣгурки же всё нѣтъ, какъ нѣтъ!—

Куда-же дѣвалась Снѣгурка?... Лютый ли звѣрь умчалъ ее въ дремучій лѣсъ; али хищная птица унесла ее къ синему морю?...

Нѣтъ, не лютый звѣрь умчалъ ее въ дремучій лѣсъ, и не хищная птица унесла ее къ синему морю. А когда Снѣгурка побѣжала за подружками и вскочила въ огонь: вдругъ потянулась она вверхъ легкимъ паромъ, свилась въ тонкое облачко... и полетѣла въ высоту поднебесную.

М. МАКСИМОВИЧЪ.

ЗАБЫТЬЕ.

Знакомъ ли вамъ тотъ мигъ невыразимый—
Души усталой забытьё,
Когда тревоги всѣ промчатся мимо
И въ сладкой тишинѣ потонетъ бытіе...
И взоръ стремится вдаль безъ думы и безъ цѣли,
Какой-то тайною окованы уста,
Какъ-бы всѣ чувства онѣмѣли
И сила воли отнята!
Чудесный мигъ!... ничто тогда
Души не тронетъ, не встревожитъ,
И взволновать ее не можетъ
Ни страхъ, ни горе, ни бѣда...

Н. ТЕПЛОВА.

1839 г.

НОЧЬ.

Все смолкло. Тишина въ чертогахъ и во храмахъ;
Ночь надъ Петрополемъ прозрачна и тепла;
Съ отливомъ пурпурнымъ, недвижна и свѣтла
Нева красуется въ своихъ гранитныхъ рамахъ;
И такъ торжественно полна ея краса,
Что, кажется, небесъ хрустальныхъ полоса
Отрѣзана, взята съ каймой зари кровавой
И кинута къ ногамъ столицы величавой,
Чтобы возставшая въ часъ утренній отъ сна
Надъ этимъ зеркаломъ оправилась она.
Скользитъ по влагѣ челнъ. Свободно, безъ усилья
Летитъ онъ; веслами бока окрылены;
Грудь острая крѣпка; размашистыя крылья
Росли въ родныхъ лѣсахъ, въ дубравахъ рождены;
Они склоняются, и съ шумомъ тонутъ дружно,—
Въ ихъ шумѣ слито все: вздохъ, шопотъ, поцѣлуй,—
Вдругъ вынырнутъ они,—съ нихъ прыснетъ дождь жемчужный,
И брызги окропятъ поверхность гладкихъ струй.

Задумчивъ юноша надъ водною равниной
Плыветъ. Ему незримъ челна спокойный бѣгъ;
А этотъ каменный великолѣпный брегъ
Проходитъ передъ нимъ широкою картиной,
И пышно тянется необозримый рядъ
Сихъ зданій вѣковыхъ, сихъ царственныхъ громадъ;
И каждая изъ нихъ, приблизясь постепенно,
Взглянувъ на путника сурово и надменно,
Отводитъ медленно отъ грустнаго пловца
И стекла и врата блестящаго лица.
И вотъ завѣтный домъ, гдѣ вьется черный локонъ,
Гдѣ ножка дивная паркетъ животворитъ;
И тотъ на юношу безчувственно глядитъ
Недвижной синевой своихъ широкихъ оконъ,
И пустъ на высотѣ привѣшенный балконъ.
Молчитъ ночной гребецъ. Вездѣ глубокій сонъ.

В. Бенедиктовъ.

ОСТРОЖСКАЯ СТАРИНА.

I.

«То старина, то и дѣянье».

Старинный Рускій припѣвъ.

Давно уже пресѣкся знаменитый родъ Князей Острожскихъ, потомковъ Даніила Галицкаго; а о быломъ могуществѣ Острога, ихъ древняго стольнаго города, теперь напоминаютъ однѣ только величественныя развалины нѣкогда великолѣпныхъ Божіихъ храмовъ и немногіе остатки каменныхъ стѣнъ и башень.

Гордясь по-праву древностію своего царственнаго происхожденія, Князья Острожскіе, хотя и признали, наряду съ прочими потомками Князей Волынскихъ, верховное господство Гедимина и его преемниковъ; но долго еще сохраняли право полновластнаго обладанія своими наслѣдственными землями. Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока политика Гедиминовыхъ потомковъ, возсѣвшихъ на престолѣ Пястовъ, не успѣла преобразовать древніе роды

удѣльныхъ Князей Западной Руси въ аристократію, которая въ теченіе времени усвоила себѣ духъ аристократіи Польской. Но и тогда Князья Острожскіе стояли въ челѣ всѣхъ другихъ благородныхъ фамилій Государства Литовскаго, и народъ Западнорускій смотрѣлъ на нихъ, какъ на начальниковъ въ Православіи и на твердую защиту отъ враговъ Христіанства.

Въ самомъ дѣлѣ, Князья Острожскіе были оплотомъ Волыни и Подолья отъ хищныхъ Крымцевъ, и своимъ примѣрнымъ благочестіемъ усиливали въ соотечественникахъ любовь къ древней предковской вѣрѣ. Короли Польскіе, со времени Владислава-Ягайла, который первый изъ Литовскихъ Великихъ Князей былъ ревностнымъ послѣдователемъ Римской Церкви, постигали силу вліянія Острожскихъ Князей на всѣ сословія Волынской земли, и старались знаками отличій и почестей увеличить въ нихъ вѣрность къ своему престолу. Но истинная любовь къ отечеству и благу согражданъ во владѣтеляхъ Острога была сильнѣе внушеній честолюбія; и долго оставались они вѣрными стражами Руской народности, которую въ Западнорускихъ земляхъ подкапывали совокупныя усилія Католическаго духовенства и магнатовъ Польши.

Извѣстія, переданныя намъ Польскими и Литовскими писателями о Князьяхъ Острож-

скихъ,—которыхъ они единогласно именуютъ потомками Князей Галицкихъ,— до начала 15-го вѣка слишкомъ неудовлетворительны. Хотя хроники и упоминаютъ о Даніилѣ, который долго оспаривалъ верховное господство Казиміра Великаго; однако болѣе полныя, достовѣрныя свѣдѣнія объ Острожскихъ Князьяхъ начинаются собственно съ Князя Өеодора [1].—

Въ началѣ 15-го вѣка Великое Княжество Литовское находилось въ упорной борьбѣ съ Польшею. Витовтъ, двоюродный братъ Польскаго Короля Владислава-Ягайла, бывшій тогда Великимъ Княземъ Литовскимъ, старался утвердить самостоятельность своего Государства. Опасаясь, что Митрополиты *всея Руси*, жившіе со временъ св. Петра постоянно въ Москвѣ, могли своимъ вліяніемъ питать между Литовско-рускими и Московскими землями духъ братства, опасный для Литовскаго правленія, Витовтъ спѣшилъ установить для своихъ земель отдѣльную отъ Москвы Митрополію. Но еще болѣе старался онъ прервать всякую политическую связь Литовскаго Княжества съ Короною Польскою. Поддерживаемый Цесаремъ Сигизмундомъ, Витовтъ хотѣлъ довершить разрывъ Литовскаго Княжества съ Польшею — торжественнымъ своимъ коронованіемъ и принятіемъ ко-

ролевскаго титула; но смерть помѣшала ему достигнуть цѣли.

Мѣсто Витовта занялъ Свидригайло, родной братъ Ягайла, вручившаго ему управленіе Литовскимъ Государствомъ. Свидригайло дѣйствовалъ въ духѣ своего предшественника, враждовалъ Королю Ягайлу; и въ этой борьбѣ его съ Польшею особенно прославился Князь Өеодоръ Васильевичъ Острожскій.

Усиливъ свои дружины наемными Волохами и Татарами, Өеодоръ мужественно дѣйствовалъ противъ Жигимонта Кейстутовича, котораго Польша противопоставила Свидригайлу. Въ 1432 году онъ овладѣлъ замкомъ Смотричемъ въ Подольи и подчинилъ Свидригайловой власти Луцкъ, главный изъ городовъ Волынскихъ, укрѣпленный двумя каменными замками и значительнымъ гарнизономъ Польскимъ. Вслѣдъ за тѣмъ поразилъ онъ на голову и взялъ въ плѣнъ Бучацкаго, Старосту Каменецкой крѣпости, и опустошилъ окрестности Бреста-Литовкаго [2].

Василій, сынъ и наслѣдникъ Өеодора, умершаго и погребеннаго въ Кіевѣ, не былъ такъ счастливъ въ войнѣ, какъ отецъ; но подобно ему былъ сподвижникомъ Свидригайла въ борьбѣ съ Польшею, и не менѣе отца былъ преданъ благу родной земли.

Когда смерть умирила Ягайла и Жигимонта, которые, болѣе въ угоду Польскимъ магнатамъ, оспаривали самостоятельность Литовскаго Государства; когда нестало и суроваго Свидригайла: тогда Польша, послѣ Владислава III-го, спѣшила обезпечить себя избраніемъ на свой престолъ Великаго Князя Литовскаго Казиміра. Тщетно Василій Острожскій отговаривалъ Казиміра отъ принятія Польской короны, видѣвъ уже невыгоду отъ того для Западной Руси. Литовскій Князь согласился быть Королемъ Польскимъ. Тогда Василій Острожскій, вмѣстѣ съ другими знатнѣйшими Литовскими сановниками требовалъ, чтобы Польша обязалась считать Литовское Государство не подвластнымъ, а равнымъ себѣ, и чтобы она возвратила Лопатинъ, Бельзъ, Подолье и другія мѣста, ею захваченныя у Великаго Княжества Литовскаго [3].

Въ то-же время, укрѣпивъ стѣнами и башнями города свои — Острогъ, Заславль и Дубно, Василій неутомимо отражалъ Крымцевъ, часто набѣгавшихъ на Волынскія земли. Онъ скончался около половины 15-го вѣка и погребенъ былъ въ Острогѣ, въ основанномъ имъ храмѣ Богоявленія, —откуда, какъ говоритъ преданіе, знаменитый внукъ его Константинъ перенесъ его остатки въ Кіевскую Печерскую обитель [4].

По смерти Василія, обширное Острожское

Княжество раздѣлилось между его сыновьями. Младшимъ изъ нихъ, Юріемъ, началась линія Князей Заславльскихъ или Жеславскихъ; а старшимъ, Иваномъ, продолжился родъ Князей собственно Острожскихъ.—

Иванъ Васильевичь Острожскій, съ стольнымъ городомъ предковъ наслѣдовалъ мужество своего дѣда и безпредѣльное благочестіе отца. Первое выказалъ онъ блистательными побѣдами надъ Крымцами у Теребовля, на берегахъ Случа и въ походахъ Короля Казиміра подъ Литовскими знаменами; послѣднее обнаружилъ строеніемъ и украшеніемъ Божіихъ храмовъ. Церковь св. Троицы, воздвигнутая имъ въ Межиричи, великолѣпіемъ равнялась Острожскому храму Богоявленія, созданному его отцемъ [5].

Отъ брака съ Княжною Глинскою (по мнѣнію нѣкоторыхъ сестрою Литовскаго выходца Михаила), Иванъ Острожскій имѣлъ двухъ сыновей, Константина и Михаила. Послѣдній умеръ въ молодыхъ лѣтахъ; а Константинъ былъ долго украшеніемъ своего рода. Съ 1498 года вступилъ онъ въ права Гетмана Литовскаго [6].

Еще со временъ Ольгерда Великіе Князья Литовскіе враждовали Московскимъ Государямъ и, стремясь удержать за собою Западнорускія земли, противоборствовали развитію единовластія въ господствѣ рода Іоанна Московскаго. Уже одно

названіе Великаго Князя *всея Руси,* усвоенное Іоанномъ Калитою и его преемниками, заставляло Государей Литовскихъ опасаться за Рускія земли, вошедшія въ составъ ихъ державы. Потому борьба между потомками Калиты и Великими Князьями Литовскими была неизбѣжна, и должна была со временемъ вызвать вражду и между землями, имъ подвластными. Эта вражда продолжалась, и еще съ большею силою, когда Польша начала избирать себѣ Королей въ потомствѣ Гедимина. Въ одинъ изъ походовъ, который болѣе прочихъ, со славою для Государя Московскаго Іоанна Великаго, ознаменовалъ его борьбу съ Королемъ Александромъ,—Князь Константинъ Ивановичь, послѣ пораженія Литовскихъ полковъ на берегахъ Ведроши (1500 г.), отведенъ былъ плѣнникомъ въ Москву, и тамъ послѣ долгаго заключенія принужденъ былъ присягнуть на подданство Іоанну. Однако, при новомъ Царѣ Василіѣ III-мъ, онъ ушелъ въ Литву, и опять участвовалъ въ Польской войнѣ противъ Москвы—подъ Оршею, Опочкою, Псковомъ и Смоленскомъ. Но имя счастливаго и доблестнаго вождя Константинъ стяжалъ себѣ походами на Крымскихъ хищниковъ, противъ которыхъ испыталъ только одинъ разъ неудачу, въ битвѣ подъ Соколемъ; во всѣхъ-же другихъ сраженіяхъ съ Татарами онъ торжествовалъ постоянно [7].

Не входя въ подробности военнаго поприща Гетмана Константина, мы замѣтимъ только, что современные писатели оставили преданіе о 33-хъ, а иные даже о 63-хъ его побѣдахъ. Жигимонтъ I дважды удостоилъ его торжественнаго въѣзда въ Вильну и Краковъ, и почтилъ его званіемъ Кастеляна Виленскаго, не смотря на зависть и ропотъ Польскихъ магнатовъ, которые съ неудовольствіемъ видѣли расположенность Короля къ *схизматику,* какъ они называли Константина Острожскаго [8].

Но если Константинъ, мужествомъ и знаніемъ ратнаго дѣла, стяжалъ себѣ отъ современниковъ имя Рускаго Сципіона и Литовскаго Аннибала; то еще болѣе прославился онъ своимъ примѣрнымъ благочестіемъ. Князь Курбскій именуетъ его «свѣтлымъ въ правовѣрныхъ догматахъ и во всякомъ благочестіи сіяющимъ»; а Папскій легатъ Пизонъ, въ посланіи къ Римскому Первосвященнику, говоритъ, что «Князь Константинъ Острожскій такъ привerженъ къ Греческой Церкви и до того соблюдаетъ ея постановленія, что и на волосъ отъ нихъ не отступаетъ; что будучи дома благочестивымъ Нумою, онъ въ бою воинственнѣе Ромула, и что при всѣхъ рѣдкихъ качествахъ въ немъ одинъ только тотъ недостатокъ, что онъ *схизматикъ.* Если бы мнѣ (продолжаетъ Пизонъ)

удалось сего Князя привести на лоно святой матери—Церкви, то примѣръ его увлекъ бы множество народа: такъ велико его вліяніе на соотечественниковъ!» [9] Но покушенія усерднаго легата остались безъ успѣха.

Между тѣмъ Константинъ, основавъ (около 1519 г.) храмъ св. Троицы и Николаевскую церковь въ Вильнѣ, и потомъ катедральную Митрополичью церковь въ Новоградкѣ-Литовскомъ, построилъ много церквей и монастырей въ земляхъ своего наслѣдственнаго Княжества, гдѣ имъ заведены были и училища для образованія юношества. Но особенно заботился онъ о Кіевскомъ Печерскомъ храмѣ Пресвятой Богородицы, въ которомъ предалъ погребенію остатки своего отца, и былъ погребенъ самъ 1533 г. [10] Вотъ что говоритъ Езуитъ Нѣсецкій о Гетманѣ Константинѣ, въ своей *Коронѣ Польской:* «онъ былъ ростомъ малъ, но душею великъ; для всѣхъ доступенъ; щедръ къ сподвижникамъ; милосердъ къ плѣнникамъ и опытнѣе всѣхъ въ ремеслѣ военномъ».

По смерти сего знаменитаго Гетмана, сыновья его, Илія и Константинъ-Василій, раздѣлили между собою Княжество Острожское. Илія Константиновичь подавалъ о себѣ большія надежды; но только шестью годами пережилъ своего отца.

Дочь сего Князя, Елисавета, извѣстна своими бѣдствіями.

Константинъ-Василій, пожалованный отъ Короля званіемъ Маршалка Волынскаго, Старосты Владимірскаго и (около 1557 года) званіемъ Кіевскаго Воеводы, былъ самымъ твердымъ оплотомъ Волыни, Подолья и Кіевской земли противу Татаръ. Крымцы испытали тяжесть его руки у Сенявы, подъ Заславлемъ, Дубно и (въ 1578 году) подъ Острогомъ, гдѣ они окружили его, въ то самое время, какъ онъ веселымъ пиромъ праздновалъ бракъ старшей дочери своей съ Кравчимъ Великаго Княжества Литовскаго Кишкою. [11]

Подъ знаменами Короля Баторія Константинъ-Василій воевалъ и противъ Москвы, подъ Соколомъ, Черниговомъ, Стародубомъ и другими городами земли Сѣверской. Но внутренній союзъ Православія и Рускаго рода не прерывался между нимъ и Царемъ Московскимъ: Грозный, враждуя съ Баторіемъ и Воеводою Кіевскимъ, въ тоже время благотворилъ Печерской Лаврѣ и переслалъ полный списокъ Ветхаго и Новаго Завѣта Острожскому Князю, заботившемуся о напечатаніи полной Библіи на языкѣ Словенскомъ. [12]

Хотя Константинъ-Василій, вмѣстѣ съ Волынскимъ Воеводою Княземъ Александромъ Чер-

торійскимъ и другими сановниками Литовскаго Княжества, и подписалъ составленный на Любельскомъ Сеймѣ актъ присоединенія Великаго Княжества къ Польской коронѣ; но введеніе Уніи встрѣтило въ Воеводѣ Кіевскомъ сильнаго и рѣшительнаго противника.

Явясь на Брестскій Соборъ, въ 1596 году, Константинъ-Василій торжественно защищалъ догматы Православія противъ отступниковъ, Митрополита Рогозы и Епископовъ Поцѣя и Терлецкаго, которые, по личнымъ выгодамъ и въ угоду Жигимонту III, замыслили соединиться съ Римскою Церковью. Голосъ благочестиваго Князя изъ племени св. Владиміра былъ опасенъ для Рогозы и его сообщниковъ; не менѣе опасенъ онъ былъ и для расчетовъ Жигимонта, ревностно обращавшаго всѣхъ въ Католичество; потому Король приказалъ Князю Острожскому выѣхать изъ Бреста [13]. Воевода Кіевскій повиновался; но презрѣніемъ отвѣчалъ на всѣ убѣжденія лукаваго Поцѣя и его соумышленниковъ, и остался непримиримымъ врагомъ Уніи [14].

Но ревностному поборнику древняго отеческаго Православія суждено было испытать тяжкое горе—не только быть современникомъ мучительной казни, какую претерпѣлъ въ Варшавѣ одноземецъ его храбрый Наливайко съ сподвижниками, ополчившимися за Православіе; но ви-

дѣть вовлеченіе въ Унію и роднаго сына своего.

Усматривая въ Князьяхъ Острожскихъ могущественное противодѣйствіе Уніи и сознавая, подобно Легату Пизону, ихъ вліяніе на народъ, Езуиты напрягали всѣ свои силы къ обращенію Князей Острожскихъ; не щадили для того ни тайныхъ козней, ни краснорѣчивыхъ убѣжденій, ни посредства верховной власти. Наконецъ они вполовину достигли своей цѣли, овладѣвъ умомъ и душею одного изъ Князей враждебнаго имъ рода.

Второй сынъ Константина-Василія Янушъ, отправленъ былъ отцемъ своимъ ко двору Нѣмецкаго Императора Максимиліана II, для изученія ратнаго искуства. Тамъ Езуиты опутали его своею сѣтью и расположили его къ Католичеству. Дѣйствуя потомъ изъ-за Короля, осыпавшаго наградами и почестями Януша, и изъ-за молодой жены его, ревностной Католички, они довершили свое торжество: Янушъ сдѣлался Католикомъ и столько же усерднымъ къ своему новому вѣрованію, сколько до того былъ преданъ Православію [15].

Любимый дотолѣ сынъ Воеводы Кіевскаго, тяжко огорчилъ отца своимъ отступничествомъ. Презирая отпадавшихъ отъ Православія и безпощадно преслѣдуя ихъ въ предѣлахъ своего наслѣдственнаго Княжества, Константинъ-Василій, уже маститый старецъ, послѣ тщетныхъ

убѣжденій, которымъ искусно противодѣйствовали его враги, не пощадилъ и собственнаго сына, и лишилъ его навсегда любви родительской [16].

Гораздо менѣе успѣха имѣли ученики Лойолы въ своемъ покушеніи отвлечь отъ Православія старшаго сына Воеводы — Константина. Этотъ Князь увлекся было льстивыми внушеніями Езуитовъ; но вскорѣ прогналъ ихъ отъ себя и сохранилъ въ чистотѣ Вѣру своихъ предковъ. Огорченные Езуиты прозвали его *своевольнымъ* Католикомъ, передавъ потомству любопытную легенду о мнимомъ его обращеніи [17].

Третій, младшій сынъ Константина - Василія, Александръ, былъ отрадою отца. Онъ не внималъ ни безотвязнымъ просьбамъ своей жены, дочери Сендомірскаго Воеводы Костки, ни убѣжденіямъ ксендзовъ: вмѣстѣ съ отцомъ противоборствовалъ онъ насильственной пропагандѣ, и умеръ ревностнымъ сыномъ Православной Церкви. Онъ погребенъ былъ (1603 года) въ Острогѣ, въ Замковомъ храмѣ Богоявленія, которому онъ благотворилъ постоянно [18].—

Говоря о Константинѣ - Василіѣ Острожскомъ, нельзя не вспомнить, что при немъ явился въ Кіевѣ Лже-Димитрій, и жилъ сперва въ Печерскомъ монастырѣ, потомъ въ Никольскомъ, а оттуда перешелъ въ Дерманскій, который находит-

ся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Острога и уже въ началѣ 16-го вѣка составлялъ богатую Архимандрію, также какъ и монастыри Дубенскій, Дорогобужскій и Святокрестовскій, вмѣстѣ съ нимъ возникшіе отъ щедраго благочестія Князей Острожскихъ. Есть преданіе, что Самозванецъ жилъ и въ Острогѣ; но мы знаемъ, что Кіевскій Воевода не принималъ участія въ судьбѣ пришлеца, вдвинутаго въ наше отечество кознями Езуитовъ и содѣйствіемъ Короля и магнатовъ Польскихъ.

Сыновья Константина - Василія, подобно отцу и предкамъ своимъ, занимали высшія государственныя должности въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ и въ самой Польшѣ, и славились воинскими доблестями.— Константинъ былъ Кравчимъ Великаго Княжества и Старостою Владимірскимъ; Янушъ Краковскимъ Кастеляномъ; Александръ Волынскимъ Воеводою и Старостою Переяславскимъ. Константинъ и Александръ умерли прежде отца, который жилъ до 1606 года. Янушъ пережилъ отца, братьевъ, племянниковъ и, какъ послѣдній представитель мужеской линіи, заключилъ собою древній родъ Князей собственно-Острожскихъ.

Отступничество Януша отъ Православной Церкви, какъ расчитали хитрые Езуиты, сильно подѣйствовало, по смерти доблестнаго его отца,

въ пользу Католичества. Нѣкоторые обыватели земли Волынской еще прежде приступили къ Уніи, по внушенію оскорбляемаго и соблазняемаго честолюбія, которое тогда въ древнемъ Православіи встрѣчало сильную преграду къ достиженію высшихъ степеней государственныхъ достоинствъ. Но такъ какъ на Князей Острожскихъ, по словамъ самаго Константина-Василія, современники смотрѣли какъ на *Начальниковъ* въ Православіи, то переходъ Януша имѣлъ уже рѣшительное вліяніе на многія дворянскія фамиліи Волыни, и увлекъ ихъ къ обращенію въ Унію и прямо въ Католичество;—ибо только Унія и Католичество, въ Рускихъ земляхъ, подвластныхъ Жигимонту III-му, могли доставлять Рускимъ дворянамъ спокойное пользованіе гражданскими правами и открывать свободное поприще ихъ честолюбію [19].

Дѣйствуя въ духѣ своего новаго вѣрованія, Янушъ началъ, по смерти отца, ставить костелы на земляхъ Острожскихъ и изгонять Рускихъ священниковъ изъ церквей, созданныхъ его предками. Такъ въ 1610 году отнялъ онъ у Православныхъ церковь св. Троицы, основанную его прадѣдомъ въ Межиричи, и пристроивши къ ней кляшторъ, отдалъ ксендзамъ Францисканскаго Ордена; выстроилъ въ Константиновѣ костелъ для Доминикановъ, и назначилъ ксендзамъ Ман-

сіонаріямъ въ Тарновѣ 500 злотыхъ ежегоднаго дохода. Однимъ словомъ, Янушъ дѣйствовалъ въ духѣ нетерпимости въ отношеніи къ Вѣрѣ предковъ, и щедро благотворилъ послѣдователямъ Церкви, которой недавно онъ сдѣлался членомъ [20].

Не имѣя прямыхъ нисходящихъ наслѣдниковъ мужеской линіи, Янушъ желалъ передать обширныя свои помѣстья одному изъ племянниковъ, сыновей Александра,—но неиначе, какъ подъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы избираемый имъ наслѣдникъ былъ Католическаго исповѣданія.

Съ такою цѣлію обратилъ онъ въ 1609 году, съ согласія Сейма, часть наслѣдственныхъ земель Острожскихъ въ маіоратъ или — какъ выражались современники — въ ординацію, съ которой владѣлецъ долженъ былъ въ военное время содержать 300 пѣшихъ и столько-же конныхъ ратниковъ для услугъ Рѣчи Посполитой, и предложилъ наслѣдіе Острожскаго маіората племяннику своему Константину. Но когда сей Князь не захотѣлъ въ угоду дяди - Католика измѣнить Православію, тогда Янушъ объявилъ своимъ наслѣдникомъ младшаго его брата, Ивана или Януша; но и тотъ не согласился на условіе, предложенное ему учредителемъ маіората.

Негодуя на непреклонныхъ племянниковъ, Янушъ Константиновичъ торжественно лишилъ

ихъ права наслѣдованія, и установилъ новый судебный актъ,—по которому ординація Острожская должна была перейти къ потомкамъ его дочери Евфросиніи, которая своимъ супружествомъ съ Александромъ Заславльскимъ возсоединила обѣ отросли своего рода; по прекращеніи-же потомства Евфросиніи маіоратъ долженъ былъ поступить во владѣніе Князей Радзивиловъ, потомковъ Янушевой сестры Катерины. Отъ Радзивиловъ право наслѣдованія Острожской ординаціи, по волѣ учредителя, переходило наконецъ на одного изъ Мальтійскихъ рыцарей, природнаго Поляка и Католика, выборъ котораго долженъ былъ совершиться большинствомъ голосовъ на Сеймѣ Рѣчи посполитой.

Такъ, вопреки вѣковому обычаю, вопреки Литовскому Статуту и голосу родства, сынъ доблестнаго Константина - Василія, изъ слѣпой привязанности къ Католичеству, передалъ большую часть родовой собственности въ чужія руки [19].—

Вскорѣ сыновья Александра, Константинъ и Иванъ, умерли; и тогда *дѣдичная,* неординатская часть Острожскаго Княжества сдѣлалась достояніемъ ихъ сестры Анны - Алоизіи, вдовы знаменитаго Гетмана Ходкевича.

Эта Княжна добрая, но слабодушная, не могла по смерти отца устоять противъ обаянія Езу-

характеръ, воспламенили идеаломъ святости ея самолюбивое воображеніе, и вскорѣ завладѣли волею Княжны и превратили Анну въ безусловно-покорное орудіе своей воли [20].

Исполняя желаніе Езуитовъ, Анна выстроила для нихъ въ Острогѣ Коллегіумъ, предоставила имъ воспитаніе юношества и расширеніе Католичества въ земляхъ Острожскихъ. Щедро надѣляя богатыми вкладами костелы, ею устроенные изъ православныхъ церквей, она и сама заботилась о обращеніи своихъ подданныхъ въ Унію, и для лучшаго достиженія этой цѣли установила, чтобы въ день празднованія *Божьяго Тѣла* (Boże Ciało) всѣ крестьяне, даже изъ дальнихъ селъ и деревень, съѣзжались въ Острогъ, гдѣ на разставленныхъ по улицамъ богатоукрашенныхъ алтаряхъ читано имъ было ксендзами Евангеліе на языкѣ Словенскомъ, для нихъ родномъ и понятномъ [21]. Такъ Езуиты старались обольстить народъ подобіемъ обрядовъ Грековосточной Церкви; но усилія ихъ не имѣли особенныхъ успѣховъ. Анна, утѣснявшая своимъ фанатизмомъ православныхъ обывателей Острога, была предметомъ ненависти для подданныхъ; и только Католическое духовенство, въ особенности-же Езуиты, ею облагодѣтельствованные, до небесъ превозносили мнимую святость Княжны Острожской.

Со смертію Анны (въ 1654 году) угасло поколѣніе Князей Острожскихъ; а внукомъ Янушевой дочери Евфросиніи, Александромъ Владиславичемъ, прекратилась линія Князей Заславльскихъ. Тогда въ право обладанія маіоратомъ и дѣдичною частію Княжества Острожскаго вступили Князья Радзивилъ и Любомирскій, —первый по назначенію учредителя маіората; послѣдній, какъ супругъ Θеофилы, сестры Александра Владиславича [22].

Осиротѣлый Острогъ переходилъ съ того времени изъ одного княжескаго дома въ другой, отъ Любомирскихъ къ Сангушкамъ и другимъ, пока не сдѣлался, кажется съ половины 18-го вѣка, собственностію Князей Яблоновскихъ. Земли-же Острожской ординаціи послѣ многихъ переходовъ объявлены были по Конституціи 1766 года — *земскими,* не смотря на притязанія Мальтійскаго Ордена. Девять лѣтъ еще послѣ того Орденъ спорилъ съ Рѣчью посполитою за маіоратъ Острожскій, и только въ 1775 г. Сагромозо, уполномоченный Мальты, именемъ Ордена отказался отъ всѣхъ притязаній, съ тѣмъ однако условіемъ отъ Польши, чтобы сеймовымъ декретомъ Короны и Великаго Княжества Литовскаго были учреждены въ Литвѣ и Польшѣ Великое Пріорство и шесть Командорствъ Ордена св. Іоанна Іерусалимскаго. Еммануилъ

де Роганъ, Великій Магистръ, подтвердилъ уступку Острожскаго маіората; а Папа Пій VI дозволилъ Великому Пріору и Командорамъ быть женатыми [23].

Такова была судьба Острога и Княжества Острожскаго съ семидесятыхъ годовъ 17-го вѣка. Князья Острожскіе чрезъ посредство Княженъ своего рода вступали въ связи со многими благороднѣйшими домами Литовскими и Польскими; но кромѣ Княжны, бывшей за Радзивиломъ, почти ни одна изъ нихъ не дала новой, долговѣчной отросли своему роду; какъ будто съ древнимъ Православіемъ въ Острогѣ должно было угаснуть и самое поколѣніе доблестныхъ потомковъ Даніила Галицкаго!—

II.

«Было, и быліемъ заросло».

Руская пословица.

При частыхъ переходахъ изъ одного княжескаго дома въ другой, Острогъ неминуемо долженъ былъ испытать невыгоды, сопряженныя съ перемѣнчивостію владѣльцевъ. Дѣйствительно, съ прекращеніемъ племени Князей Острож-

скихъ и стольный городъ ихъ началъ приходить въ упадокъ, съ каждымъ поколѣніемъ теряя многое изъ своего прежняго роскошнаго величія. Тогда обвалились мало по-малу и каменныя твердыни, которыми Острогъ былъ опоясанъ при старыхъ Князьяхъ; тогда пришелъ въ упадокъ и запустѣніе краса Острога—великолѣпный храмъ Богоявленскій.—

Въ Маѣ прошлаго года провелъ я въ Острогѣ пріятный день. Сколько позволилъ мнѣ мой досугъ, я осмотрѣлъ тамъ древности и собралъ нѣсколько любопытныхъ преданій о старинѣ Острожской.—

Прежде всего взглянулъ я на остатокъ Острожскаго замка, который находится въ отдѣльной части города. Мрачный, пасмурный видъ этого каменнаго зданія уже убѣдилъ меня достаточно въ его древности. Стоя на крутизнѣ, замокъ, или лучше сказать, уцѣлѣвшій остатокъ замка Князей Острожскихъ поддерживается пристроенными къ нему въ разныя времена контрфорсами, которые съ наружной стороны восходятъ до третьяго яруса. Вообще замокъ устроенъ такъ, что со стороны Богоявленской церкви видишь только два яруса, а съ противной стороны—четыре. Внизу, подъ зданіемъ, тянутся огромные погреба, изъ которыхъ иные уже засыпаны землею. Тамъ, говоритъ преданіе, то-

мились плѣнники, захваченные на полѣ брани дружиною храбрыхъ воителей Острожскихъ.

Въ замкѣ помѣщается теперь Уѣздный Судъ. Какъ мало тишина, окружающая нынѣ это жилище Князей Острожскихъ, соотвѣтствуетъ прежней шумной, разгульной жизни въ этомъ-же самомъ замкѣ!... Тутъ пировалъ знаменитый Воевода Кіевскій, и веселые *знакомцы* (ассистуіонце паніонта) за роскошнымъ столомъ усердствовали другъ передъ другомъ забавною шуточкою сорвать улыбку одобренія на устахъ своего радушнаго, снисходительнаго патрона. Тутъ гордый Польскій Воевода за условленную плату исправлялъ должность маршалка при дворѣ Константина-Василія, гдѣ отъ роскошныхъ крохъ его княжеской трапезы питалось болѣе тысячи челядинцевъ, между которыми особенно подвизался Богданъ-Объѣдало [24].

Но замокъ Острожскій былъ пріютомъ не одного только веселаго счастія и привѣтливаго гостепріимства; онъ бывалъ также свидѣтелемъ тайной безотрадной печали и обманутыхъ надеждъ. Я раскажу легенду о злосчастной Елисаветѣ Острожской.—

Елисавета была внука знаменитаго Гетмана, дочь Иліи Константиновича. Живя въ уединеніи, вдали отъ шумныхъ забавъ и удовольствій, она любила мать свою болѣе всего на свѣтѣ.

Но вскорѣ сердце ея разгадало цѣль своего назначенія. Пылкій, отважный Рускій Князь Дмитрій Сангушко увидѣлъ Елисавету, плѣнился ея красотою, вдохнулъ взаимную страсть Княжнѣ Острожской, и искалъ ея руки. Но честолюбивая вдова Иліи, Бэата Острожская, отказала Дмитрію. Современники вѣрили, что отклоняя всѣ предложенія о бракѣ, дѣланныя ея дочери, Бэата хотѣла именемъ Елисаветы полновластно управлять ея наслѣдственными землями. Отважный Сангушко не потерялъ надежды обладать своею возлюбленною; онъ прибѣгъ къ содѣйствію ея дяди, и, введенный Константиномъ-Василіемъ въ Острожскій замокъ, противу воли матерней сочетался бракомъ съ Княжною.

Бэата недолго дала торжествовать ненавистному ей зятю, и просила Короля о заступленіи. Слабый Жигимонтъ Августъ позвалъ Дмитрія къ суду въ Книшинъ; но Дмитрій не явился, поручивъ оправданіе своего поступка дворянину Одаховскому, который однакоже не устоялъ противъ краснорѣчивыхъ доводовъ Черняковскаго, защищавшаго права родительской власти Княгини Бэаты. Король уничтожилъ бракъ Елисаветы, приказалъ возвратить Бэатѣ Острогъ, изъ котораго она была изгнана ожесточеннымъ зятемъ, и объявилъ Димитрія лишеннымъ чести и имуществъ.—

Укрываясь въ Богеміи съ Елисаветою, сопровождавшею его въ мужскомъ платьѣ, Дмитрій тщетно искалъ спокойнаго пріюта для своей любви. Мартынъ Зборовскій, Кастелянъ Калишскій и опекунъ Елисаветы, преслѣдовалъ Дмитрія, и, перекупивъ хозяина гостинницы въ Яромірѣ, лишилъ несчастнаго скитальца жизни. Елисавета была возвращена озлобленной матери.

Ровно черезъ годъ послѣ смерти любимаго супруга, когда еще не зажила рана, нанесенная ея сердцу, Княжна Острожская должна была, повинуясь волѣ Короля, отдать свою руку Познанскому Воеводѣ Горкѣ. Жигимонтъ Августъ думалъ этимъ бракомъ устроить счастіе Елисаветы; но Елисавета не могла любить дважды, и только черезъ обманъ вышла за немилаго ей жениха. Король выманилъ у Княгини Острожской кольцо, и показалъ его Елисаветѣ, въ знакъ согласія ея матери на бракъ съ Горкою. Но Бэата не думала давать своего согласія, и потому, на перекоръ Жигимонту, рѣшилась супружескія права Воеводы сдѣлать недѣйствительными. Она увезла дочь свою и отдалась съ нею подъ покровительство Королевской матери Боны, которая благопріятствовала ея намѣренію. Когда же Бона уѣхала въ Италію, Бэата переселилась во Львовъ и заключилась съ Елисаветою въ стѣнахъ дѣвичьяго монасты-

ря. Тамъ, родительскою властію, которой покорялась Елисавета, она отдала руку Княжны Слуцкому Князю Симеону. Но Воевода Познанскій, напавъ въ расплохъ, исторгнулъ вооруженною рукою Елисавету изъ стѣнъ монастырскихъ, и Король присудилъ ее снова своему любимцу. Огорченная Бэата рѣшилась отмстить Воеводѣ, искавшему Елисаветиной руки по однимъ только расчетамъ корысти, и лишила его богатствъ, которыя послѣ нея должны были достаться Елисаветѣ: не смотря на свои преклонныя лѣта Бэата сама вышла за Сѣрадзскаго Воеводу Ласскаго. Недолго жилъ Горка, который обращался съ Елисаветою, не какъ съ супругою, а какъ съ плѣнницею; и несчастная дочь Иліи Острожскаго, искавшая по смерти постылаго супруга, пріюта у своего дяди въ Острожскомъ замкѣ, пала подъ тяжестію своихъ бѣдствій: она лишилась ума.... [25]

Я осмотрѣлъ только наружный видъ древнихъ палатъ Князей Острожскихъ; побывать внутри не удалось. Отъ нихъ перешелъ я къ развалинамъ Богоявленской церкви, которая прежде называлась *Замковымъ* храмомъ.

Лишенная смертію Константина - Василія и его сына Александра, послѣдней опоры своей, эта церковь, въ глазахъ потомковъ своего основателя, присоединившихся къ церкви чуждой,

пришла въ упадокъ; но и въ самомъ разрушеніи своемъ она представляетъ краснорѣчивый памятникъ прежняго величія Острога и свидѣтельствуетъ о благочестіи Князей Острожскихъ.

Греческое зодчество Богоявленской церкви можетъ быть названо величественнымъ. Въ стѣнахъ ея, обращенныхъ къ городу, замѣтны амбразуры, которыя, вѣроятно, должны были защищать храмъ отъ нападенія Крымцевъ. Изъ числа пяти главъ Богоявленской церкви, средняя и двѣ боковыхъ уже обрушились съ своими сводами; обѣ послѣднія клонятся къ паденію.—

При видѣ развалинъ Острожскаго храма, вспоминается многое изъ прежнихъ временъ Острожскихъ, и на мысль приходятъ вдругъ два совершенно розные человѣка— храбрый Гетманъ Наливайко и самозванный Царь Лже-Димитрій....

Храбрый Гетманъ Наливайко былъ уроженецъ Острожскій, сынъ тамошняго мѣщанина. Старшій братъ его служилъ Соборнымъ Протопопомъ въ Острожскомъ замкѣ. Вотъ что говоритъ объ немъ Езуитъ Янчинскій. «Замковый Протоіерей былъ самый закоснѣлый раскольникъ; передъ смертію своею онъ запретилъ хоронитъ себя при церкви, представляя тому такую причину: знаю, говорилъ онъ, что въ Острогѣ водворится Латинская вѣра, почему и похороните меня въ полѣ, чтобы и кости мои не сблизились съ Латин-

скою церковью. Но опасенія почтеннаго старца, столь приверженнаго къ Православію, бывшаго ревностнымъ сподвижниковъ Константина-Василія въ подвигахъ Вѣры, были излишни: Богоявленскій храмъ обратился въ развалины; но не былъ превращенъ въ костелъ [26].

Въ Богоявленскомъ-же храмѣ, говоритъ преданіе, вѣнчался Самозванецъ съ прелестною, честолюбивою панною; здѣсь мнимому сыну Грознаго, бѣглому иноку Чудовской обители, отдала свою руку Марина, дочь гордаго Мнишка, Воеводы Сендомірскаго.

Тщетно искалъ я въ развалинахъ храма надгробіе его основателя, Василія Острожскаго, поставленное около половины 15-го вѣка; еще въ концѣ прошедшаго столѣтія оно было предметомъ любопытства для посѣщавшихъ развалины.

Разставаясь съ храмомъ, я едва могъ разобрать внизу церковныхъ оконъ полуизгладившуюся Латинскую и Рускую надписи о времени его построенія,—и осмотрѣлъ остатки укрѣпленій замка, которые также много говорятъ о судьбѣ Острога. Теперь только одна башня, современная Богоявленской церкви, споритъ съ разрушительнымъ дѣйствіемъ времени: своды ея уже обрушились; но стѣны, наружныя украшенія и зубцы еще цѣлы.

Спускаясь съ возвышенія, занимаемаго Острожскимъ замкомъ и древними его укрѣпленіями, я съ любопытствомъ взглянулъ на оврагъ, черезъ который нѣкогда пролегалъ красивый деревянный мостъ. По этому мосту въѣзжали въ замокъ Князья, а православные жители Острога ходили въ Божій храмъ на молитву. Я раскажу вамъ преданіе о мостѣ Острожскомъ, и вы изъ него увидите, какъ дорожили Острожцы древнею Вѣрою своихъ предковъ, и какъ ненавистны имъ были отступники.

Вдова Ходкевича, Анна - Алоизія, спѣшила выполнить требованіе Езуитовъ и приказала ночью, на канунѣ Пасхи (1636 г.), тайно перенести тѣло своего отца изъ Богоявленской церкви въ устроенный ею Езуитскій кляшторъ. Между тѣмъ Езуиты распустили уже въ народѣ молву, будто Александръ Острожскій передъ смертію желалъ соединенія съ Римскою церковью, и что только упорное сопротивленіе Рускаго духовника не дозволило умирающему выполнить его желаніе. Но Езуитамъ никто не вѣрилъ, и поступокъ Анны взволновалъ жителей Острога, которые видѣли въ томъ новое поруганіе святыни, поруганіе смертныхъ остатковъ своего любимаго Князя.

На разсвѣтѣ дня Свѣтлаго Воскресенія, народъ Острожскій, по вѣковому обычаю, толпил-

ся на мосту у замка, вблизи храма. Тутъ лежали грудами пасхи, тамъ кучи крашеныхъ яицъ, для всерадостнаго привѣта. Всякъ ожидалъ благодатнаго «Христосъ воскресе»; но тутъ же слышенъ былъ порою и громкій ропотъ народа, недовольнаго поступкомъ Княжны. Въ это время Анна возвращалась изъ Езуитскаго костела. Ей надобно было ѣхать черезъ мостъ. Народъ заступилъ Княжнѣ дорогу, и на приказаніе слугъ посторониться съ пасхами, толпа мѣщанъ отвѣчала явною ослушностію. Княжна въ пылу гнѣва приказала возницѣ ударить по лошадямъ и промчаться сквозь буйную толпу, по пасхальнымъ хлѣбамъ; но народъ едва не сбросилъ ее съ моста въ оврагъ, и закидалъ ее крашеными яйцами. Отбившись съ помощью слугъ, Княжна съ трудомъ могла укрыться отъ разъяренной черни, которая вломилась было за нею въ самый замокъ, и только ружейными выстрѣлами слугъ могла быть удержана. Анна принесла жалобу на своихъ подданныхъ, которые ей мстили за притѣсненіе,—и Трибуналъ Любельскій осудилъ многихъ Острожскихъ мѣщанъ на мучительную казнь. Когда уже прочтенъ былъ на площади грозный *вырокъ* Трибунала и осужденные ожидали вѣрной смерти, Княжна объявила всѣмъ пощаду. Она была довольна и тѣмъ, что по тому-же Трибунальскому

приговору сорокъ православныхъ священниковъ были изгнаны изъ земель Острожскихъ. Съ этого времени бѣдные жители Острога, лишенные пастырей, должны были поневолѣ разставаться съ древнею Вѣрою своихъ предковъ [27].—

Въ свое цвѣтущее время Острогъ былъ окруженъ каменною стѣною, которую обороняли башни и защищали земляные валы; но отъ этихъ укрѣпленій, приписываемыхъ Князю Василію Ѳеодоровичу, теперь остались только въ разныхъ частяхъ города двѣ уже распадающіяся башни, одинакой постройки съ башнею въ замкѣ.

Осмотрѣвъ и эти остатки Острожской старины, я отправился къ Коллегіуму Езуитовъ или, какъ его теперь называютъ, Поезуитскому зданію, замѣчательному необыкновенною огромностію. По изгнаніи Езуитовъ, въ 1773 году Коллегіумъ былъ отданъ Уніатскимъ монахамъ Базиліанамъ; а въ 1779 году, по волѣ Екатерины Великой, сдѣлался мѣстомъ пребыванія Православнаго Епископа Волынскаго. Тутъ также помѣщены были тогда Консисторія и Духовная Семинарія.

Острожскій Коллегіумъ, основанный въ 1624 году, еще при жизни своей покровительницы испыталъ тяжкую невзгоду: горожане, нетерпѣвшіе Анны и Езуитовъ, обрекли Коллегіумъ пла-

мени, и нескоро сошли съ него слѣды опустошеній. Езуитское зданіе много терпѣло отъ огня и въ наши времена. Сильный пожаръ, превратившій въ пепелъ болѣе половины Острога, въ 1809 году, крѣпко повредилъ стѣны бывшаго Коллегіума; спустя 12 лѣтъ, на немъ вторично сгорѣла крыша и обгорѣла внутренность зданія, которое съ того времени и оставлено. Теперь обрушиваются уже своды втораго этажа. Внизу подъ Коллегіумомъ проходятъ во всю длину зданія погреба и ходы подземные. Церковь при Коллегіумѣ величавой архитектуры; но своды ея уже обрушились и въ стѣнѣ съ правой стороны сдѣлались трещины. Говорятъ, что еще при Князѣ Константинѣ-Василіѣ Езуиты хотѣли втереться въ Острогъ, и неотступно просили въ немъ для себя мѣста; Князь предоставилъ имъ топкое болото; однако и такое позволеніе служило Езуитамъ предлогомъ къ поселенію въ Острогѣ.

Въ недальнемъ разстояніи отъ сего Коллегіума лежатъ развалины Конвикта, устроеннаго также Княжною Анною, для образованія юношества подъ руководствомъ Езуитовъ. Послѣ Езуитовъ Конвиктъ сдѣлался достояніемъ Кармелитовъ, получившихъ и древнюю православную церковь, смежную съ Конвиктомъ. Эта церковь, съ согласія Іереміи Почаповскаго, Уніата, по-

сившаго званіе Епископа Луцкаго и Острожскаго [28], также была обращена Анною въ костелъ и отдана Езуитамъ. Пожаръ 1809 года превратилъ въ развалины и Кармелитскій кляшторъ.

Напрасно искалъ я мѣста того знаменитаго училища, которое основано было въ Острогѣ Константиномъ-Василіемъ,—въ которомъ Максимъ (въ монашествѣ Мелетій) Смотрицкій былъ наставникомъ юныхъ сыновей сего Князя, а Ректоромъ былъ Кириллъ Лукарь, на Брестскомъ Соборѣ противодѣйствовавшій водворенію Уніи и возсѣдавшій потомъ на Константинопольскомъ Патріаршемъ престолѣ. Никто не указалъ мнѣ сего, въ то время перваго разсадника учености Южной Руси [29].

Въ послѣднія минуты моего пребыванія въ Острогѣ, я поспѣшилъ къ домику, гдѣ, какъ вообще полагаютъ, была та знаменитая Острожская типографія, въ которой—искуствомъ и трудомъ памятнаго своею судьбою и странствіемъ книгопечатника Ивана Федорова, и заботливостію благочестиваго Константина-Василія,—напечатана была въ 1581 г. въ первый разъ полная Библія, на языкѣ Словенскомъ. Но въ этомъ домикѣ живетъ теперь Еврей и печетъ *бублики*... Мнѣ не хотѣлось вѣрить такому униженію святыни; и я спросилъ еще у одного Острожскаго старожила: точно-ли въ этомъ до

микѣ была Княжеская типографія?— Съ отрицаніемъ онъ покачалъ головою и указалъ мнѣ на мѣсто, занимаемое теперь въ виду замка Острожскимъ училищемъ....

В. ДОМБРОВСКІЙ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. – Кромеръ, Гваньини, Папроцкій, Нѣсецкій и многіе другіе родословы выводятъ родъ Князей Острожскихъ отъ племени Св. Владиміра, и именно отъ Князей Галицкихъ.

Нѣсецкій (въ III т. Короны Польской, стр. 511–523) и Игнатій Стебельскій, сочинитель Генеалогіи Князей Острожскихъ, наиболѣе сообщаютъ намъ подробностей о древнихъ владѣтеляхъ Острога. Карамзинъ, основываясь на умолчаніи Волынской Лѣтописи о Князьяхъ Острожскихъ, по видимому колебался признать ихъ потомками Князей Галицкихъ; но согласное генеалогическое показаніе Литовскихъ и Польскихъ родослововъ, кажется не оставляетъ въ семъ отношеніи сомнѣнія. Трудно въ самомъ дѣлѣ согласить съ извѣстіемъ Волынскаго Лѣтописца родословный выводъ Польскихъ и Литовскихъ историковъ: всѣ они производятъ Князей Острожскихъ отъ Василія, роднаго брата Короля Галицкаго Даніила; а въ Волынской Лѣтописи говорится, что у Василія былъ только одинъ сынъ Владиміръ, умершій бездѣтнымъ. Іосифъ Яблоновскій, въ своихъ Tabulæ genealogicæ Jablonovianæ Amst. 1743., даетъ Василію Романовичу сына Даніила, Даніилу Романа, Роману Василія, Василію Симеона и *Ѳеодора*. Нѣсецкій напротивъ того говоритъ, что у Василія былъ сынъ Даніилъ, у Даніила Василій, у Василія *Ѳеодоръ*. Даніилъ

Васильевичъ, по увѣренію Нѣсецкаго, первый началъ писаться Княземъ *Острожскимъ* и упорно противился Казимиру Великому, Королю Польскому, желавшему покорить Волынскія земли и ввести въ нихъ Католичество. См. Т. III, стр. 511.

2.—Кромера кн. XX. Стрыйк. XVI, rozd. IV, V. Длугоша XI. Нѣсецкаго III, 512.

3.—Geneal. XX. Ostrog. стр. 73 и 74.

4.—Тамъ же, стр. 75.

5.—Тамъ же, и стр. 76.

6.—Стрыйковскій говоритъ, что Михаилъ Острожскій былъ старостою Луцкимъ, а сынъ его Романъ убитъ Татарами въ сраженіи подъ Межибожемъ, въ 1516 году.

7.—Gen. XX. Ostrog. 81—87. Simoni Starovolscii Sarmatiæ Bellatores, стр. 93.

8.—Sarm. Bell. 93. Gen. XX. Ostr. 81.

9.—Kor. Pol. III, 514. Gen. XX. Ostr. 88.

10.—Gen. XX. Ostr. 89 и слѣд. См. также у Кальнофойскаго въ Тератургимѣ trakt. 1, § 2, стр. 33 и слѣд.

11.—Нѣсецкій сказываетъ, что Константинъ-Василій праздновалъ въ это время бракъ Князя Соломерецкаго съ Бэатою Дольскою; но показаніе Стебельскаго кажется вѣрнѣе. Gen. XX Ostr. 113,—

12.—См. Гвэньини въ Zbior Dziejopisow Polskich, стр. 171.—Стрыйковскаго, IV раздѣлъ XXV книги. Kor. Pol. III, 516. Gen. XX Ostr. 113. Исторія Гос. Росс. IX, 51.—Бѣльскій говоритъ, что Константинъ-Василій содѣйствовалъ утвержденію Ивана Подковы въ званіи Воеводы или Господаря Волошскаго. Подкова, Гетманъ Запорожскаго войска, былъ братъ Воеводы Ивана. Kronika Polska, стр. 753.

13.—Gen. XX. Ostr., 115.

14.—Склоняя необразованную шляхту и чернь Литовскую къ принятію Уніи, Езуиты и вообще ксендзы старались увѣрить

всѣхъ, будто Римскій законъ былъ искони господствующимъ въ Западнорускихъ земляхъ, и будто послѣдователи Греческой Церкви въ Литвѣ были только «odszczepieńcy od wiary iedności i posłuszeństwa S. Kosciola Rzymskiego.» Они не совѣстились утверждать будто и всѣ Князья Острожскіе были первоначально Католики; будто и самъ Гетманъ Литовскій Константинъ родился Католикомъ; — даже имя ревностнѣйшаго поборника предковскаго Православія Константина-Василія старались они употребить для достиженія своей цѣли, распространяя въ народѣ пущенную Езуитомъ Поссевиномъ молву, будто сей Князь убѣдительно упрашивалъ его ходатайствовать у Папы о соединеніи Западнорускoй Церкви съ Римскою и часто сносился о томъ съ Поцѣемъ!!..См. Kor. Pol. III, 516. Gen. XX. Ostr. 114, въ примѣчаніи; также Нарамовскаго Facies rerum Sarmaticarum, 1724, lib. 1, c. XY, стр. 287.

15.—Gen. XX. Ostr. 122.—Kor. Pol. III, 517.

16.- Забавно читать—у Езуита Нѣсецкаго, Уніата Стебельскаго, ксендза Бенедикта Хмелевскаго и другихъ—расказъ о мнимыхъ тиранскихъ поступкахъ Константина-Василія съ Янушемъ. Они хотѣли представить въ лицѣ Януша идеалъ великаго ревнителя Католичества, и сочинили басню о томъ, какъ Константинъ томилъ въ оковахъ своего сына и однажды, вошедши ночью въ его темницу въ Дубенскомъ замкѣ, обнажилъ на спящаго Януша свой мечь...!!! и т. д.

17.—Kor. Pol. III, 319. Хмелевскій, Zbior krótki Herbow Polskich, Warsz. 1763.

18.—Константинъ-Василій и Александръ Острожскіе,—вмѣстѣ съ Князьями Өеодоромъ Сангушкомъ, Адамомъ и Михаиломъ Вишневецкими, Георгіемъ Пузиною, Георгіемъ Радзивиломъ и другими,—1599 г. подписали въ Вильнѣ актъ *первой* конфедераціи, образовавшейся на защиту Православія и угнѣтенныхъ въ Польшѣ послѣдователей Евангелическаго исповѣданія, которыхъ Католики именовали техническимъ словомъ «*Кецеръ*.»

19.—Пять разъ повторенъ былъ Янушемъ актъ ординаціи Острожской, въ 1609, 1614, 1615, 1616 и 1618 году. Въ двухъ пер-

выхъ актахъ Янушъ, въ надеждѣ склонить къ перемѣнѣ религіи, еще не лишалъ сыновей своего брата, Константина и Ивана, правъ наслѣдованія маіората. Въ одной брошюрѣ 1754 года — Uwagi w sprawie ordynacyi Ostrogskiej — говорится, что ни Янушъ, ни Рѣчь посполитая, не имѣли права исключать отъ наслѣдія сихъ невиновныхъ Князей, и что Янушъ уже третьимъ актомъ своимъ уничтожилъ законность основы своего маіората. Къ числу земель ординатскихъ принадлежало 35 мѣстечекъ и селъ; въ числѣ первыхъ находились Константиновъ, Дубно, Красиловъ и другія. См. Kor. Pol. T. III, 517. Opis starożytney Polski Ѳомы Свѣнцкаго, T. II, стр. 80.—

20.— Нѣсецкій, Хмѣлевскій и Стебельскій говорятъ много въ похвалу Аннѣ и даже приписываютъ ей даръ духовнаго предвидѣнія.— Къ числу особенныхъ добродѣтелей Анны-Алюизіи Стебельскій присовокупляетъ и то, что она, оставшись послѣ Гетмана Ходкевича молодою вдовою, пренебрегла не только искательствомъ знатнѣйшихъ магнатовъ Польскихъ, но и любовью Королевича Владислава Жигимонтовича.— Анна была не болѣе 10 мѣсяцевъ въ супружествѣ за Ходкевичемъ, который былъ убитъ подъ Хотимомъ. Gen. XX. Ostr. 137, 146.

21.— Тамъ-же, 143.— Kor. Pol. III, 522.

22.— Uwagi w sprawie ordynacyi Ostrogskiey, 1754 г. Gen. XX Ostr. 159—164. Неселовскій, кажется современникъ Александра Владиславича, вычисляя огромныя богатства этого Князя, сообщаетъ любопытное извѣстіе, что, не смотря на всѣ сокровища, и нечѣмъ и не въ чемъ было предать его тѣло погребенію. Gen. XX. Ostr. 164.

23.— См. Bulla Papæ Pii VI approb. actum renunt. Ordinis Melitensis, 1776, въ I томѣ Traktatów, Konwencyi Handl. y Gnanicz etc. za panow. Stanisława Augusta, Warsz. 1791.— Сличи также Wywod przyczyn gruntownych y Praw Zakonu Kawalerow Maltańskich do ordynacyi Ostrogskiey; это докладъ, поданный Королю и Сейму Рѣчи посполитой.—

24.— Ксендзъ Млодзяновскій въ своихъ проповѣдяхъ говоритъ, что Константинъ-Василій имѣлъ 1,200,000 злотыхъ ежегоднаго

дохода. Kor. Pol. III, 515. — Нѣсецкій присовокупляетъ, что старшимъ слугою и Маршалкомъ своего двора, Князь Константинъ имѣлъ почетнаго Воеводу, который дважды въ годъ долженъ былъ выполнять при немъ свою обязанность и за то получалъ 70 тысячъ злотыхъ юргельта (жалованья). Kor. Pol. III, 515. Число ассистуіонцыхъ паніонтъ, т. е. бѣдной шляхты и оффиціантовъ или челядинцевъ при дворѣ Константина-Василія простиралось иногда до двухъ тысячъ, но никогда не было менѣе тысячи. Говоря о роскошной жизни Князя Острожскаго, Нѣсецкій оставилъ намъ заимствованное имъ у Патера Янчинскаго описаніе неусыпныхъ подвиговъ и неутомимой дѣятельности храбраго застольнаго наѣздника Богдана-Объѣдалы. «У Константина, говоритъ онъ, былъ при дворѣ нѣкто Богданъ. Этотъ человѣкъ съѣдалъ на закускѣ жаренаго поросенка, гуся, двухъ каплуновъ, порядочный кусокъ жаркаго, три бухана хлѣба, цѣлый сыръ, и выпивалъ при томъ два гарнца меду. Потомъ садился за обѣдъ и, какъ бы ничего не бывало, принимался снова за дѣло: съѣдалъ 10 кусковъ говядины, телятины еще болѣе, баранины и того больше; потомъ опять жаренаго поросенка, гуся, каплуна, три сорта жаркаго — изъ говядины, телятины и веприны; меду, вина, водки выпивалъ онъ 4 гарнца; пива — безъ счету; и при всемъ томъ былъ онъ худощавъ, но такъ силенъ, что могъ бы, кажется, хоть съ тридцатью управиться. Нетрезвымъ онъ никогда не бывалъ. Послѣ каждой яствы вставалъ онъ отъ стола и похаживалъ, для возбужденія аппетита». Kor. Pol., III, 517. —

25. — Dzieje w Koronie Polskiey etc. Łukasza Gornickiego, Warsz. 1750; стр. 67—115 и 150—158.

26. — Въ одной довольно любопытной брошюркѣ — Nowe Ateny, которой годъ и мѣсто изданія не означены — сказано, что «ради необыкновеннаго упорства въ схизмѣ священники Богоявленскаго храма преданы были проклятію и изгнанію, а церковь оставлена совамъ и воробьямъ въ жилище». (!!)

27. — Gen. XX Ostr. 139—142. Kor. Pol., III, 522.

28. — Лаврентій Древинскій, Чашникъ и Депутатъ Волыни на Сеймѣ Варшавскомъ 1620 года, говоря въ присутствіи Сенаторовъ и пословъ Польскихъ и Литовскихъ Королю Жигимонту III-му рѣчь, въ которой трогательно изобразилъ гоненія въ Польшѣ и Литвѣ на Грековосточную Церковь, между прочимъ такъ отзывается о Почаповскомъ: «Да и нынѣ, въ противность правамъ и вольностямъ нашимъ, данъ намъ въ Луцкѣ нѣкто Почаповскій, который хотя и шляхетской породы, но по лѣтамъ своимъ не только не достоинъ такого (Епископскаго) сана, но даже и діаконскаго, не говоря уже о священствѣ. Называть его *отцемъ* мы не можемъ, ибо онъ и двадцати лѣтъ еще не имѣетъ. Все же неустройство сіе происходитъ отъ того, что не отъ законнаго Пастыря посвященіе пріемлютъ. Они отступили отъ Патріарха Константинопольскаго, которому искони въ семъ Государствѣ Вашего Королевскаго Величества власть сія принадлежала» и проч. См. Историческое Извѣстіе объ Уніи М. 1805, стр. 169.

29. — Gen. XX Ostr. 111 и 112.

СМЕРТЬ ВОИНА.

Подъ бранной упряжью орудій,
Склонивъ главы, натужа груди,
Уныло кони въ бой идутъ;
Почуя гибель, тяжко дышутъ;
Ихъ ноздри пламенемъ не пышутъ,
Ихъ зубы удилъ не грызутъ.
Какъ гробовыя колесницы,
Стучатъ лафеты; вьется пыль;
И будто факелъ у гробницы
Курится тлѣющій фитиль.
И все напоминаетъ тризну
Плачевную; смущёнъ и тотъ,
Кто жаждетъ смерти за отчизну,
Нашъ юный, храбрый патріотъ!...
О чемъ тоскуетъ онъ? Быть можетъ
Воспоминаніе тревожитъ
Младую грудь... и на лицѣ,
Какъ облако на небѣ ясномъ,
Проходитъ дума объ отцѣ,
О другѣ дѣвственно-прекрасномъ,
О родинѣ... Иль можетъ быть

Онъ сѣтуетъ осиротѣлый,
Что некому въ Россіи цѣлой
Его безроднаго любить;
Что некому оплакать будетъ
Его почіющей главы;
Что смерть героя не пробудитъ
Струнъ утѣшительной молвы...
Не сѣтуй, громовержецъ юный!
Какъ ты, отечество любя,
Товарищи готовятъ струны,
Готовятъ слезы для тебя!...

Настала битва роковая,
Потѣха сѣверныхъ полковъ.
Вдали, какъ туча громовая,
Чернѣетъ конница враговъ;
Изъ тучи молніи сверкнули
И глухо заревѣлъ перунъ.
Ужь градомъ сыплется чугунъ,
Дождемъ свинцовымъ брызжутъ пули...
Впередъ, отважные полки!
Впередъ, могучая бригада!..
Уже разсыпались стрѣлки,
Ужь загремѣла канонада;

Уже объ Руское каре,
Какъ шумный валъ о грудь фрегата,
Разбилась туча супостата,
И вспять отхлынувъ по горѣ,
Бросаетъ издали перуны...
Но гдѣ нашъ громовержецъ юный?..
О славный часъ! о чудный видъ!
Одинъ на высотѣ Балканской
Гремитъ нашъ юный Леонидъ,
Наслѣдникъ доблести Спартанской!
Смотрите: надъ его главой
Ужь гибель крылья распахнула;
Ужь вьются варвары змѣёй
Вкругъ огнедышущаго дула;
Товарищь-конь его исчезъ,
Подруга бранная замолкла...
А онъ надъ ней, какъ Ахиллесъ
Надъ трупомъ мертваго Патрокла,
Въ могучей блещетъ красотѣ!..
Га! падаетъ... но вѣрной грудью
Приникъ онъ къ мѣдному орудью,
Какъ пригвожденный на крестѣ!..

В. ДОМОНТОВИЧЪ

Подъ Шумлей.
1828 г.

ОЖИДАНІЕ.

(Подражаніе В. Г.)

Поскорѣй на дубъ высокой
Бѣлка рѣзвая взберись,
И мелькнувъ въ выси далёкой,
Тамъ на вѣтви притаись!
Старой башни вѣчный житель,
Серебристый аистъ мой!
Брось на мигъ свою обитель
И взлети на храмъ святой!

Тамъ вдали гора бѣлѣетъ;
Вѣчный верхъ ея—снѣга;
На нее ступить несмѣетъ
И отважнаго нога.
Понесись туда стрѣлою,
Огнеглазый мой орёлъ!
Ты увидишь подъ собою
Въ глубинѣ окружный долъ

Милой гость весны и лѣта,
Колокольчикъ мой живой,
Ты, который отъ разсвѣта
Цѣлый день подъ синевой

Напѣваешь пѣсни фебу,
Быстрый жаврoнокъ! смѣлѣй
Понесися выше къ небу!
Ахъ, умчись туда скорѣй!

Съ вѣтви дуба-исполина,
Съ башни храма вѣковой,
Съ той горы, гдѣ вся вершина
Блещетъ чудной бѣлизной,
Изъ-подъ неба голубаго—
Посмотрите всѣ вы вдаль!
Разгоните молодаго
Сердца тяжкую печаль!

Поглядите: не клубится-ль
Въ отдаленьи пыль столпомъ?
Тихій вѣтеръ не рѣзвится-ль
Съ бѣлымъ воина перомъ?
Не летить-ли въ отдаленьи
Стройный всадникъ на конѣ?
Не спѣшитъ-ли въ упоеньи
Мой возлюбленный ко мнѣ?..

Г. Лукашевичъ.

КЛАРА МОВРАЙ.*

(Посвящено Е. А. Карлгофъ.)

Кто скачетъ, кто мчится на бѣломъ конѣ
Нагорной, опасной тропою?
Кто блѣдная дѣва—при блѣдной лунѣ,
Съ блуждающимъ взоромъ, съ поникшей главою?
Ей горы— знакомы; ей полночь какъ день;
Конь добрый не знаетъ удара.
Ктожь призракъ печальный? кто бѣдная тѣнь?
То мчится безумная Клара.

Надъ ликомъ могильнымъ сіяетъ луна....
О Боже! какъ страсти ей долго играли!..
Но все еще чудно - прекрасна она,
Хоть взоры потухли, ланиты завяли!
Не флёръ погребальный надъ блѣднымъ челомъ,
Порывисто черныя кудри летаютъ.
О бѣдная Клара, все тихо кругомъ,
Все тихо... чтожь муки твои не стихаютъ?

* Баллада сія написана по прочтеніи Валтеръ - Скоттова романа Сенронанскія Воды.

Вотъ— пристально, дико на горы глядитъ;
Тамъ что-то припомнить желаетъ;
Какое-то тайное имя твердитъ;
Вотъ смотритъ на небо; вотъ глухо рыдаетъ.
Да, бѣдная Клара безумна давно;
Мятежная страсть погубила;
И въ памяти смутной спаслось лишь одно,
Что сердце здѣсь разъ полюбило...

На этихъ горахъ дожидался твой другъ;
Ты здѣсь ему клятвой кляллася;
Забыть ли? лишь полночь,— ты тайно, какъ духъ,
Къ нему на свиданье неслася;
И милаго друга ласкала, звала
На страстное, вѣрное лоно;
И, горная роза, ты чудно цвѣла...
А нынѣ— кто, Клара, сочтетъ твои стоны?

Шесть лѣтъ ужь промчалось въ разлукѣ ужасной.
И сердце разбито, и жизнь отцвѣла!
Могила, могила, для Клары несчастной
Могила одною надеждой была!—

Ктожь это? Иль тѣни свой міръ покидаютъ...
Какъ! тотъ, кого сердце невластно забыть!.
О, нѣтъ! такъ жестоко судьбы не караютъ...
Нѣтъ! такъ немогло-бъ Провидѣнье судить!...

Ужели, о Боже великій? Ужели?
Но нѣтъ, невозможно... нѣтъ, Клара, то сонъ!
Какъ! здѣсь еще... въ жизни увидѣть Тиррели?
Какъ! юноша грустный—ужели то онъ?...
То онъ!... Повода, задрожавъ, покидаетъ;
И руки скрестивши, на друга глядитъ;
Могильная блѣдность въ лицѣ выступаетъ,
Уста ея сжаты—и долго молчитъ...

И спишь ты, прекрасная, въ ранней могилѣ!
Безвременно бури сошлись надъ тобой;
Безжалостно люди тебя погубили..
Да будетъ же сладокъ твой вѣчный покой!..
А другъ?... Его грозное море умчало...
Но ты навсегда унесла его рай,
Ты, бѣдная Клара, безумная Клара,
Злосчастная Клара Моврай.

В. КРАСОВЪ.

ЦВѢТУЩІЯ ДЕРЕВЬЯ.

(Подражаніе Катсу.)

«О, какой чудесный Май!
Сколько цвѣту на деревьяхъ!
Сколько осенью плодовъ
Здѣсь поспѣетъ намъ въ отраду!
Сколько сочныхъ, сладкихъ грушь;
Сколько яблокъ краснобокихъ;
Сколько вкусныхъ, рѣдкихъ сливъ,
Крупныхъ— какъ яйцо насѣдки,
Золотистыхъ—какъ янтарь!»
Такъ, носясь по саду, мальчикъ
Сынъ хозяйскій, говорилъ:
«То - то праздникъ будетъ, радость,
Какъ нашъ Августъ, милый гость,
Приведетъ подъ ручку осень
И нароститъ съ ней плодовъ!
То - то будетъ намъ пожива!»
—«Да! когда морозъ въ саду
Не побьетъ цвѣтовъ на вѣтвяхъ
Этихъ яблонь, грушь и сливъ;

Если долгая засуха
Не зародитъ въ нихъ червей;
Если черви не подточатъ
Вкусныхъ будущихъ плодовъ;
Если...» молвилъ чей-то голосъ
Изъ-за яблони густой,
И, какъ въ руку—молвилъ голосъ:
Цвѣтъ со сливъ обилъ морозъ;
Съ сочныхъ грушь обвѣялъ вѣтеръ
Снѣговой ихъ пустоцвѣтъ;
Въ каждой яблоневой почкѣ
Свилъ гнѣздо себѣ червякъ.
Вотъ и осень, вотъ и Августъ;
Наступаетъ жатвы срокъ.
Гдѣжь плоды? гдѣ праздникъ, радость?
Нѣту ихъ,—прошли какъ тѣнь;
Все прошло, какъ сонъ тревожный,
Какъ суетъ людскихъ мечта...
И на ней—мы строимъ домы
Нашихъ будущихъ затѣй!
Такъ плоды считаетъ мальчикъ
По цвѣтамъ въ саду отца;
Пышенъ цвѣтъ его надежды
И богатъ быть долженъ плодъ...
Чтожь выходитъ на повѣрку?

Въ руку нечего схватить!
Вотъ и яблоко поспѣло;—
Раскусите! вмѣсто тѣла
Въ немъ одна гнилая персть,
Или червя, вмѣсто соку,
Выдавимъ оттуда мы—
Червя, жителя могилы,
Истребителя, врага
И животныхъ и растеній!

Гордый смертный! свысока
Ты поглядывалъ на ближнихъ,
Возносясь на колесѣ
Счастья глупаго, слѣпаго;
Или— на крылѣ мечты,
Руку протянувъ, ловилъ ты
Мнимый плодъ своихъ надеждъ...
Чтожь поймалъ ты?— воздухъ, вѣтеръ,
Призракъ мнимаго плода!....
Стыдъ сказать, а иногда
Самъ я вѣрилъ обѣщаньямъ
Сильныхъ міра и друзей,
И, какъ *мужъ-суетъ* Писанья,
Полагался на князей—
Человѣческихъ дѣтей;

Не отъ Бога, отъ людей
Исполненья ждалъ желаньямъ;
Но я плодъ сбиралъ въ цвѣту,
И преслѣдуя мечту,
Не на вѣрѣ опирался,
Суетою увлекался,
И за то — надежды цвѣтъ
Побивалъ морозъ суетъ...
Такъ на свѣтѣ все наука —
Для дѣтей, и для мужей:
Каждый сельный злакъ, былинка,
И песчинка и пылинка,
Каждый яблочный листокъ —
Суть листы великой книги,
Гдѣ Небесный нашъ Отецъ
Тайнымъ языкомъ природы,
Молча, дѣтямъ начерталъ
Въ поученье, въ назиданье
Незабвенныя слова:
«Всѣ надежды — суета;
Только въ вѣрѣ нѣтъ обмана;
Только вѣчная любовь
Зиждетъ счастіе міровъ!»

П. Корсаковъ.

О НАДГРОБІЯХЪ ВЪ ПЕЧЕРСКОМЪ МОНАСТЫРѢ.

—Передъ Богомъ тебѣ молвлю: всю мою славу и власть я вмѣнилъ бы во прахъ, если бы мнѣ щепкою торчать за вратами или валяться сметьемъ въ монастырѣ Печерскомъ и попираему быть людьми. Ибо лучше день одинъ въ дому Божіей Матери, чѣмъ тысяча лѣтъ временной чести; лучше бы желалъ я въ немъ пребывать, чѣмъ жить мнѣ въ селахъ грѣшничьихъ.—

Такъ писалъ смиренный Суздальскій Епископъ Симонъ къ своему ближнему Печерскому иноку Поликарпу, въ первой половинѣ 13-го вѣка. Столь велика была его набожная любовь къ святой обители, въ которой самъ онъ прежде былъ инокомъ.—Устрояя новую Епархію въ Суздальскомъ Княжествѣ, Симонъ не переставалъ мыслить о монастырѣ Печерскомъ; заботливо собиралъ всѣ извѣстія и преданія объ немъ, желая сохранить ихъ отъ забвенія; описалъ житіе *Первоначальника* Рускихъ иноковъ—преподобнаго Антонія и нѣсколькихъ другихъ преподобныхъ Печерянъ; написалъ Сказаніе о созданіи Великой Печерской церкви, какъ бы предвидя ея скорое разореніе,—и завѣщалъ, чтобы по смерти перевезли его тѣло въ обитель Печерскую.

И цѣлая Русь, притекая сюда на поклоненіе нетлѣннымъ останкамъ своихъ праведниковъ, среди ихъ поклоняется и мощамъ *св. Симона Епископа Суздальскаго.* Его ревностная любовь и усердіе къ монастырю Печерскому, какъ бы разлились по всей Руси и переживаютъ вѣка. Многіе—какъ называлъ онъ—*гражане Рускаго міра* стремились сюда, чтобы успокоиться здѣсь отъ житейскихъ бурь и страданій; и сія святая колыбель нашей Исторіи издревле принимала въ свое лоно земные останки благочестивыхъ граждaнъ Рускихъ.

Потому Руская душа не только преисполнена бываетъ благоговѣйныхъ чувствъ и молитвенныхъ помысловъ, передъ нетлѣнными мощами и священными гробницами безсмертныхъ жильцевъ сей обители; но погружается и въ историческую думу—при воспоминаніи о тѣхъ великихъ подвигахъ, которые совершились въ этихъ стѣнахъ для просвѣщенія и блага Россіи,—при воспоминаніи и о тѣхъ благочестивыхъ Россіянахъ, которые сподобились погребенія въ семъ дому Пресвятой Богородицы.

1. *О надгробіяхъ, нынѣ существующихъ внутри и возлѣ Великой Печерской церкви.*

Большая часть надгробій, нынѣ существующихъ внутри и вокругъ Великой Печерской

церкви, относится къ прошедшему вѣку, въ которомъ Печерская обитель вторично обновлена и украшена тѣмъ благолѣпіемъ, какимъ она сіяетъ на священной высотѣ своей.

Всѣ находящіяся тамъ надписи любознательный поклонникъ сей святой обители можетъ прочесть или въ ней самой, или же въ двухъ *Описаніяхъ Кіевопечерской Лавры* (изъ коихъ *краткое*, изданное въ 1804 и 1817 г. въ 12 д., сочинено Епископомъ Ѳеофаномъ Шіяновымъ, когда былъ онъ еще Типографомъ Лаврскимъ; а *подробное*, изданное въ 1828 и 1832 г. въ 4 д., составлено Митрополитомъ Евгеніемъ). Мы воспомянемъ здѣсь только о немногихъ надгробіяхъ, которыя особенно останавливаютъ на себѣ наше вниманіе.

Шагахъ въ 14 отъ Великой церкви на полдень, возлѣ дверей Трапезы, лежатъ два небольшіе камня, на которыхъ часто видите отдыхающихъ путниковъ, пришедшихъ издалека на поклоненіе святымъ Печерскимъ Угодникамъ. Рѣдкій изъ этихъ молельщиковъ знаетъ, надъ кѣмъ положены тѣ камни. На первомъ изъ нихъ читаете слѣдующую надпись:

Славнаго Донскаго Войска знатный Старшина и походный Полковникъ *Ѳеодоръ Ивановичь Флоровъ*, въ государственной службѣ подъ городомъ

Турецкимъ Хотиномъ, на генеральной баталіи Августа 1 отъ непріятеля во главу усѣчеся; тщаніемъ Донскихъ козаковъ глава его сыскана въ непріятельскомъ разбитомъ лагерѣ въ шатрѣ командующаго Сераскера, и присовокуплена къ тѣлу, которое, по его желанію, здѣсь въ святой Лаврѣ погребеся Сентября 18, 1739 года.

И такъ это могила одного изъ храбрыхъ сподвижниковъ той Руской побѣды надъ Турками, которая вдохновила собою первую оду знаменитому пѣснопѣвцу блистательнаго вѣка Елисаветина, нашему безсмертному рыбаку Ломоносову.

Подъ другимъ камнемъ лежатъ кости двухъ страдальцевъ, также обезглавленныхъ; но уже не на полѣ чести, а на позорной плахѣ. Ихъ погубила злая воля преступнаго Гетмана; но—

«Межь древнихъ праведныхъ могилъ
Ихъ мирно Церковь пріютила»—

по выраженію нашего незабвеннаго пѣвца Полтавы, упрочившаго ихъ память. На ихъ убогомъ надгробіи съ трудомъ уже разбираете полуизгладившуюся слѣдующую надпись:

Кто еси мимо грядый о насъ невѣдущій,
Елицы зде естесмо положенны сущи,
Понеже намъ страсть и смерть повелѣ молчати,
Сей камень возопіетъ о насъ ти вѣщати,
И за правду и вѣрность къ Монарсѣ нашу,
Страданія и смерти испыймо чашу,

Злу даяньемъ Мазепы, все вѣчно правы,
Посѣченны зоставше топоромъ во главы,
Почиваемъ въ семъ мѣстѣ Матери Владычни,
Подающія всѣмъ своимъ рабомъ животъ вѣчный.

Року 1708, мѣсяца Іюля 15 дня, посѣчены средъ Обозу войскового, за Бѣлою Церквою на Борщаговцѣ и Ковшевомъ, благородный *Василій Кочубей*, Судія генеральный, *Іоаннъ Искра*, Полковникъ Полтавскій; привезены же тѣла ихъ Іюля 17 въ Кіевъ, и тогожъ дня въ обители святой Печерской на семъ мѣстѣ погребены.

Остановясь у главнаго или западнаго преддверія Великой Печерской церкви, вы съ благословеніемъ вспомните *Наталію Долгорукую*. Она погребена здѣсь, подъ однимъ изъ камней помоста, возлѣ своего сына, въ цвѣту жизни обрекшаго себя на иночество въ обители Печерской. Еще недавно надъ ихъ могилами лежали рядомъ двѣ чугунныя доски. На первой было написано:

Подъ сей доской положено тѣло *Княгини Наталіи Борисовны Долгоруковой*, дочери Генералъ-Фельдмаршала Графа Бориса Петровича Шереметьева, супруги Оберъ-Камергера Князя Ивана Алексѣевича Долгорукова, которая родилась въ Лубнахъ въ 1714 году Генваря 17 числа, въ супружество вступила въ 1730 году Апрѣля 5, а овдовѣла въ 1739 году Ноября 8 числа, постриглась въ

монахини въ Кіевофлоровскомъ дѣвичьемъ монастырѣ въ 1758 году Сентября 28, и наименована при постриженіи Нектарія, и въ томъ имени приняла схиму въ 1767 году Марта 18 числа, и поживе честно и богоугодно по чину своему; скончалась въ 1771 году Іюля 3 дня.

Какъ много думъ наводитъ эта краткая повѣсть о той, чья жизнь была плѣнительнымъ образцемъ любви супружеской и благочестія Христіанскаго, и такъ полна была превратностей рока!... Теперь эта надпись нарѣзана на золоченой доскѣ, вдѣланной въ стѣну на правой сторонѣ преддверія; а противъ нея находится другая доска съ надгробною надписью о сынѣ злополучнаго Князя Долгорукаго, *Дмитріѣ Ивановичѣ*, который скончался на 30 году жизни въ Пустынноиколаевскомъ монастырѣ, 1769 года 26 Мая, въ вечерній благовѣстъ...

Войдя въ Великую Печерскую церковь, вы съ сердечнымъ благоговѣніемъ поклоняетесь священнымъ гробницамъ трехъ первыхъ и великихъ просвѣтителей Руси Вѣрою Христовою. Какъ бы на стражѣ нашего Православія, сіи три гробницы предстоятъ у трехъ входовъ во внутреннюю Печерскую церковь. — При входѣ въ нее съ полуденной стороны, изъ придѣла Іоанна Богослова, на правой сторонѣ возлѣ стѣ-

ны находится среброкованный кипарисный кивотъ, въ которомъ хранится глава святаго Князя Владиміра, сего перваго Героя и Апостола Руской земли, принесшаго ей святое крещеніе отъ предѣловъ полуденныхъ.— Съ полуночной стороны, при входѣ во внутреннюю церковь изъ придѣла св. Стефана, открыто почиваютъ въ серебряной ракѣ нетлѣнныя мощи св. Митрополита Михаила, который былъ первымъ сподвижникомъ Равноапостольнаго Князя, и крестивъ 12 сыновей его, распространялъ святое крещеніе въ сѣверныхъ предѣлахъ Руской земли.—При входѣ въ Великую Печерскую церковь западными или передними дверьми, предстоитъ подъ золоченою сѣнью чудотворящій, древній гробъ Преподобнаго Ѳеодосія, который устрояя Печерскую обитель и ограждая ее древнимъ уставомъ Православной церкви, охранялъ великаго Князя Изяслава отъ прельщеній могущественнаго Владыки Запада, Григорія VII-го.[1]—А надъ Царскими вратами главнаго алтаря Великой церкви возвышается чудотворящій Образъ почившей во гробѣ Божіей Матери, первѣйшей *Покровительницы* святой Печерской обители и всей Православной Руси...

Совершивъ молитвенное поклоненіе сей святынѣ и земнымъ останкамъ трехъ святыхъ

мужей, ублажаемыхъ нашею Церковью, — вы обращаете любознательный взоръ на всѣ принадлежности величественнаго Печерскаго храма и предаетесь вновь воспоминаніямъ отечественнымъ.

У самыхъ Царскихъ вратъ главнаго алтаря вы опять вспомните о древнемъ знаменитомъ родѣ благороднаго и доблестнаго сподвижника Петра Великаго. Святыя врата сіи съ такимъ изяществомъ устроены изъ серебра въ 1749 году, иждивеніемъ Графа Сергія Борисовича Шереметева. Изъ надписи на нихъ вы увидите, что и въ прежнемъ зданіи Великой Печерской церкви находились таковыя же серебряныя Царскія врата, состроенныя въ 1713 году тщаніемъ и иждивеніемъ незабвеннаго перваго Рускаго Фельдмаршала Графа Бориса Петровича Шереметева.

Невдалекѣ отъ Царскихъ вратъ вы почтите благодарнымъ воспоминаніемъ другаго доблестнаго мужа, который въ продолженіе двухъ блистательныхъ царствованій, Елисаветы и Екатерины Великой, гремѣлъ побѣдоносною славою Рускаго воинства, и свой славный вѣкъ докончилъ мирно, въ тишинѣ сельскаго уединенія,

«Какъ вечеръ во зорѣ румяной.»

На лѣвомъ крылосѣ съ полуночной стороны, на мѣдной доскѣ, начертана слѣдующая надпись:

1797 года мѣсяца Генваря 8 дня, на семѣ мѣстѣ подъ спудомъ въ каменной палаткѣ для вѣчнаго покоя положено тѣло преставльшагося мудраго и славнаго Россійскихъ войскъ Полководца, Фельдмаршала *Графа Петра Александровича Румянцова-Задунайскаго,* родившагося 1725 года.

Кромѣ сего смиреннаго надгробія, есть еще въ большой Печерской церкви памятникъ Задунайскому Герою, состоящій изъ мраморнаго бюста его, поставленнаго на высокомъ мраморномъ же піедесталѣ [2]. Сей памятникъ, воздвигнутый старшимъ сыномъ Задунайскаго, Государственнымъ Канцлеромъ любознательнымъ Графомъ Николаемъ Петровичемъ, находится по лѣвую сторону отъ полуденныхъ дверей Великой церкви, въ придѣлѣ Іоанна Богослова.

На противоположной сторонѣ, въ придѣлѣ св. Стефана, читаете на золоченой доскѣ надгробную надпись еще одному Рускому Фельдмаршалу:

Подъ симъ мѣстомъ покоится тѣло Генералъ-Фельдмаршала войскъ Россійскихъ *Графа Іоанна Васильевича Гудовича,* родившагося 1732 Ноября 11 дня, а скончавшагося 1821 года Генваря 22 дня.

Но особенное вниманіе привлекаетъ къ себѣ княжеская гробница съ гипсовымъ изображеніемъ возлежащаго на ней героя Западной

Руси, знаменитаго потомка св. Владиміра. Гробница сія находится за досчатою загородкою внутри большой Печерской церкви, по лѣвую сторону отъ переднихъ или западныхъ дверей. На ней золотыми буквами начертана слѣдующая надпись:

Константинъ Іоановичъ Князь Острозскій, Гетманъ Великаго Княжства Литовскаго, защищеніемъ Восточнаго Благочестія и храбростію во браняхъ пресловутый: многіе церкви Божіе, ради отроковъ училища, страннопріемницы немощныхъ ради, въ Княженіи своемъ Острозскомъ и въ стольномъ градѣ Литовскомъ Вилнѣ создавши, вторую Гипсиманію, Пресвятые Богородицы Печерскіе домъ, ущедрилъ пребогатно, въ немъ же яко ктиторъ именитый, по преставленіи своемъ сподобися положенъ быти, 1533 году.

Глядя на сіе надгробіе, вы переноситесь мыслію въ другіе вѣка, когда Кіевъ и вся Западная Русь жили отдѣльно отъ Москвы и всей Восточной Руси; когда сіи двѣ половины Рускаго міра нерѣдко даже враждовали другъ съ другомъ, доканчивая древнюю удѣльную борьбу... Но и тогда онѣ заодно берегли свое древнее Православіе, насажденное въ нихъ св. Владиміромъ, и равно дорожили святынею роднаго Кіева, изъ котораго развилась ихъ единая Руская жизнь.

И въ тѣ времена святая Печерская Лавра принимала въ свои нѣдра земные останки многихъ благочестивыхъ и доблестныхъ сыновъ Руси, и ихъ надгробіями напоминала объ нихъ потомству. Но огневое разореніе возобновленной тогда Печерской церкви, произведенное сильнымъ пожаромъ въ 1718 году, истребило и надгробія, которыя въ ней находились. Изъ нихъ въ нынѣшней Великой Печерской церкви сохранились только—величавая гробница Князя Острожскаго да смиренное надгробіе незабвеннаго Иннокентія Гизеля, которому по смерть усвоено было титло *Благодѣтеля и Покровителя Кіевскихъ Школъ,* по завѣщанію безсмертнаго основателя оныхъ Петра Могилы.

Сіе надгробіе состоитъ изъ желѣзной доски, лежащей подъ тѣми вратами, въ которыя изъ алтаря въ Большую церковь совершается выходъ съ переносомъ; на ней вырѣзаны слова:

Здѣ опочиваетъ Яснепревелебный Господинъ Отецъ *Иннокентій Гизіель,* трудолюбной и благоразумной, правленіе свое чрезъ двадесятъ седмь лѣтъ и полчварта мѣсяца, въ сей обители святой Печерской имѣвшій Архимандритъ, къ вѣчнымъ же обителемъ преставльшійся року 1683 мѣсяца Ноемврія 18 дня.

Иннокентій Гизель погребенъ въ усыпальницѣ подъ лѣвымъ крылосомъ, гдѣ въ 1707 году по-

гребенъ и преемникъ его, потомъ Митрополитъ Кіевскій *Варлаамъ Ясинскій,* по своему завѣщанію.

2. *О надгробіяхъ, бывшихъ въ Печерскомъ монастырѣ въ половинѣ 17-го вѣка.*

Но хотя преждебывшіе надгробные памятники и погибли отъ разрушительнаго пламени; однако память объ нихъ не утратилась для потомства. Аѳанасій Кальнофойскій, монахъ Печерской Лавры, описывая чудеса святой обители сей, въ книгѣ своей *Тератургимѣ* [3], помѣстилъ въ ней (въ Польскомъ переводѣ) большую часть надгробныхъ надписей, которыя тогда находились въ Печерской церкви.

Эти надписи для насъ драгоцѣнны: онѣ даютъ намъ свѣдѣніе и внушаютъ собою благодарное воспоминаніе о тѣхъ сынахъ и цѣлыхъ родахъ Западной Руси, которые нѣкогда были ревнителями нашего древняго Православія. Потому читатели конечно съ любопытствомъ прочтутъ здѣсь рядъ надписей, извлеченный мною изъ Тератургимы [4], и дополненный изъ другихъ источниковъ краткими извѣстіями о лицахъ, которыя погребены были въ Печерскомъ монастырѣ въ прежнее время [5].—

Со времени перенесенія [6] мощей преподобнаго Ѳеодосія изъ пещеръ въ Великую церковь,

чудотворящій гробъ сего великаго *Начальника* Рускихъ иноковъ занималъ всегда первое мѣсто между гробницами, тамъ находившимися.

Возлѣ сего святаго гроба въ 12-мъ вѣкѣ погребены были Минскій Князь *Глѣбъ Всеславичь,* скончавшійся въ Кіевѣ 1119 г. Сентября 13; а чрезъ 40 лѣтъ послѣ него его супруга *Анастасія Ярополковна,* скончавшаяся на 84 году своей жизни [7]. Надгробіе сей Княгини оставалось еще въ 17-мъ вѣкѣ съ слѣдующею надписью:

Глѣба Всеславича Князя Кіевскаго супруга, дщерь Князя Ярополка Изяславича, послѣ супруга своего въ четыредесятъ лѣтъ скончася, и купно съ нимъ во главахъ Преподобнаго Ѳеодосія положенна, лѣта 6666 (*1158*) Іануар. д. 3. нощи часа 1.

Въ Печерской церкви оставалось еще одно княжеское надгробіе отъ 12-го вѣка:

Воззванная на судъ смертный *Евпраксія*, Инокиня, дщерь Князя Всеволода, идѣже душею ставися, тамо въ лѣто 6617 (*1109*) Іюля д. 9. тѣло сложи.

Евпраксія, по сказанію нашихъ Лѣтописей, положена была въ Печерской церкви у южныхъ дверей, и надъ нею сдѣлана была *божонка.* Въ монахини она постриглась 1106 года. Если сія Княжна, какъ полагалъ Карамзинъ, была супруга Нѣмецкаго Императора Генриха IV, из-

вѣстная у Западныхъ писателей подъ именемъ *Пракседы,* то она тѣмъ болѣе достойна памяти потомства [8].

Кромѣ сихъ гробницъ, не было уже другихъ, принадлежавшихъ къ древнему времени: онѣ ограблены и истреблены были злыми Татарами, во время разрушенія ими Печерской Лавры, когда и отъ древней Великой церкви остался только небольшой придѣлъ. Благочестіемъ иноковъ и мірянъ Рускихъ скоро возобновленъ былъ сей придѣлъ, и до исхода 15-го вѣка составлялъ бѣдную наружно, но великую внутренно Печерскую церковь.

Монастырь Печерскій и въ тѣ времена,— еще до возобновленія своего незабвеннымъ Кіевскимъ Княземъ Симеономъ Олельковичемъ,— не переставалъ быть главнымъ предметомъ набожнаго почитанія для цѣлой Руси [9]; ибо онъ былъ главнымъ мѣстомъ древней Руской святыни, которой несильны были сокрушить ни время, нисила человѣческая. Потому-то Кіевъ [10],— не только въ древнее время, когда онъ, бывъ первопрестольнымъ средоточіемъ цѣлой Руси, служилъ ей первымъ источникомъ Христіанства и главнымъ сѣятелемъ перерожденной имъ Руской жизни; но и въ среднее время, когда онъ сталъ уже удѣломъ Литовскаго Княжества,— и тогда онъ распространялъ свѣтъ своего древняго

Православія, свою Рускую жизнь и народность, на своихъ новыхъ властителей.

Такъ *Миндогъ, Князь Голшанскій,* содѣлался Православнымъ Христіаниномъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ въ 1321 году сталъ Кіевскимъ Намѣстникомъ своего дяди Гедимина.—Такъ Великій Литовскій Князь *Ольгердъ Гедиминовичь,* при концѣ жизни своей, принялъ Православіе съ именемъ *Александра,* постригся въ схиму съ именемъ *Василія,* и по кончинѣ погребенъ въ церкви св. Богородицы, созданной имъ въ Вильнѣ. Къ принятію Православія склонилъ его Печерскій Архимандритъ Давидъ, съ помощію Юліаніи Александровны, Княжны Тверской, бывшей за Ольгердомъ и послѣ него постригшейся въ монашество подъ именемъ *Мароы,* и скончавшейся въ Литвѣ (1392 г.). Тѣло ея перевезено было въ Кіевскія пещеры,—по всей вѣроятности, удѣльнымъ Кіевскимъ Княземъ *Владиміромъ Ольгердовичемъ,* который почилъ прахомъ своимъ также въ Печерскомъ монастырѣ [11]. Возлѣ гроба Ѳеодосіева погребенъ былъ въ 1394 году *Левъ - Скиргайло Ольгердовичь,* княжившій въ Кіевѣ послѣ своего брата Владиміра.

Отъ другихъ сыновей Ольгердовыхъ произошли многіе знаменитые роды Рускихъ Князей, какъ то: Князья Черторыйскіе, Вишневецкіе, Корецкіе, Сангушки, Полубенскіе. Сіи Князья

были тогда не только доблестными сынами Западной Руси, но и вѣрными чадами Православной Церкви, подобно Князьямъ Острожскимъ и Четвертенскимъ [12], отъ племени св. Владиміра происшедшимъ. Многіе члены сихъ Княжескихъ родовъ находили себѣ въ Печерскомъ монастырѣ вожделѣнный пріютъ успокоенія отъ бурь житейскихъ, которыми сильно волновалась тогда Западная Русь.

Такъ изъ владѣтельнаго, вѣчной памяти достойнаго дома Князей Острожскихъ въ Печерской обители погребенъ былъ знаменитый Гетманъ Константинъ, съ своею супругою и съ доблестными предками своими — Василіемъ и Θеодоромъ.

Мощи *благовѣрнаго Θеодора, Князя Острожскаго,* сего ревностнаго сына Православной Церкви, почиваютъ и нынѣ въ Дальнихъ или Θеодосіевыхъ пещерахъ.

О существующемъ нынѣ надгробіи Гетмана Константина сказано выше [13]. На прежнемъ надгробіи сего героя было написано:

Константинъ Іоанновичъ, Князь Острозскій, Воевода Троцкій, Гетманъ Великаго Княззтва Литовскаго, по многихъ побѣдахъ отъ смерти полягши, здѣ погребенъ, лѣта отъ Р. Х. 1533, имѣяй лѣтъ 70; одержа побѣдъ 63.

Надъ гробницею Княгини Острожской была слѣдующая надпись:

Татіана, Княгиня Острожская, Воеводина Троцкая, Гетманша Великаго Княства Литовскаго, Старостина Бряцлавская и Винницкая, лѣта по Р. Х. 1531 Индикта 11 Іюля 12, душу свою Творцу своему отдавъ, бренное тѣло здѣ сложила.

Изъ дома Князей Гольшанскихъ или Ольшанскихъ погребена была возлѣ Великой Печерской церкви Княжна *Юліанія Юрьевна,* скончавшаяся на 16-мъ году своей жизни и сподобившаяся святаго нетлѣнія. Честныя мощи *святой Юліаніи Княжны Ольшанской* обрѣтены [14] въ началѣ 17-го вѣка, въ правленіе Архимандрита Елисея Плетенецкаго, и тогда же положены были въ югозападномъ углѣ Печерской церкви. При Митрополитѣ Петрѣ Могилѣ онѣ переложены въ новую раку, въ которой и почивали открыто до 1718 года; а послѣ онаго поставлены во гробѣ въ Антоніевой пещерѣ. На мѣсто ихъ 1830 г., 1 Октября перенесены въ Великую Печерскую церковь мощи св. Митрополита Михаила, изъ Антоніевой пещеры, куда онѣ перенесены были изъ Десятинной церкви около 1103 года.

Потомки Кіевскаго Князя Владиміра Ольгердовича, извѣстные подъ именемъ *Олельковичей*,

ознаменовали себя благочестіемъ жизни и особеннымъ усердіемъ къ Печерской церкви, въ которой изъ сего рода погребены были четыре Князя. Надъ ихъ гробницами были слѣдующія надписи:

Александръ Владиміровичь, Князь и Дѣдичный Господинъ Земли Кіевскои, состоя предъ смертію инокомъ, здѣ погребенъ. Лѣта 6992 (*1484*).

Кончина сего разумнаго, дѣятельнаго и справедливаго Князя полагается обыкновенно 1455 г., съ котораго началъ княжить сынъ его; но изъ сей надписи, по видимому, слѣдуетъ, что онъ еще при жизни оставилъ княженіе и былъ инокомъ. Супругою сего Кіевскаго Князя была *Анастасія,* сестра Великаго Князя Московскаго Василія Темнаго, дочь Княгини Софіи.

Въ лѣто 6979 Христіански скончавшуся Князю *Симеону Александровичу Олельковичу*, Дѣдичному Господину Земли Кіевскои, Князю Слуцкому, возстановителю святои церкви Печерскои, юже обнови при Королѣ Казимірѣ и при В. О. Архимандритѣ Іоаннѣ, лѣта 6978 (*1470*), Грудня 3.

Сей благочестивый и храбрый Князь Кіевскій былъ особенно любимъ и чтимъ въ народѣ, и по словамъ Псковской лѣтописи—«превознесеся во всей Руси, якоже и Великихъ Кіевскихъ Князей древнихъ честно имя его.» Умирая,

сей Князь поручилъ юнаго сына и все семейство свое попеченію Короля Казиміра; но Казиміръ Кіевское Княжество обратилъ въ Воеводство, и, не смотря на сопротивленіе Кіевлянъ, поставилъ въ Кіевѣ Воеводою Мартына Гаштольда, Католика. Съ тѣхъ поръ Князья Олельковичи владѣли только Слуцкомъ, гдѣ жила еще въ 1508 году вдовствующая Симеонова супруга Анастасія. Изъ нихъ въ Печерской церкви погребены были два Князя, какъ видно изъ надписей:

Благочестиво отшедшему *Василію Симеоновичу Александровичу Олельковичу,* иже отыде свѣта сего 7003 (*1495*), Индикта 13, Іюня 4.

Георгій Юрьевичъ Олельковичъ, Князь Слуцкій, Дѣдичный Господинъ земли Кіевскои, умре лѣта 1579, Квѣтня 12, и здѣ положенъ.

Князья Корецкіе, потомки Дмитрія-Бутава Ольгердовича, питали особенное усердіе къ Печерскому монастырю. Ими къ Великой Успенской церкви пристроенъ былъ придѣлъ св. Архидіакона Стефана, подъ коимъ много тѣлъ погребено Княжескихъ, Гетманскихъ, Воеводскихъ и другихъ.—Въ Печерскій помянникъ внесены были, какъ попечители и фундаторы Печерской обители: Князь *Ѳеодоръ,* сынъ его Князь *Евфимій,* молодой Князь *Юрій,* Княжна *Анна,* въ монашествѣ Анастасія, и Княжна *Серафима,* игу-

менья монастыря Корецкаго. Изъ нихъ въ Печерской церкви погребены были Князь *Θеодоръ Ивановичь* и его сынъ *Евфимій*. Къ первому отношу я слѣдующую надпись:

Кн. Θеодоръ Іоанновичь Ярославичь, по трудѣхъ мірскихъ здѣ опочиваетъ.

Широкіи Панства Θеодоръ Ярославичь Ивановичь отдѣдичившій, многою сіялъ я знатностію, властію и доблестію: а кгды взятъ есмь съ позорища сея жизни, съ убогимъ Иромъ поравнялся; и за Панства седмь ступней земли получилъ. Той одмѣнѣ не дивуйся, Читачу: и тебѣ тожъ достанется! Досвѣдчишь самъ, же не равны рождаемся, равны умираемъ.

Надъ Княземъ Евфиміемъ-Богушемъ, также неустрашимымъ воиномъ и непреклоннымъ сыномъ Православной Руси, была слѣдующая надпись:

Лѣта отъ Р. Х. 1576, Августа д. 19, *Евфимій Богушъ Θеодоровичь Князь Корецкій*, Воевода Волынскій, Староста Луцкій, Бряцлавскій, Винницкій и Звѣнигородскій, изъ списка живыхъ изъятый, здѣ свои кости погребсти повелѣ.

Знаменитые потомки Дмитрія-Корибута Ольгердовича, *Князья Вишневецкіе*, подобно другимъ Рускимъ Князьямъ, были преданы Православію. Въ Печерской церкви погребены были *Михаилъ* и *Александръ* Вишневецкіе, родные братья того

Дмитрія Вишневецкаго, который былъ Гетманомъ Запорожскихъ козаковъ и прославился своимъ безстрашіемъ, непреклонною преданностію къ Православной вѣрѣ и геройскою за то смертію въ Царьгородѣ—на желѣзномъ крюку, надъ пучиною моря [15]. Вотъ ихъ надгробія:

Михаилъ Корибутовичь Князь Вишневецкій (Кастелянъ Кіевскій, Староста Каневскій, Черкаскій, Любецкій и проч.), смертныя сбросивъ одежды, лѣта отъ Р. Х. 1584, 16 Октября, 2 часа ночи, съ понедѣльника на вторникъ, до небесныхъ обителей отыде.

Александръ Александровичь Корибутовичь Князь Вишневецкій, по трудѣхъ міра сего, здѣ избра себѣ успокоеніе лѣта 1577, Апрѣля 3, въ 6 часъ ночи, со вторника на среду. Поживе лѣтъ 33 и 4 мѣсяца.

Въ Печерской церкви погребена была и теща сего Александра Вишневецкаго, супруга Бряцлавскаго Воеводы Князя Георгія Капусты, происходившаго отъ Князей Переяславльскихъ.

Анна Шимковна Кн. Андреева Капустина, Кастелянка Бряцлавская, Старостина Овруцкая, здѣ погребенная, року отъ Р. Х. 1577. Іюл. 19., почиваетъ. Поживе лѣтъ 54, мѣсяца четыри, дній 19.

Изъ сего же Княжескаго дома въ Печерскій помянникъ вписаны были, какъ благотворители

Печерскаго монастыря: Князья *Александръ, Бонифатій, Александръ, Михаилъ* и *Адамъ.*—

Изъ дома Князей *Сангушковъ-Ольгердовичей* многіе были фундаторами Печерскаго монастыря. Хотя и не всѣ изъ нихъ здѣсь погребены были; но въ помянникъ Печерскій внесены были имена: Кн. *Ѳеодора,* Кн. *Андрея,* Княжны *Авксентіи,* Кн. *Александра.*

Изъ дома *Князей Полубенскихъ* въ Печерскомъ монастырѣ погребены были многіе, и во-первыхъ Князь *Андрей Ѳеодоровичь,* правнукъ Андрея-Вигунта Ольгердовича, погребенный возлѣ Кіевскаго Князя Владиміра Ольгердовича. Надъ его сыномъ Кн. *Василіемъ Андреевичемъ,* умершимъ въ первой половинѣ 16-го вѣка, была слѣдующая надгробная надпись:

Староста Мстиславскій, Маршалокъ Гроденскій *Василій Андреевичь Полубенскій,* христіански умерши, въ церкви Пресвятои Богородицы Печерскои обрѣте, себѣ погребеніе. О немъ, Читачу, мимо грядый благое слово молви: Боже, милостивъ буди къ душѣ раба Твоего милосердаго и справедливаго Василія Полубенскаго.

Надъ славнымъ воиномъ *Львомъ Полубенскимъ* (вѣроятно сыномъ, а по Нѣсецкому— братомъ Василія) было такое надгробіе:

Князь *Левъ Васильевичъ Полубенскій*, отдавши долгъ свѣту, въ сей церкви Пресвятои Богородицы Печерскои возлѣ своихъ положенъ.

Leo Polubinscius hic cum suis quiescit,
Si eundo ad umbram vestrum quis insolescit,
Sile, expergefactus leo obvium laedit,
Nec cui cedit.

Сіе Латинское четверостишіе [16] заимствовалъ я изъ книги Симона Старовольскаго, Monumenta Sarmatarum (Crac. 1655. fol.), въ которой, помѣщены (на стр. 532) надгробія еще двумъ Князьямъ Полубенскимъ:

Ивану Полубенскому, убитому въ Литвѣ на сраженіи за отчизну.

Михаилу Полубенскому, убитому въ Московіи подъ Бѣлою, при изгнаніи Владислава.

Въ той же книгѣ Старовольскаго приведено еще одно надгробіе изъ Печерскаго монастыря:

Александру Иловскому, Воеводѣ Плоцкому (съ 1555 г.), славному воину временъ Жигимонта I.

Всѣ прочія надгробія, бывшія въ Печерскомъ монастырѣ, пропущены Езуитомъ Старовольскимъ, ибо они принадлежали не Полякамъ и не Католикамъ, а Православнымъ Рускимъ; но любопытно, почему въ Monumenta Sarmatarum приняты и эти четыре надгробія, также относившіяся къ Православнымъ Рускимъ?....

Издавна именитый Рускій родъ *Тишкевичей* отличался доблестями гражданскими и преданностію Православной Церкви. По свидѣтельству Нѣсецкаго, *Иванъ Тишкевичъ,* сынъ Тишка, по смерти супруги своей постригся въ Печерскомъ монастырѣ и былъ въ немъ Архимандритомъ; а внукъ роднаго брата его Михаила (женатаго на вдовѣ Князя Глинскаго), по имени *Германъ,* былъ Архимандритомъ монастыря Кіево-Михайловскаго. Первый изъ нихъ жилъ въ концѣ 15-го вѣка, а Германъ былъ Архимандритомъ или Игуменомъ въ концѣ 16-го вѣка; его отецъ Юрій упоминается въ званіи Гроденскаго Маршалка подъ 1568-мъ годомъ; а двоюродный братъ Юрія, Чернобыльскій Староста *Янгуринъ Тишкевичъ,* былъ отличнымъ воиномъ своего времени. На его надгробіи въ Печерскомъ монастырѣ была слѣдующая надпись:

Янгуринъ Скуминовичъ Львовичъ Тишкевичъ, Маршалокъ Короля Его Милости, Староста Чорнобыльскій, 7071 *(1563)* року, Окт. 10, здѣ сложивъ бренное тѣло, къ вѣчнымъ отыде радостямъ.

Въ похвальныхъ стихахъ, принадлежавшихъ къ сему надгробію, Янгуринъ Тишкевичъименованъ *Рускимъ Пирромъ, Сарматскимъ Гекторомъ.*—

Ельцы, составлявшіе также одинъ изъ значительныхъ родовъ Западной Руси, питали осо-

бенное усердіе къ Печерскому монастырю. Ими къ Великой Успенской церкви пристроена была съ сѣверозападной стороны особая церковь, гдѣ и погребаемы были члены сей фамиліи. Тамъ, возлѣ своихъ предковъ, погребенъ былъ въ исходѣ 16-го вѣка *Дмитрій Елецъ,* Кіевскій Писарь, сынъ Овруцкаго Старосты Ѳеодора Ельца,—и его супруга *Марья,* урожденная Олизарова. Дѣдъ его былъ извѣстный Староста или Державца Чернобыльскій Яковъ Елецъ, женатый на Княжнѣ Маринѣ Юрьевнѣ Глинской. Возлѣ Дмитрія Ельца погребены были его сыновья: *Филипъ,* Подстолій Кіевскій, и *Иванъ,* женатый на Христинѣ Тишкевичевой, сестрѣ того Януша Тишкевича, который, будучи Воеводою Кіевскимъ (по 1648 г.), сильно содѣйствовалъ уже къ утѣсненію своей предковской Вѣры. Надъ Иваномъ Ельцомъ была слѣдующая надпись:

Вырокомъ смертельныхъ враговъ, отыде свѣта сего *Иванъ Елецъ*, року отъ Р. Х 1603, Ноября 11, часа 13. Поживе лѣтъ 24.

Изъ давняго и знатнаго Рускаго рода *Копцовъ,* въ Печерской церкви погребенъ былъ *Исидоръ.*

Исидоръ Копецъ, Маршалокъ и Писарь Короля Его милости, по кончинѣ въ церкви Пресвятой Богородицы Печерской погребенъ.

Вотъ еще четыре надгробныя надписи, находившіяся въ Печерской церкви:

До вѣчнои отчизны отыде свѣта сего Гаврило Меновичъ *Богданъ Госцкій,* року 7035 (*1527*). Индикта 14. Марта 20.

Бурмистръ великаго града Могилева *Василій Якимовичъ,* тѣломъ отдавъ долгъ природѣ, року 1620, здѣ опочиваетъ.

1621 року, *Симеонъ Лыко,* мужъ твердый въ Вѣрѣ, испытанный въ храбрости, по многихъ справахъ достойныхъ героя, въ Бозѣ почи и здѣ возлежитъ.

Истинный Христіанинъ *Николай Шашкевичъ,* Хорунжій Бряцлавскій, року 1624, Ноября 3, предавъ душу свою Господу Богу, здѣ положенъ.

Изъ Печерскаго помянника видно, что въ преддверіи церковномъ погребены были въ половинѣ 16-го вѣка:

Лонгинъ Суринъ, умершій 1552 г. Дек. 6.
Андрей Суринъ, умершій 1557 г. Іюля 14.—

Здѣсь кончается рядъ тѣхъ Православно-Рускихъ мірянъ, о погребеніи коихъ въ Печерскомъ монастырѣ сохранилась память для потомства. Съ благодарностію воспоминаемъ ихъ имена... Но съ этимъ воспоминаніемъ сопрягается печальная дума о той тяжкой годинѣ для Западной Руси, когда надъ нею возшумѣла

наконецъ Западная буря вѣрогоненія,—когда Польша такъ насильственно и безжалостно отрывала отъ Православной Церкви вѣрныхъ дотолѣ чадъ ея, и такъ неразумно и недостойно завлекала Западную Русь въ ту сѣть, которою сама она уловлена была отъ Езуитовъ. Еще при началѣ сихъ бѣдствій, въ послѣднемъ году 16-го вѣка, Рускіе Князья *Острожскіе, Сангушки, Вишневецкіе, Корецкіе, Рожинскіе, Горскіе, Солмирецкіе* и многіе другіе вельможи и рыцари Западнорускіе, являются какъ избранные *Попечители* Церкви и Христіанскихъ Соборовъ [17]. Еще во второй половинѣ 17-го вѣка *Гедеонъ-Святополкъ Князь Четвертенскій* служилъ Православной Церкви въ санѣ Епископа Луцкаго и Острожскаго, а потомъ Митрополита Кіевскаго, и съ помощію Гетмана Самойловича возсоединилъ Іерархію Кіевскую съ Московскою (1685 г.); а *Сильвестръ Князь Четвертенскій*, еще въ первой половинѣ 18-го вѣка былъ Епископомъ Могилевскимъ и усердно ходатайствовалъ у Петра Великаго за тѣснимое отъ Польши Православіе [18]. Но въ продолженіе 17-го и 18-го вѣка, потомки помянутыхъ Князей и многихъ другихъ знатныхъ фамилій Православно-Рускихъ поотпадали отъ своего кореннаго Рускаго рода и отъ древней Вѣры своихъ доблестныхъ предковъ.....

Великія оскорбленія потерпѣли Православные через сіе отступничество [19]. Великій уронъ отъ того произошелъ и для самой Польши... Но въ сію печальную годину, на защиту Вѣры, воздвиглось Козачество Украинское, и обезсмертило себя своими крестовыми походами. Вмѣстѣ съ тѣмъ воздвиглось и Духовенство пробудившагося Кіева; и Печерская Лавра, просіявшая новыми чудесами свыше, была опять, какъ въ древнее время, средоточіемъ умственной дѣятельности и духовной жизни; и Печерскіе иноки ознаменовали себя немерцающею славою своихъ подвиговъ и стяжали вѣчную благодарность потомства.

Ихъ надгробными надписями [20] заключимъ наши воспоминанія о мужахъ, погребенныхъ въ Печерскомъ монастырѣ.—Первая изъ нихъ относится къ досточтимому обновителю Печерской церкви и устроителю святой Лавры—Архимандриту *Плетенецкому,* коего попеченіемъ учреждена въ 1616 году и Типографія Печерская.

Святой души благочестиваго старца *Елисея Плетенецкаго,* Архимандрита Печерскаго память: по кончинѣ своей опочи внутрь церкви въ приделѣ, егоже при жизни своей для гроба себѣ устрои. Року 1624, Окт. 29 д., часа 19.

Вторая надпись относится къ преемнику сего Архимандрита, благочестивому, попечительному и многоученому сочинителю *Палинодіи:*

Ко блаженству вѣчнои жизни воззванный *Захарія Копыстенскій,* Архимандритъ Печерскій, року 1626, Свѣтлои седмицы въ Великую Среду, въ сей церкви Князей Корецкихъ тѣломъ опочи.

Вотъ еще двѣ надписи ученымъ Лаврскимъ инокамъ:

Памва Берында, Справщикъ книгъ и Типографіи Печерскои Директоръ, Протосинкелъ св. Отца Патріарха Ерусалимскаго, мужъ ученый, оставилъ Лексиконъ Словенороссійскій; по трудѣхъ иноческихъ, исповѣдницкихъ и типографскихъ, здѣ опочи. Року 1632, Іюля д. 13.

Справщикъ книгъ и Типографіи распорядитель, Проповѣдникъ Печерскій, *Тарасій Земка,* мужъ ученый, въ языкахъ Грецкомъ, Латинскомъ, Словенскомъ и Рускомъ, по кончинѣ своей здѣ положенъ. Року 1632, Сент. 13. д.

Наконецъ воспомянемъ о главномъ духовномъ дѣятелѣ тѣхъ временъ, о Митрополитѣ Кіевскомъ и Архимандритѣ Печерскомъ *Петрѣ Могилѣ.* Послѣ великихъ подвиговъ своихъ на пользу Православія и просвѣщенія Рускаго, онъ скончался 50-ти лѣтъ отъ рожденія, въ ночь подъ новый 1647 годъ, и погребенъ 19 Мар-

та, на завѣщанномъ имъ мѣстѣ—въ Великой Печерской церкви при лѣвомъ крылосѣ между двумя столпами. Намъ неизвѣстно, какое было надгробіе сему незабвенному Архипастырю. Но великая соборная панихида, которую цѣлая Академія ежегодно въ день его кончины совершала надъ его гробомъ въ Печерскомъ храмѣ, была самымъ краснорѣчивымъ ему словословіемъ![21] А его *Коллегія* или *Духовная Академія Кіевская*, которую въ своемъ завѣщаніи назвалъ онъ *единственнымъ залогомъ своимъ*, и которая долго называла себя его именемъ, составляетъ и донынѣ несравненный, живой памятникъ великому Іерарху...

1839 г.

М. МАКСИМОВИЧЪ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1.— Извѣстно Посланіе преподобнаго Θеодосія къ Изяславу *о Латинской или Варяжской вѣрѣ*, писанное вѣроятно около 1073 года, и письмо Папы Григорія VII-го къ сему же Князю, писанное 1075 г., уже по смерти Θеодосія.

2. — Кромѣ сего памятника, на хорахъ въ верхнемъ этажѣ церкви въ придѣлѣ Преображенія Господня, на стѣнѣ около портрета Графа Румянцова, находятся въ кругахъ 29 надписей: «1 Портретъ его Румянцова; 2 Покоритель Колберха; 3 Главнокомандующій арміею въ Пруссіи; 4 Главнокомандующій Малороссіи; 5 Главнокомандующій второю арміею противъ Порты Оттоманскои; 6 Главнокомандующій первою арміею и завоеватель Молдавіи, Валахіи и Бессарабіи, 7 Побѣдитель при Фокшанахъ; 8 Побѣдитель Визиря съ 160 тысячами ратниковъ при Кагулѣ, имѣвъ самъ оныхъ до 17,000; 9 Покоритель Акермана; 10 Покоритель Киліи; 11 Покоритель Измаила; 12 Покоритель Исакчи; 13 Покоритель Тульчи; 14 Покоритель Браилова; 15 Покоритель Галаца; 16 Покоритель Журжи; 17 Поразитель враговъ на водахъ Дуная и за онымъ; 18 Всегдашній усмиритель Польскихъ волненій; 19 Покоритель Турны; 20 Покоритель Туртукая; 21 Побѣдитель въ горахъ Балканскихъ; 22 Стѣснитель верховнаго Визиря при Шумлѣ; 23 Славный миротворитель при Кучукъ-Кайнарджи; 24 Главнокомандующій Украинскою арміею; 25 Занявшій Молдавію безъ кровопролитія; 26 Строгій наблюдатель Воинской чинности, законовъ и правосудія; 27 Примѣръ милосердія и равнодушія; 28 Ревностный воспріятель паки побѣдоноснаго оружія; 29 Главный распорядитель къ утушенію Польскаго мятежа.»

3. — Книга сія написана на Польскомъ языкѣ и напечатана въ Печерской Типографіи готическими буквами, 1638 г. въ 4 д. — Аѳанасій Кальнофойскій посвятилъ сіе сочиненіе *Князю Иліи Четвертенскому*.

4. — Переводя буквально сіи надписи, я опустилъ похвальныя *вѣрши* (стихи), при многихъ изъ нихъ находящіяся, большею частію переведенныя Кальнофойскимъ на языкѣ Польскомъ. Сіи похвалы для насъ любопытны, но болѣе, какъ памятники вкуса того времени, когда и въ Кіевѣ, какъ на всемъ Европейскомъ Западѣ, Миѳологія и Исторія древняго Классическаго міра составляли не только необходимую стихію красоты стихотворной, но даже и непремѣнное условіе сочиненій ученыхъ, такъ, что самые проповѣдники и богословы облекали Христіанскіе предметы въ одежду языческую. До какой степени простира

лась тогда эта Западная манера, можно видѣть даже у нашего Епископа, а потомъ Митрополита *Сильвестра Коссова* (который, вмѣстѣ съ Кальнофойскимъ и Гизелемъ, принадлежитъ къ числу воспитанниковъ, посыланныхъ Петромъ Могилою для образованія во Львовскую Академію и разныя иностранныя Училища); на 10 страницѣ своего *Патерика* (1635 г.) онъ говоритъ: «mow Stentorea voce: *Kiouia nostra coelum est*» (нашъ Кіевъ есть небо),—и потомъ изъясняетъ сіе изрѣченіе сравненіемъ Печерскихъ Угодниковъ съ Сатурномъ, Юпитеромъ, Марсомъ...

5.— Возлѣ Рождественской Церкви, при дальней или Ѳеодосіевской пещерѣ, обновленной 1635 г.,—находилось много гробовъ разныхъ благочестивыхъ, усопшихъ людей.

6.— Мощи преп. Ѳеодосія перенесены 14 Августа 1090 г. и положены были въ притворѣ на правой сторонѣ,—въ ракѣ или гробѣ, богато украшенномъ 1130 г., иждивеніемъ Суздальскаго Тысяцкаго Князя Георгія Симоновича. Ограбленный Татарами сей гробъ стоялъ безъ украшенія до 1764 года. Первоначальный гробъ Ѳеодосіевъ сохраняется до нынѣ въ Дальней пещерѣ, подобно гробу преподобнаго Антонія, хранящемуся въ пещерѣ Ближней.

7.— О сей Княгинѣ въ Воскрес. Лѣт. сказано· «Положена бысть въ Печерскомъ монастырѣ у св. Ѳеодосія въ головахъ; имѣяшеть бо великую любовь къ св. Богородици и къ отцю Ѳеодосью, и со Княземъ своимъ ревнующе отцю своему Ярополку: Ярополкъ бо всю жизнь дая (*Богородицѣ*) Небольскую волость и Деревскую и Лучьскую и около Кіева; а Глѣбъ вда въ животѣ своемъ съ Княгинею 600 гривенъ сребра; а по животѣ его Княгиня дась 100 гривенъ сребра а 50 золота, а по животѣ своемъ села и съ челядью и со всѣмъ.»

8.— См. И. Г. Р. Т. II, прим. 157. Т. IX прибавл. стр. 291.

9.— Для показанія какіе набожные помыслы внушалъ Печерскій монастырь своимъ поклонникамъ, приведемъ отрывокъ изъ *Книги, глаголемой Ксеносъ сирѣчь Странникъ Зосимы, Діакона* Сергіева монастыря, ходившаго во Святыя Мѣста въ 1420 году.

«Отъ Рускія страны и стольна града Москвы, изъ Великія Лавры преподобнаго Игумена Сергія, потщахся постигнути славный градъ Кіевъ, иже бѣ мати всѣмъ градомъ Рускимъ. И достигнувъ благодатію Божіею града Кіева, пребыхомъ въ Лаврѣ, еже зовется Кіевская Печера, у гроба преподобнаго Антонія и Игумена Ѳеодосія, полъ лѣта; и тамъ бо возмыслихомъ и восхотѣхомъ видѣти святыя мѣста, идѣже Христосъ своими стопами походи, и святіи Апостоли послѣдоваху ему, и святіи Отцы паки идѣже спасахуся.» —

10. — Мысли мои относительно Кіева подробнѣе изложилъ я въ *Рѣчи Объ участіи и значеніи Кіева въ общей жизни Россіи*, напечатанной 1837 г. въ Кіевѣ въ 4 д., и въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1837 г. № 10.

11. — Что Владиміръ Ольгердовичъ и еще нѣсколько братьевъ его погребены были въ Печерскомъ монастырѣ, видно изъ духовнаго завѣщанія въ немъ-же написаннаго 1446 г. Іюня 16, Княземъ Андреемъ Владиміровичемъ. Вотъ начало сего завѣщанія, писаннаго на пергаменѣ (старцемъ Паѳнотіемъ Лихачевымъ): «Се язъ рабъ Божій, Князь Андрей Владимировичь, пріѣздилъ есмь въ Кіевъ съ своею женою и съ своими дѣтками, и были есмо въ дому Пречистыя, и поклонилися есми пречистому Образу ея, и преподобнымъ Отцемъ Антонію и Ѳеодосію, и прочимъ преподобнымъ и Богоноснымъ Отцемъ Печерскимъ, и благословилися есьми отъ отца нашего Архимандрита Николы и у всѣхъ святыхъ старцевъ, и поклонихомся отца своего гробу Князя Владимира Ольгердовича и дядь своихъ гробамъ, и всѣхъ святыхъ старцовъ гробамъ въ Печерѣ, и размыслихъ на своемъ сердци: колико то гробовъ, а вси тіи жили на семъ свѣтѣ, а пошли вси къ Богу, и помыслилъ есмь помалѣ и намъ тамо поити, гдѣ отцы и братія наша, и подумалъ есмь съ своею Княгинею, и съ отцемъ своимъ съ Николою Архимандритомъ Печерскимъ и съ святыми старцы, и съ своими бояры, и отписалъ есмь своей женѣ Княгини Маріи и своимъ дѣтемъ и ее дѣтемъ свою отчину и свою выслугу....» и т. д. (Къ имѣніямъ сего Князя принадлежали *Условснескъ*, *Моческановъ*, *Каменецъ*, *Логожажъ*, *Лемницы*, *Полонное*.)

12. — Князья *Четвертинскіе*, *Полубинскіе*, *Чарторыскіе*, именовались такъ уже по произношенію Польскому; но первоначальныя, Рускія имена ихъ были: *Четвертенскіе*, *Полубенскіе*, *Черторыйскіе* или *Чорторыйскіе* (отъ древняго Волынскаго города *Черторыеска*).

13. — Рисунокъ нынѣшняго надгробія Князя Острожскаго приложенъ къ I части *Исторіи Малой Россіи* Бантыша-Каменскаго. М. 1830. въ 8.

14. — О обрѣтеніи и пренесеніи мощей святой Юліаніи, см. въ *Четь-Минеяхъ* подъ 6 числомъ Іюля. Тамъ сказано, что на первоначальномъ гробѣ Юліаніи была серебряная вызолоченная доска, съ изображеніемъ герба Князей Ольшанскихъ и съ надписью: *Іуліанія Княжна Олшанская*, дщерь Князя Георгія Олшанскаго, преставльшаяся дѣвицею, въ лѣто отъ рожденія своего шестоенадесять.» — Ни въ Четь-Минеяхъ, ни въ Тератургимѣ не говорится ничего о времени ея жизни; но мы имѣемъ нѣкоторыя основанія думать, что сія святая Княжна жила въ первой половинѣ 16-го столѣтія. Объ этомъ скажемъ подробнѣе въ статьѣ *о Пересопницѣ и Дубровицахъ*.

15. — Украинская народная пѣсня о *Казакѣ Байдѣ*, вѣроятно сложена была сему Гетману Вишневецкому, по замѣчанію издателя *Украинскихъ и Червонорускихъ пѣсенъ*, Спб. 1836 (Г. Лукашевича); а не ко временамъ Дорошенка относится, какъ предполагалъ я, въ моемъ изданіи *Украинскихъ народныхъ пѣсенъ*, М. 1834. Ч. I. стр. 106. — Такимъ-же образомъ и пѣсня (тамъ же на стр. 149 помѣщенная):

«Вôдкôль ѣдешь? Одъ Дунаю.
А счо чувавъ про Михайлу?...»

по всей вѣроятности сложена на смерть Чигиринскаго Сотника Михайла Хмельницкаго (Богданова отца), — по замѣчанію Г. Маркевича.

16. — У Кальнофойскаго сіе четверостишіе — не Василію, а Льву Полубенскому — переведено по-Польски такимъ образомъ:

«Lew Polubenski tu przy swoich leży,
W droge gdźie mimo kto te vrne bieży.
Milcz byś nie zbudźił, Lew komu zast. pi,
Nie rad vstąpi »

17. — Въ Генеральные Провизоры или Попечители Церкви они были избраны въ Вильнѣ 1599 г. Конфедераціею, образовавшеюся незадолго передъ тѣмъ въ Литовскомъ Княжествѣ и Польшѣ на защиту Православнаго и Евангелическаго исповѣданій, отъ притѣсненій, производимыхъ Католическимъ Духовенствомъ. Актъ сей Конфедераціи весьма любопытенъ; въ Рускомъ переводѣ съ Польскаго языка онъ помѣщенъ въ *Приложеніяхъ* къ *Описанію Кіево-Софійскаго Собора* подъ № 15.

18. — Въ окружной грамотѣ Митрополита Іова Борецкаго, 1629 г., 12 Апрѣля, коею онъ сзываетъ всѣхъ Православнорускихъ духовнаго и свѣтскаго стану людей на помѣстный Кіевскій Соборъ, — сказано именно, что сей Соборъ для того: «яко бысмы конечне мѣли и могли успокоены быти въ нашихъ *великихъ доткливостяхъ, которые терпимо презъ отступство нѣкоторыхъ щекгулныхъ особъ отъ Благочестія нашего.*»

19. — Представленіе Сильвестра Князя Четвертенскаго къ Петру Великому, писанное 1720 г., напечатано въ *Историческомъ извѣстіи объ Уніи*. М. 1805. стр. 173.

20. — Сіи надписи и находившіяся при нихъ похвалы сочинены Кальнофойскимъ, который въ число ихъ включилъ и надпись съ похвалою, имъ же сочиненную въ надгробіе досточтимому Митрополиту Кіевскому Іову Борецкому.

«Въ церкви св. Архистратига Михаила Золотоверхого (которую возстановилъ) Русины Митрополита своего, сынове Отца, братія Игумена, студенты Мецената, убогіе милостынника, всѣ купно съ плачемъ взаемнымъ погребли, положили и написали. Року 1631, мѣс. Мар. 2 д. въ среду второи недѣли поста, 16 часа, отдалъ душу свою Господу Богу.» —

21. — Сіе торжественное поминовеніе Петра Могилы подъ Новый годъ возобновлено въ Братскомъ монастырѣ Преосвященнымъ Викаріемъ Кіевскимъ и Епископомъ Чигиринскимъ *Иннокентіемъ*, въ бытность его Ректоромъ Академіи. —

РЫЦАРИ СВ. ІОАННА.

(Изъ Шиллера.)

Славны вы были въ своихъ грозныхъ крестовыхъ доспѣхахъ.
Акру спасая, Родосъ, въ битвахъ дрались вы какъ львы,
Въ знойныхъ Сирійскихъ степяхъ странниковъ робкихъ водили,
И съ херувимскимъ мечемъ гробъ сторожили святой.
Но сердобольный хитонъ васъ изукрасилъ пышнѣе:
Родъ знаменитый забывъ, львиную храбрость въ бояхъ,
Рабски служили больнымъ, сосудъ подавали цѣлебный;
Ради Христовой любви, славенъ и низкій былъ долгъ.
Вѣра Христа! Ты одна духомъ своимъ съединяешь
Силу съ смиреньемъ души въ пальмѣ священной одной!

АВДОТЬЯ ГЛИНКА.

ЖЕЛАНІЕ ЛУЧШАГО.

Восточное иносказаніе.

Ты долго жилъ и много видѣлъ на свѣтѣ; скажи мнѣ, мудрый Абдолонимъ, что ты видѣлъ на свѣтѣ? спросилъ юный Доикъ у престарѣлаго пустынника.

Что видѣлъ, я скажу,—отвѣчалъ пустынникъ; слушай и внимай, юный Доикъ, ветхому Абдолониму.

Въ одно утро я всталъ рано-рано, и увидѣлъ первые лучи восходящаго солнца, а первые лучи увидѣли меня. Я сказалъ: пойду туда, гдѣ восходитъ солнце. И пошелъ. Въ той странѣ, гдѣ восходитъ солнце, я увидѣлъ садъ—такой веселый, цвѣтущій и благовонный, что я сказалъ: это садъ Божій. Люди, обитавшіе въ немъ, были такъ прекрасны и блаженны, что ни прежде ни послѣ я уже не видалъ имъ подобныхъ. Довольство и счастіе свѣтилось въ ихъ взорахъ, говорило въ ихъ словахъ, дышало въ ихъ груди; однако я увидѣлъ, что и эти блаженные люди—желали лучшаго. Я сказалъ: возвращусь въ мою пустыню. И возвратился.

Еще въ одно утро я всталъ рано-рано, и увидѣлъ первые лучи восходящаго солнца, а первые лучи увидѣли меня. Я сказалъ: пойду туда, гдѣ восходитъ солнце. И пошелъ. Въ той странѣ, гдѣ восходитъ солнце, я увидѣлъ городъ—такой обширный и великолѣпный, какого ни прежде ни послѣ я не видѣлъ. Зданія возвышались какъ горы; народъ волновался на площадяхъ какъ море; богатства было—тьма; у всякаго было всего такъ много, какъ воды весною; и всѣ—желали лучшаго. Я спросилъ: гдѣ же садъ? И мнѣ сказали: здѣсь живемъ мы, жили наши отцы, жили отцы отцевъ нашихъ; но никто не помнитъ, чтобы здѣсь былъ когда нибудь садъ. Я возвратился въ мою пустыню.

Еще въ одно утро я всталъ рано-рано, и сказалъ: пойду туда гдѣ восходитъ солнце. И пошелъ. Въ той странѣ, гдѣ восходитъ солнце, я увидѣлъ грозное море, покрытое огромными кораблями. Корабли были наполнены сокровищами; весь корабельный народъ суетился, шумѣлъ, плылъ въ разныя стороны, перебивая путь другъ другу. Я спросилъ: куда? И мнѣ сказали: туда, гдѣ лучше. Я спросилъ еще: гдѣ лучше? Мнѣ говорили—одинъ тамъ, другой тамъ, третій тамъ; и я уразумѣлъ, что всѣ они—только желали лучшаго. Я спросилъ: гдѣ же городъ? И мнѣ сказали: здѣсь плаваемъ мы, плавали

наши отцы, плавали отцы отцевъ нашихъ; но никто не помнитъ, чтобы здѣсь былъ когда-либо городъ. Я возвратился въ мою пустыню.

Еще въ одно утро я всталъ рано-рано, и сказалъ: пойду туда, гдѣ восходитъ солнце. И пошелъ. Въ той странѣ, гдѣ восходитъ солнце, я увидѣлъ поле—широкое какъ море, глухое какъ могила, изъ края въ край засѣянное курганами и надгробными памятниками. Все было такъ ветхо и дико, что казалось, вѣки и вѣки промчались съ тѣхъ поръ, какъ водворилась смерть на томъ широкомъ полѣ. Я подошелъ къ одному изъ памятниковъ, и читалъ; на немъ было написано: «*киврот-гатаава*» т. е. гробы желанія. Я погрузился въ грустныя размышленія, и спросилъ: гдѣ же море, гдѣ корабли и народъ корабельный? Никто ничего не сказалъ мнѣ; потому, что никто уже не желалъ ничего лучшаго. Я возвратился въ мою пустыню, и съ тѣхъ поръ чаще смотрю на западъ, чѣмъ на востокъ моей жизни.

Вотъ что я видѣлъ; и что видѣлъ, тебѣ сказалъ. Слушай и внимай, юный Доикъ, ветхому Абдолониму, и научись разумѣть тайну жизни человѣческой!—

ЦВѢТЪ ЗАВѢТА.

Мой милый цвѣтъ, былинка полевая,
Скорѣй покинь пріютъ твой луговой;
Теперь тебя рука нашла родная;
Доселѣ ты съ непышной красотой,
Цвѣла въ тиши, очей не привлекая,
И путника не радуя собой;
Ты здѣсь была желанью непримѣтна,
Чужда любви и сердцу безотвѣтна.

Но для меня твой видъ очарованье;
Въ твоихъ листахъ вся жизнь минувшихъ лѣтъ;
Въ нихъ милое цвѣтетъ воспоминанье;
Съ нихъ вѣетъ мнѣ давнишняго привѣтъ;
Смотрю.... и все, что мило, на свиданье
Съ моей душей, къ тебѣ, родимый цвѣтъ,
Воздушною слетѣлося толпою,
И прошлое воскресло предо мною.

И всѣхъ друзей душа моя узнала....
Но гдѣ-жь они? На мигъ съ путей земныхъ
На сѣверъ мой мечта васъ прикликала,
Сопутниковъ младенчества родныхъ....

Васъ жадная рука не удержала,
И голосъ вашъ, плѣнивъ меня, затихъ.
О, будь же вамъ замѣною свиданья
Мой сѣверный цвѣтокъ воспоминанья.

Онъ вспомнитъ вамъ союза часъ священный,
Онъ возвратитъ вамъ прошлы времена...
О сладкій часъ! о вечеръ незабвенный!
Какъ Божій рай, цвѣла тамъ сторона;
Безоблаченъ былъ западъ озаренный,
И свѣжая на землю тишина,
Какъ ясное предчувствіе, сходила;
Природа вся съ душею говорила.

И къ намъ тогда, какъ Геній, прилетало
За пѣснію веселой старины,
Прекрасное, что нѣкогда бывало
Товарищемъ младенческой весны;
Отжившее намъ снова оживало;
Минувшихъ лѣтъ семьей окружены,
Все лучшее мы зрѣли настоящимъ;
И время намъ казалось нелетящимъ.

И *Вѣрная* была незримо съ нами ....
Сіи окрестъ волшебныя мѣста,

Сей тихій блескъ заката за горами,
Сія небесъ вечернихъ чистота,
Сей миръ души, согласной съ небесами,
Со всѣмъ была, какъ таинство, слита
Ея душа, присутствіемъ священнымъ,
Невидимымъ, но сердцу откровеннымъ.

И насъ *Ея* любовь благословляла;
И ободрялъ на благо тихій гласъ.....
Друзья, тогда судьба еще молчала
О жребіяхъ, назначенныхъ для насъ;
Неизбранны, на днѣ ея фіяла
Они еще таились въ оный часъ;
Играли мы на тайномъ прагѣ свѣта.....
Тогда былъ данъ вамъ мною *цвѣтъ завѣта.*

И гдѣ же вы?... Разрозненъ кругъ нашъ тѣсный;
Разлучена веселая семья;
Изъ области младенчества прелестной
Разведены мы въ розные края.....
Но розноль мы? Повсюду въ поднебесной
О Вѣрные, далекіе друзья,
Прекрасная всѣхъ благъ земныхъ примѣта,
Для насъ цвѣтетъ нашъ милый цвѣтъ завѣта.

Изъ сѣверной, любовію избранной,
И Промысломъ указанной страны,
Къ вамъ нынѣ шлю мой даръ обѣтованной;
Да скажетъ онъ друзьямъ моей весны,
Что выпалъ мнѣ на часть удѣлъ желанной;
Что младости мечты совершены;
Что невотще довѣренность къ надеждѣ,
И что *теперь* плѣнительно какъ *прежде*.

Да скажетъ онъ, что въ нашъ союзъ прекрасной
Еще одинъ товарищъ приведёнъ....
На путь земной изъ люльки безопасной
Намъ подаетъ младую руку онъ;
Его лице невинностію ясно,
И жизнь надъ нимъ какъ легкій вѣетъ сонъ,
Безпечному предавъ его веселью,
Судьба молчитъ надъ тихой колыбелью.

Но сладостнымъ предчувствіемъ тѣснится
На сердце мнѣ грядущаго мечта:
Младенчества веселый сонъ промчится,
Разоблачатъ житейское лѣта,
Огнемъ души сей взоръ воспламенится,
И мужески созрѣетъ красота;

Дойдутъ къ нему возвышенныя вѣсти
О праотцахъ, о доблести, о чести....

О, да пойметъ онъ ихъ знаменованье,
И жизнь его да будетъ имъ вѣрна!
Да перейдетъ, какъ чистое преданье
Прекрасныхъ дѣлъ, въ другія времена!
Чтобъ ни было судьбы обѣтованье,
Лишь благомъ будь она освѣщена!....
Вы-жь, милые, товарища примите
И путь его земной благословите.

А ты, нашъ цвѣтъ, питомецъ скромный луга,
Символъ любви и жизни молодой,
Отъ сѣвера, отъ запада, отъ юга,
Летай къ друзьямъ желанною молвой;
Будь голосомъ, привѣтствующимъ друга;
Посолъ души, внушаемый душой,
О вѣрный цвѣтъ, безъ словъ бесѣдуй съ нами
О томъ, чего не выразить словами.

ЖУКОВСКІЙ.

Павловскъ.
Іюля 2. 1819 г.

ВОЕННАЯ ПѢСНЯ.

(16 Августа, 1837 г.)

Братцы! вотъ Онъ—счастье наше,
Ненаглядный свѣтъ очей!
Солнца радостнаго краше,
Вѣтра бурнаго быстрѣй.

Вотъ Онъ мчится передъ строемъ—
Весь въ Великаго Петра—
И несется за героемъ
Громозвучное *ура*.

Гордый конь земли не слышитъ
Подъ могучимъ Сѣдокомъ:
И кипитъ, и бурно пышетъ,
И взвиваетъ пыль столбомъ.

Быстро стройныя дружины
Чудный Всадникъ обскакалъ,
И предъ фронтомъ, средь равнины,
Окруженный свитой, сталъ.

Вотъ раздался голосъ чистый....
Какъ знакомъ намъ этотъ гласъ!
Какъ онъ, звонко-серебристый,
Милъ и радостенъ для насъ!

А величье, а осанка,
А орлиные глаза...
Все для сердца въ Немъ приманка,
Все въ Немъ диво и краса.

Кто въ подлунной съ Нимъ сравнится!
Тѣломъ, духомъ исполинъ;
Взглянешь—сердце веселится,
Выростаешь на аршинъ!

Съ Нимъ бы вѣкъ не разставаться!
Сердце проситъ одного:
Все-бъ глядѣть да любоваться,
Все бы слушать намъ Его.

Я. Панковичъ.

Кіевъ.

СИЛА ПРИВЫЧКИ.

Разсказъ.

Вы знаете, мои любезные читатели, что я живу въ Кіевѣ—въ этомъ первоначальномъ разсадникѣ Рускаго Православія, Руской жизни, Руской народной поэзіи; но вы не знаете, какъ невесело живутъ здѣсь, какъ утомительно длинны вечера, какъ убійственно важны висты, какъ книжно-разумны разговоры. Отъ того-то я, нижеподписавшійся, занятый утромъ по службѣ, не знаю какъ провесть вечеръ. Какъ ни боюсь я вечеровъ, но они ежедневно приходятъ, и теперь въ Декабрѣ—немедленно послѣ обѣда; хочешь, не хочешь, а принимай гостя, и займи его..... Что же дѣлать? Поѣду въ клубъ! Надобно знать, что у насъ здѣсь два клуба: одинъ на Печерскѣ, другой на Подолѣ—то есть, верхній и нижній; и я, какъ страстный любитель увеселеній, бываю въ обоихъ. Пріѣзжаю: нѣтъ души ни въ одномъ изъ нихъ... Поѣду въ театръ! Пріѣзжаю: на афишѣ объявлено, что даютъ самую жаркую мелодраму; вхожу въ партеръ—

и меня обдаетъ Архангельскій морозъ и самый Кіевскій сквозной вѣтеръ. Нѣтъ возможности выносить такого тепла въ такой холодъ; и поневолѣ я оставляю продувное зданіе доморощенной Таліи.... Но куда ѣхать? Поѣду къ почтенному Александру Ильичу Токмалеву, котораго вы конечно не знаете, мой читатель, и о которомъ вы позволите мнѣ сказать нѣсколько словъ.

Александръ Ильичь Токмалевъ, къ которому я поѣхалъ, живетъ на большой улицѣ, въ небольшомъ деревянномъ собственномъ домишкѣ. Онъ прослужилъ лѣтъ тридцать честно и полезно, нажилъ себѣ домишко, получилъ пенсію, и практической мудрецъ, довольный своимъ состояніемъ и совѣстію, охотно проводитъ вечера съ двумя-тремя старыми пріятелями, которые его навѣщаютъ довольно часто. Онъ любитъ поговорить, поболтать, хотя—чудный человѣкъ!—не терпитъ самаго приличнаго разговора—посудить между своими о житьѣ-бытьѣ сосѣда близкаго и дальнаго. Пріятели заняли его манеру, и нерѣдко, просидѣвъ у него долгій вечеръ и наговорившись до-сыта и о Кавказѣ и о Сибири, и о Нѣмцахъ и о Французахъ, не услышишь ни слова о Кіевѣ, а тѣмъ болѣе ни о совѣтникѣ..., ни о директорѣ гимназіи..., ни даже..... Да что и говорить: старикъ упрямъ какъ старикъ, и его уже не передѣлаешь; го-

вори ему или нѣтъ, что у насъ такъ не живутъ нынѣ!

И такъ я поѣхалъ къ Александру Ильичу Токмалеву. Пріѣзжаю, и къ величайшему удовольствію своему нахожу его дома съ почтеннѣйшею компаніею.

Трое стариковъ сидѣли вокругъ стола и пили чай: хозяинъ, то есть Александръ Ильичь; помѣщикъ Черниговской губерніи Кондратій Петровичь, за три года пріѣхавшій въ Кіевъ, чтобы пользоваться минеральными водами, и употребляющій ихъ съ тѣхъ поръ ежегодно, не потому чтобы они принесли ему пользу, но потому, что они не сдѣлали ему вреда, тогда какъ другія медицинскія средства только умножали его недуги; и наконецъ Никоноръ Алексѣевичь, отставной за ранами маіоръ, человѣкъ бывалый, чистый—какъ сабельная полоса, и твердый въ своихъ правилахъ—какъ Рускій штыкъ.... Я помѣстился между хозяиномъ и Кондратіемъ Петровичемъ; мнѣ подали стаканъ чаю, и разговоръ прерванный моимъ приходомъ возобновился.

Бесѣда только что начиналась; разговоръ только что завязывался. И потому-то мнѣ трудно передать его отъ слова до слова; трудно, я сказалъ; виноватъ—почти невозможно! Введеніе въ каждый разговоръ, это баснословная часть

его, это буколическія времена, гдѣ нѣтъ страсти и искуства, а только спокойное и безмятежное состояніе дѣйствующихъ лицъ, изъ которыхъ, быть можетъ, не одно въ продолженіе вечера возвысится до поэзіи.... Но начну какъ умѣю.

А право, господа, сказалъ Александръ Ильичь, что ни говорите, а сильна сила привычки. Не даромъ же Лябрюеръ сказалъ, что привычка вторая натура.—Да только жаль, присовокупилъ Никоноръ Алексѣевичь, что привычка подчиняться правиламъ не легко пріобрѣтается.

Да и безъ твоихъ Французовъ, сказалъ Кондратій Петровичь, мы это давно знаемъ.—

Что дѣлать, друзья мои, ужъ такова натура людская, вздохнувъ произнесъ хозяинъ.... но, зачѣмъ намъ философствовать; вспомнимъ-ка лучше что нибудь такое, чтобы могло развеселить насъ! поройтесь-ка въ своей памяти; а я съ своей стороны знаю очень забавный случай, который вертится на силѣ привычки.

Но прежде, чѣмъ хозяинъ принялся расказывать свою быль, говорливые собесѣдники перебрали всю древнюю, среднюю и новую исторію; вызвали изъ темнаго прошедшаго всѣ славныя имена, всѣхъ знаменитыхъ людей съ ихъ привычками, съ ихъ особенностями; преимущественно въ этой фантасмагорической галлереѣ прошли всѣ знаменитости отечественныя, мерт-

выя и живыя, какъ тѣ, которыя обречены безсмертію, такъ и тѣ, которыя будутъ забыты слѣдующимъ поколѣніемъ. Говорить ли, что мнѣ понравилась эта бесѣда, этотъ неискуственный, но любопытный разговоръ; эта варіація безъ приготовленія, полная жизни и сердечнаго чувства; эта импровизація на тему, заданную неожиданно, и столь несходную съ вечернимъ разговоромъ, къ которому приготовляются долгое утро. А актеры этого замѣчательнаго представленія, которое давалось не за деньги, и котораго единственнымъ зрителемъ былъ я?...О, да простятъ мнѣ, если я еще разъ обращусь къ моему почтенному хозяину, къ его достойнымъ собесѣдникамъ; если я, обольщаемый этою безпечною веселостію моего Александра Ильича, остановлюсь на немъ нѣсколько дольше; полюбуюсь этими глазами, хотя уже лишенными юношескаго огня, но еще полными добродушія и ума; этимъ лицемъ, на которомъ обозначился Рускій типъ; этою привычкою стоя держать руки въ карманахъ длиннаго байковаго сюртука, или сидя подпираться руками подъ подбородокъ, и слѣдить какого нибудь лгуна или хвастуна взглядомъ, въ которомъ и простякъ прочелъ бы всю извѣстную басню Ивана Андреевича Крылова съ перваго до послѣдняго ея стиха.

Кондратій Петровичь, не имѣя никакой наружной особенности, представляетъ собою психологическую задачу: всякій разговоръ онъ умѣетъ навести на искуственныя минеральныя воды или найти сравненіе для нихъ съ предметами вовсе несходными. Такъ Киргизскій конь и Карлсбадская вода въ его понятіяхъ сходны, потому, что производятъ испарину. Эта способность возрѣнія на предметы и вещи можетъ быть моглабы и надоѣсть; но почтенный Никоноръ Алексѣевичь подоспѣваетъ обыкновенно съ своими замѣчаніями, и дѣлая ихъ умно и отмѣнно остро, и сохраняя въ пылу самаго жаркаго пренія свою флегматическую наружность, разнообразитъ удовольствіе для посторонняго, и потому бываетъ всегда необходимымъ дѣйствующимъ лицемъ.... Тогда же, когда приходится Никонору Алексѣевичу слушать разсказъ хозяина, онъ обыкновенно молчитъ или набиваетъ по своимъ ботфортамъ (онъ служилъ въ кирасирахъ и уволенъ съ мундиромъ) иногда дробь, иногда тушъ,—смотря по предмету разсказа и по впечатлѣнію, производимому на него разсказомъ.

Моя быль началась давно, давно,—сказалъ почтенный хозяинъ,—еще въ то время, когда не наступалъ двенадцатый годъ; когда еще самый глубокомысленный политикъ не могъ предугадывать этой войны, которая развила на Руси одно

изъ величайшихъ событій, внесенныхъ исторіею въ ея скрижали, осуществила эту великолѣпную эпическую поэму, совершеннѣйшую, исполненную самой возвышенной поэзіи, украшенную самыми замѣчательными характерами. Она началась въ то время, когда желѣзная рука и воля мужа судьбы остановляла революціонный потокъ во Франціи, и только что всходила на горизонтъ звѣзда Наполеона; когда святая Русь привѣтствовала въ Царѣ своемъ старшаго, юнаго и прекраснаго внука Екатерины; когда она ждала отъ него — золотаго вѣка, осуществленнаго для ней Царицею. О, это было волшебное время, это была пора моей юности: воздухъ казался мнѣ болѣе благорастворённымъ, зелень бархатнѣе и красивѣе, плоды вкуснѣе, и люди — люди лучшими, чѣмъ теперь. И все это очарованіе прошло, прошло какъ почти цѣлое поколѣніе, по-одиначкѣ перенесенное на кладбище, въ продолженіе 45 лѣтъ. Теперь мнѣ грустнѣе на сердцѣ, менѣе ясно въ глазахъ, менѣе радостно между людьми; но и теперь многіе живутъ такъ же весело, какъ и я жилъ во время оно..... Природа таже — дивная и восхитительная, чувство тоже — полное и роскошное; да гости на этомъ прекрасномъ пиршествѣ природы и чувства не тѣже..... Изрѣдка немного запоздалыхъ, отсталыхъ еще являются то здѣсь, то

тамъ на этотъ праздникъ; но они пугаютъ пирующихъ, какъ бы напоминая имъ о предстоящей могилѣ, какъ бы вызывая собою мысль, которую люди такъ заботливо стараются скрывать въ сокровеннѣйшихъ тайникахъ своего сердца—мысль о томъ, что умирать необходимо.... А для чего бы отгонять эту мысль? проговорилъ старикъ хозяинъ,—для чего бы эту необходимую катастрофу обставлять ужасами? Не есть ли смерть добрый попутчикъ, который является къ намъ въ минуту отправленія нашего въ незнакомый міръ, въ міръ, къ которому намъ надлежало приготовиться здѣсь, о которомъ намъ все говорило здѣсь: и божественное Откровеніе и сердечное внутреннее чувство! А мы, почти всѣ безъ изъятія, приступаемъ къ этому путешествію безъ приготовленія, даже не спросивъ себя: съ чего же мы начнемъ тамъ новое бытіе? съ чѣмъ явимся туда?—когда, идя въ пріятельскую бесѣду, мы задаемъ себѣ часто подобные вопросы.......

Виноватъ, господа! я, какъ говорятъ, новомодные поэты, замечтался—сказалъ хозяинъ—и желая начать со свадьбы, началъ съ могилы.... Не взыщите, почтеннѣйшіе! усмѣхнувшись продолжалъ онъ—болтовня общая слабость стариковъ. Впрочемъ дѣло не вовсе испорчено, и я наскоро перескажу вамъ бывальщину.

Уже давно, какъ я сказалъ уже, но еще на моей памяти, жилъ и служилъ въ Нижнемъ молодой человѣкъ. Онъ былъ для своего времени человѣкъ образованный, потому уже и въ то время думалъ, что служить должно и честно и полезно, а не для ради какихъ-либо личныхъ выгодъ. Проведя нѣсколько лѣтъ въ Петербургѣ, онъ полюбилъ жизнь столичную и съ трудомъ привыкалъ къ провинціи; но довольствоваться настоящимъ онъ принуждалъ себя тѣмъ, что почиталъ службу въ провинціи болѣе полезною для общества въ своемъ незначительномъ чинѣ и по своимъ правиламъ. Надобно сказать, что нашъ или мой молодой чиновникъ *былъ самыхъ честныхъ правилъ*, и отъ того-то онъ строго обсуждалъ свое поведеніе. Отъ всегдашняго надзора за собою онъ казался для другихъ нѣсколько холоднымъ, потому, что не позволялъ себѣ увлекаться ничѣмъ; но тѣ, которые имѣли случай узнать его короче, вѣрили въ его теплое чувство и любящее сердце. Впрочемъ такихъ людей онъ встрѣчалъ въ столицѣ, но еще не встрѣтилъ въ Нижнемъ въ то время; и потому-то его жизнь плелась въ одиночествѣ и печальной скукѣ,—потому-то чаще и чаще его воображеніе въ часы досуга, послѣ служебныхъ занятій (чудакъ невсегда позволялъ и воображенію своему разгуливаться не во время) зано-

сило его въ далекій край, на сѣверъ, манило его пріятельскою сердечною бесѣдою, увлекало образованностію общества, очаровывало успѣхами изящныхъ искуствъ.... Не знаю, чтобы вышло изъ этихъ продѣлокъ воображенія, если бы другой могущественный дѣятель и распорядитель нашей бѣдной жизни не вмѣшался въ игру и не приковалъ его къ Нижнему надолго, навсегда... Я говорю о случаѣ, который незапно, въ одно изъ самыхъ могущественныхъ нападеній воображенія, предсталъ предъ нашимъ чиновникомъ въ видѣ письма, адресованнаго изъ Москвы, запечатаннаго краснымъ сургучемъ и вѣсившаго 2 лота, что неоспоримо свидѣтельствовали вѣсовыя деньги.

Это письмо — прошу васъ, господа, вѣрить на слово — заключало въ себѣ слѣдующее, или почти слѣдующее:

Любезный Александръ! спѣшу увѣдомить тебя, что я женился. Жена моя ангелъ, совершенная Душенька нашего Богдановича, и нисколько не походитъ ни на Семиръ, ни на Демизъ Сумарокова; передаю тебѣ вѣсть о моемъ счастіи и прибавляю къ тому извѣщеніе о скоромъ прибытіи моемъ въ Нижній, куда я назначенъ совѣтникомъ. Знаю, что ты принимаешь участіе въ судьбѣ моей, по прежней пріязни къ школьному товарищу, и что съ удовольствіемъ прочтешь

письмо, въ которомъ узнаешь, что *случай* привелъ насъ въ одинъ городъ... За тѣмъ слѣдовали восторги молодаго, счастливаго мужа, за которые Московскій почтамтъ взялъ вѣсовыя за 2 лота.

Слѣдственно, я непроизвольно отнесъ это обстоятельство къ случаю; мои слова еще болѣе подтверждаются тѣмъ, что въ послѣдовавшемъ за прочтеннымъ письмомъ мечтаніи молодаго чиновника—въ устахъ его изъ-за-прекрасной улыбки вырывалось сперва одно..... только одно присуществительное—*случай*, съ различными прилагательными— счастливый, неожиданный, невѣроятный, и тому подобными. Послѣ этихъ словъ нашъ герой началъ ходить по горницѣ; потомъ подошелъ къ своему шкафу,—въ которомъ изъ-за верхнихъ стѣнокъ выглядывали домашнее серебро, чашки, посуда, и котораго верхъ, какъ бы вмѣсто головы, былъ украшенъ самоваромъ,—отворилъ дверцы, и на одной изъ трехъ нижнихъ полокъ, уставленныхъ книгами, онъ взялъ одну тоненькую книжку, которую началъ, ходя, читать, сперва про себя, потомъ въ слухъ. Это была *Душенька*, древняя повѣсть, въ вольныхъ стихахъ, сочиненіе *Ипполита Богдановича*, напечатанная въ С. Петербургѣ, въ Типографіи Вейтбрехта, 1783 года, въ 8 долю.

Дѣло въ томъ, что нашему чиновнику хотѣлось познакомиться съ женою своего товарища—совершенною Душенькою Богдановича, и слѣдственно не было другаго лучшаго способа къ достиженію желанія, какъ прочтеніе означенной поэмы.

Что же вышло?—Ему понравилась Душенька, эта прекрасная дѣвушка древней Греціи,—это мечтательное созданіе счастливой и безъискуственной фантазіи нашего Екатерининскаго поэта; и какъ въ понятіяхъ нашего чиновника Душенька и жена его товарища совѣтника были тожественны, синонимы, то онъ страстно полюбилъ молодую совѣтницу, еще до пріѣзда ея въ Нижній, еще до перваго свиданія съ нею.

Вскорѣ пріѣхали жадно ожидаемые молодымъ чиновникомъ гости. Конечно вы, господа, догадываетесь, что онъ первый встрѣтилъ ихъ; что онъ почти снялъ съ нихъ всѣ тяжелыя хлопоты, неразлучныя съ водвореніемъ на новомъ мѣстѣ, въ незнакомомъ городѣ; что онъ познакомилъ ихъ заочно и предварительно съ лицами и характерами, съ слабостями, съ самолюбіями, ошибками и странностями высшаго общества въ городѣ, т. е. онъ сдѣлалъ то, чего въ губернскомъ городѣ не дѣлаютъ братъ для брата, сестра для сестры.... Конечно, какъ прежнія отношенія между самимъ чиновникомъ и

совѣтникомъ, такъ еще болѣе настоящія одолженія, предложенныя имъ съ такимъ самоотверженіемъ, раскрыли для него двери пріятельскаго дома,—этого таинственнаго храма любви и гимена, этого поэтическаго пріюта, посреди котораго въ жарко-натопленной комнатѣ (тогда была зима,) прозябало лучшее изъ созданій, украшавшихъ Нижній Новгородъ, олицетворенная Душенька, т. е. одѣтый въ тѣло и кости идеальный вымыслъ Рускаго стихотворца.

Герой нашъ пользовался правомъ своимъ—ежедневно посѣщать совѣтника и совѣтницу; но строгій въ правилахъ, которыя онъ назначилъ для своего исполненія, онъ не жертвовалъ для этихъ посѣщеній ни обязанностями службы, ни домашними обѣдами, которые стряпала на его вкусъ старая его няня, безотлучно при немъ находившаяся, которую онъ любилъ и уважалъ какъ мать свою, въ его юности умершую. Ежедневно въ 6 часовъ вечера, и всегда почти при послѣднемъ ударѣ часовъ, онъ входилъ въ комнаты своего друга, и съ ласковою улыбкою подходилъ къ Вѣрѣ Егорорнѣ,—такъ, увы! называлась удивительная совѣтница, Душенька того времени, этотъ идеалъ въ устахъ какого нибудь современнаго поэта;—бралъ ея маленькую пухленькую ручку, и цѣловалъ ее почтительно. Совѣтникъ дружелюбно жалъ руку своему

товарищу; разговоръ завязывался между тремя; тамъ приносили самоваръ— этаго *домашняго запѣвалу,* какъ выразился недавно одинъ изъ нашихъ поэтовъ; хозяйка разливала сама чай. Послѣ чаю—или продолжался прерванный на время разговоръ, или совѣтница играла на фортепьяно, иногда пѣла Рускія пѣсни; а время между тѣмъ двигалось впередъ и передвигало часовую стрѣлку къ 10 часамъ; съ послѣднимъ ударомъ часовъ, выходилъ отъ совѣтницы молодой чиновникъ. День былъ конченъ, и онъ возвращался домой, чтобы лечь спать, видѣть во снѣ свою Душеньку, встать утромъ въ 6 часовъ, посѣтить присутствіе, отобѣдать дома, провести вечеръ по-вчерашнему, и опять въ урочное время, что бы по-вчерашнему видѣть во снѣ свой прежній сонъ.....

Такъ прошелъ годъ, такъ прошло два, наконецъ прошло три года; и, быть можетъ, прошло-бы десять, двадцать, тридцать лѣтъ—почему я знаю сколько!—если бы случай не нарушилъ этого убійственнаго наружнаго хладнокровія между дѣйствующими лицами...

Въ слѣдствіе какой-то ошибки совѣтника по службѣ, онъ на четвертый годъ послѣ пріѣзда своего въ Нижній подвергся казенному взысканію, простиравшемуся до 6000 рублей. Совѣтникъ, богатый семейнымъ счастіемъ, былъ бѣденъ

этими благами жизни, которыя въ разныхъ государствахъ имѣютъ такое различное названіе, — въ одномъ мѣстѣ ихъ называютъ луидоры, въ другомъ фридрихсдоры, въ третьемъ ефимки, въ четвертомъ фунты стерлинговъ, въ пятомъ червонцы. Всѣ философы называютъ ихъ нарицательнымъ именемъ *злато*, и въ опредѣленіяхъ своихъ объ этомъ предметѣ они не болѣе сходны между собою, какъ и народы въ названіяхъ его: по однимъ это первоначальное зло, по другимъ это элексиръ жизни; слѣдуя первымъ — владѣтель злата не можетъ быть добродѣтеленъ, слѣдуя послѣднимъ — бѣдность, то есть отсутствіе этого блага, едва едва не порокъ. Какъ бы то ни было, не во гнѣвъ значительной части философовъ, мой бѣдный совѣтникъ не зналъ что̀ ему дѣлать: платить было необходимо, заплатить нечѣмъ. Жена его тосковала; ея печаль, ея слезы разстроили совѣтника въ конецъ, такъ, что нашъ чиновникъ, въ обычной часъ войдя къ своему пріятелю, былъ пораженъ безотрадною картиною, представившеюся его взорамъ.

Онъ узналъ о несчастіи семейства, которое такъ любилъ; онъ задумался. Дѣло шло о томъ, какъ бы помочь этому семейству, котораго живитель, котораго прелесть сидѣла теперь на софѣ, съ слезами на глазахъ, съ печалью на челѣ, однимъ словомъ — со всѣми аттрибутами красоты

идеальной.... У него, въ слѣдствіе бережливости и расчетливости, была скоплена почти такая сумма, даже нѣсколько большая. Онъ не боролся со скупостію, предложить ли эти деньги пріятелю; но онъ расчитывалъ какъ бы лучше предложить ихъ совѣтнику, который, какъ онъ убѣжденъ былъ, не принялъ бы ихъ въ видѣ подарка, тѣмъ болѣе отъ него, небогатаго человѣка.... Онъ не замѣтилъ, что другъ его вышелъ изъ комнаты; не замѣтилъ, что хозяйка подошла къ нему и, не смотря на грусть свою, съ любопытствомъ разсматривала чудака, вперившаго глаза въ потолокъ, какъ бы разсматривавшаго на немъ грязнаго купидончика, намалёваннаго только что губернскимъ живописцемъ. Наконецъ онъ очнулся отъ громкаго «что съ вами?» хозяйки, и увидѣлъ ее передъ собою. «О чемъ же вы такъ задумались?» сказала она своимъ гармоническимъ голосомъ.

«О вашемъ горѣ» проговорилъ онъ, оторопѣвъ.

«Да, я убѣждена, какъ и мужъ мой, что вы искренно сожалѣете о насъ; и одна эта увѣренность уже уменьшаетъ его».

«Но, надобно его вовсе уничтожить.»

«Да какъ?»

«Развѣ вы не имѣете въ числѣ вашихъ друзей такого, который бы»... онъ не смѣлъ докончить.

«Далъ мужу моему въ займы 6000 рублей, хотѣли вы сказать?»—

«Да!» проговорилъ онъ.

«Ахъ, вы мечтатель! да кто же сдѣлаетъ это?.. Конечно, есть два, которые охотно бы дали деньги...»

«Два?» спросилъ удивленный чиновникъ.

«Я говорю о дворянинѣ Ж... И объ откупщикѣ Ф... но мужъ мой отъ нихъ не пріиметъ денегъ.»

Гора спала съ плечь чиновника; онъ оправился и едва внятнымъ голосомъ сказалъ: «а развѣ вы не имѣете ни одного близкаго сосѣда, ни одного вамъ преданнаго знакомаго, для котораго возможность одолжить васъ была бы счастіемъ?...»

«Да развѣ вы не знаете нашихъ знакомыхъ... у насъ ихъ немного, и тѣ не близки съ нами; а друзей, исключая васъ, мы никого не имѣемъ.»

«И такъ вы почитаете меня вашимъ другомъ»—сказалъ чиновникъ, потерявшій обыкновенную свою холодность. «И такъ я вашъ другъ»—повторилъ онъ, взявъ за руку совѣтницу. «Для чего же вы не сказали мнѣ: ты другъ нашъ; намъ надобно 6000 рублей; одолжи ихъ намъ и выведи насъ изъ затруднительнаго положенія.»

На глазахъ совѣтницы показалась крупная, богатая, жемчужная слеза, и она, не отнимая

руки своей, проговорила: «о, конечно, я первая сказала бы это вамъ, если бы знала, что не приведу васъ въ замѣшательство своею просьбою, потому что я знаю, какъ тягостно отказывать въ просьбахъ друзьямъ своимъ...»

«О, такъ скажи же это, моя добрая Вѣра!....»

«Добрый и почтенный другъ мой!—сказала она,—мужъ мой долженъ заплатить 6000 рублей, но онъ ихъ не имѣетъ; спаси его честь и счастіе его жены,—дай мнѣ эти деньги, если ты ихъ имѣешь....»

«Вотъ деньги!» отвѣчалъ онъ, вынимая изъ боковаго кармана бумагу. «Это билетъ Опекунскаго Совѣта; я ихъ берегъ, какъ говорятъ, на черный день; конечно, лучшаго употребленія я бы не могъ изъ нихъ сдѣлать!» Онъ почтительно поцѣловалъ руку совѣтницы и хотѣлъ уйти.

«О, вы превосходный человѣкъ,—сказала хозяйка дома,—Богъ васъ вознаградитъ за это!...»

«Богъ уже вознаградилъ меня!» отвѣчалъ онъ, остановясь своимъ взоромъ на прекрасномъ лицѣ молодой женщины. «Онъ раскрылъ меня передъ вами.... а это все, чего я смѣлъ надѣяться, чего я желалъ на свѣтѣ!»

Исключая этого вечера, въ который мой мечтатель пришелъ домой въ 8 часовъ, онъ опять по заведенному порядку просиживалъ у совѣтника до 10 часовъ. Конечно многое измѣнилось

между имъ и совѣтницею. Она, какъ женщина, знала, что онъ ее любитъ; онъ, какъ честный человѣкъ и какъ человѣкъ съ характеромъ сильнымъ, съ волею рѣшительною, не показывалъ уже ничѣмъ своей любви къ ней. Только однажды онъ печально обнаружилъ себя; но это случилось въ часъ печали; благодаря Бога, другаго подобнаго часа Сердцевѣдецъ не наслалъ на совѣтника, и отъ того-то его пріятель не подвергся вторичному испытанію, которое, вѣроятно, подвинуло бы его далѣе, заставило бы его обнаружить болѣе сокровенныя его чувствованія.

Много лѣтъ жили и здравствовали мои знакомые въ славномъ издревле Нижнемъ Новгородѣ. Не знаю навѣрное, но примѣрно сказать лѣтъ 15 прошло съ пріѣзда совѣтника въ городъ. Во все это время отношенія между друзьями не измѣнялись; ихъ свиданія не прекращались, а сохраняли съ прежнею сердечностію и прежніе обычные часы.

Совѣтница хотя и постарѣла 15 годами, но все еще была прекрасная женщина, на которую неразъ заглядывались гусарскіе ремонтёры и гвардейцы, находившіеся въ отпускахъ; за которою приволакивались и сей и оный; для которой ничего не значило говорить правду не только предсѣдателю палаты, но и самому гражданскому губернатору, ея искреннему почитателю....

Однимъ словомъ, мои знакомые жили въ чести, и жили хотя мирно и тихо, но счастливо.... Однако, ничто невѣчно подъ луною! Такъ писалъ въ наше время Исторіографъ Николай Михайловичь Карамзинъ. И отъ того-то однажды осенью совѣтникъ, промочивъ ноги, простудился; болѣзнь сперва ничтожная, будучи пренебрежена больнымъ, приняла серьёзный оборотъ, и на шестой день онъ умеръ, оставивъ въ отчаяніи жену и друга въ слезахъ и скорби.

Похоронивъ своего друга, котораго посѣщалъ и въ болѣзнь его въ обычное время, мой герой на другой день въ 6 часовъ вечера пришелъ къ печальной вдовѣ. Онъ утѣшалъ ее, говоря о почтенномъ покойникѣ, о дѣлахъ его, неукоризненной его славѣ, о полезной его жизни; онъ услаждалъ ее горе, смѣшавъ съ ея слезами любви свои слезы искренней дружбы. Онъ пришелъ къ ней и на слѣдующій день, онъ пришелъ также и на третій; онъ приходилъ ежедневно, какъ и прежде въ продолженіи года; онъ составлялъ единственную бесѣду еще хорошенькой вдовы; онъ развлекалъ ее; при немъ высказывались— первоначально ея отчаянная тоска, потомъ глубокое горе, потомъ тихая грусть, потомъ сожалѣніе о рано умершемъ другѣ; при немъ она начинала оживать вновь для другой жизни, для другой любви, затаивъ на сердцѣ—этомъ бога-

томъ складѣ нашихъ чувствованій—любовь къ первому мужу, вмѣстѣ съ сладостною увѣренностію въ дѣйствительность свиданія за предѣлами гроба, въ томъ прекрасномъ мірѣ, который для матеріальныхъ людей извѣстенъ подъ вывѣскою могилы.... Въ глазахъ нашего чиновника эта смертная блѣдность лица и эта темная одежда печали мало по малу переходили въ краску свѣжести и красоты, въ одежды болѣе свѣтлыя, болѣе веселыя.... Наконецъ прошелъ годъ печали—для вдовы; сердце ея требовало счастія; человѣкъ, въ чувства котораго она вѣрила, котораго правила уважала, котораго любовь была ея ожиданіемъ—просилъ ея руки; и этотъ человѣкъ былъ нашъ общій знакомецъ... и она сказала ему это роковое, но это прекрасное, это поэтическое, это могущественное *да,* послѣ котораго слѣдуетъ обыкновенно день свадьбы, болѣе блистательный для толпы, но менѣе торжественный для истинно любящихъ.

Черезъ нѣсколько времени дѣйствительно въ Нижнемъ праздновали свадьбу молодой вдовы съ чиновникомъ, нашимъ знакомцемъ. Свадьба была на славу; церковь горѣла огнями; гостей была бездна; губернаторъ былъ посаженнымъ отцемъ, а его родственница, кавалерственная дама старушка, посаженною матерью у невѣсты. Все было какъ водится или водилось во время

оно, при подобныхъ торжествахъ: и шафера, и гости, и шампанское, и пьяные кучера; наконецъ всѣ и все разъѣхалось...

На другой день нашъ счастливецъ, въ какомъ-то опьяненіи блаженства, не сдѣлалъ шагу изъ дому; онъ смѣялся, онъ шутилъ, онъ прыгалъ, онъ цѣловалъ свою жену, свою милую Вѣру, свою прекрасную Душеньку; разсказывалъ ей тайную повѣсть своей любви, своихъ страданій, свою поэзію—гдѣ была она вдохновительнымъ идеаломъ. Такъ прошло утро, лучшее въ его жизни. Вдвоемъ они обѣдали, вдвоемъ они остались послѣ обѣда—опять за болтовнею, за ласками, за повтореніемъ въ десятый разъ того, что говорили девять разъ уже въ тотъ день. Такимъ образомъ молодая, завивая въ кольца его русыя волосы, спросила его: «счастливъ ли ты теперь, Александръ?»

«О, какъ я счастливъ, мой ангелъ!..» отвѣчалъ онъ; но слова его были прерваны боемъ часовъ: онъ остановился, пораженный какою-то странною думою и, забывшись, считалъ число ударовъ.—

«Что съ тобою, другъ мой!»—сказала молодая, замѣтивъ какое-то странное выраженіе на лицѣ своего мужа.

«Такъ, ничего... отвѣчалъ онъ, смѣшавшись... мнѣ пришла въ голову чудная мысль..»

«Но, другъ мой, въ то время, когда ты выражалъ любовь свою ко мнѣ, когда я ждала отъ тебя удостовѣренія въ томъ, что ты почитаешь себя совершенно счастливымъ, ты вдругъ измѣняешься въ лицѣ и взоръ твой, до того радостный и свѣтлый, вдругъ дѣлается грустнымъ....»

«Повѣрь, другъ мой, тутъ нѣтъ ничего важнаго, но..»

«Но, если ты меня любишь, то будешь откровенъ со мною....»

«Пожалуй, да это, увѣряю тебя честію — почти смѣшно.»

«Пусть смѣшно, но я желаю знать.»

«Ты спросила меня: счастливъ ли я? и я хотѣлъ сказать тебѣ то, что чувствую; я хотѣлъ сказать, что я вполнѣ благополученъ, увѣренный въ любви твоей, пламенно обожая тебя, будучи твоимъ мужемъ; но, вотъ въ чемъ дѣло: когда я началъ тебѣ говорить объ этомъ, тогда—пробило 6 часовъ, и мнѣ пришла странная мысль...»

«Ну, какая же?»

«Что я совершенно счастливъ, другъ мой; но.... гдѣ же я буду теперь проводить вечера мои?....»

А. ВЕ—СКІЙ.

Кіевъ.
1839 г.

КЪ N. N.

(Изъ В. Г.)

Нѣтъ,—падшей женщинѣ не расточай ругательствъ!
Кто вѣдаетъ весь грузъ желѣзныхъ обстоятельствъ,
Кто вѣдаетъ число ея голодныхъ дней?
Ужасныхъ опытовъ, кто не бывалъ свидѣтель,
Какъ вихрь несчастія колеблетъ добродѣтель,
И какъ несчастная вотще стремится къ ней?
На вѣткѣ дерева такъ капля дождевая
Красуется, блестя и небо отражая;
Но зыблютъ дерево: она дрожитъ, катясь,
И—до паденья перлъ, она съ паденьемъ—грязь.

Виновенъ ты, богачь! Виновны мы и злато!
Та капля чистая, небесная когда-то,
Въ грязи сохранена,—и чтобъ явилась вновь,
Отъ праха отдѣлясь, принявъ свой видъ хрустальной,
Она, блестящая, въ красѣ первоначальной:
Ей нуженъ солнца лучь, ей надобна—любовь!

В. БЕНЕДИКТОВЪ.

ДѢВИЦА ЗА ФОРТЕПЬЯНО.

Благоговѣю я предъ дѣвой,
Когда, полна поэзіи святой,
Она волшебною рукой
Разбудитъ спящіе напѣвы.
И звуки чудные толпою полетятъ:
То громомъ торжества октавы загремятъ,
То переходятъ въ стонъ и ропотъ злополучья,
То вдругъ сливаются въ широкія созвучья,
И тянется акордовъ длинный рядъ,
Другъ друга жалобнѣй, сильнѣй, могучѣй!...
Какъ много для меня ихъ стоны говорятъ!
Не золотомъ, но чувствами богатъ,
Я весь сочувствую гармоніи кипучей.
А кроткое, небесъ сапфирное стекло
Передо мной такъ теплится свѣтло...
Тогда мой духъ горитъ отъ вдохновеній,
Уста дрожатъ невѣдомымъ стихомъ;
И я готовъ, упавши на колѣни,
Предъ дѣвой мирру жечь, при звукахъ пѣснопѣній,
Какъ предъ цвѣтущимъ божествомъ.

Е. ГРЕБЕНКА.

ИЗВѢСТІЕ.

Мнѣ говорятъ: она какъ тѣнь пуглива
Бѣжитъ отъ юношей, блѣднѣя день за днёмъ;
Въ кругу подругъ горда и молчалива
Стоитъ одна съ поникнутымъ челомъ.
Мнѣ говорятъ: ея живые взоры
Кого-то часто ждутъ, потопленные въ даль;
Что на устахъ порой молитва и укоры,
А на челѣ младомъ забота и печаль;
Съ улыбкой грустною качая головою,
Ревниво стонъ прекрасная таитъ,—
Иль подпершись задумчиво рукою,
На дальній путь сквозь слезъ она глядитъ...
Мнѣ говорятъ: во мракѣ полуночи
Какой-то вопль слетаетъ съ ложа сна,
И долго, долго плачутъ очи,
Рыдаетъ бѣдная она;
Разбросивъ локоны, сдавивъ чело рукою,
Такъ блѣдная сидитъ, недвижима, какъ тѣнь,—
И все для ней равно: надъ жаркой головою
Луна-ль блеститъ, иль свѣтитъ новый день.

Есть на груди письмо съ завѣтными словами,
Ихъ гордый юноша, прощаясь, начерталъ,—
Когда, отъ ней отторгнутый судьбами,
Онъ безнадежно въ даль тоску свою умчалъ...

В. КРАСОВЪ.

ВЪ АЛЬБОМЪ.

(Е. А. М.)

Вступая въ общество съ училищной скамейки,
Пылъ чувства и ума ему мы въ даръ несемъ;
Какъ ангелъ чистые, мы весело идемъ,
Не мысля встрѣтить тамъ тоски-злодѣйки...
Въ тотъ возрастъ счастливый—кто въ сердцѣ не поэтъ?
Кто чувствомъ пламеннымъ изящно не возвышенъ?
Въ любви и дружбѣ не согрѣтъ?
И богомъ пѣсней не услышанъ?

Но межь людьми, насъ ждетъ не дѣтства міръ
волшебный,
А пиръ неистовый—обмана, клеветы;
Въ немъ встрѣтятъ маски насъ намѣсто красоты,
Въ часъ скорбный не совѣтъ, а заговоръ вра-
ждебный,—
И сердце съ чувствомъ въ насъ окрѣпнутъ.... и
тогда
Разочарованнымъ до пѣсни-ль сладкогласной?
Что намъ въ поэзіи, когда
Не вѣримъ мы поэзіи прекрасной?

О, счастливъ тотъ сто кратъ, кто въ скорбный часъ
лишеній
Отыщетъ сердцу двойника;
Кого невинная и дружная рука
Умчитъ далеко въ глушь отъ міра треволненій,
Далеко отъ честей, отъ лести и похвалъ,
Далеко отъ заботъ,—чтобы при ласкахъ Грацій
Вдвоемъ счастливецъ отдыхалъ,
Подъ тѣнью вязовъ и акацій!

К.

1839 г.

МАЛОРОССІЙСКІЕ РАЗСКАЗЫ.

I.

О томъ, отъ чего въ мѣстечкѣ Воронежѣ высохъ Пѣшевцовъ ставъ.

Былъ когда-то въ мѣстечкѣ Воронежѣ (Глуховскаго уѣзда) большой прудъ, который называли *Пѣшевцовымъ ставомъ*. То ужь былъ прудъ, такъ прудъ! Не *Гудовичеву*, и не *Шрамкову* чета! Цѣлый Воронежъ бывало безпрестанно глядится въ него какъ въ зеркало. Теперь же, спросите въ Воронежѣ — гдѣ Пѣшевцовъ ставъ? И вамъ укажутъ на обширную долину, заросшую лозою и камышемъ; а прудъ давно высохъ. Это бы еще не великое диво: мало ли на свѣтѣ пересохло прудовъ и цѣлыхъ рѣкъ! Но важное дѣло то, отъ чего онъ высохъ.—Теперь и въ самомъ Воронежѣ почти никто уже не скажетъ вамъ, отъ чего это случилось, потому, что это случилось давно, когда Воронежъ былъ еще укрѣпленъ засѣками и валами, отъ которыхъ остались теперь только малые слѣды вокругъ церкви Нико-

лая; когда и вмѣсто каменной церкви Николая стояла еще маленькая деревянная церковь съ галерееею на точеныхъ дубовыхъ столбикахъ. Про то, отъ чего высохъ Пѣшевцовъ ставъ, зналъ только покойный Гершунъ, который жилъ по малой мѣрѣ лѣтъ сто и зазналъ такую старину, о которой теперь почти и помину нѣтъ уже въ народѣ. Что за дорогой человѣкъ былъ этотъ старый Гершунъ! Какъ бывало начнетъ онъ разсказывать про давніе годы, такъ только слушай,—и спать не захочется! А въ какихъ только земляхъ онъ не бывалъ: и въ Туреччинѣ, и въ Нѣмеччинѣ, и въ Польшѣ, и у поганой Татарвы; Крымъ ему знакомъ былъ неменьше Глухова и Кролевца; а въ Дону онъ купался больше, чѣмъ Воронежскіе хлопцы купаются теперь въ Гудовичевомъ и Шрамковомъ ставу. Нѣчего сказать: славный былъ человѣкъ Гершунъ! Дай Богъ покойнику здоровье! Отъ него-то я слышалъ диковинную быль, которую хочу теперь пересказать вамъ.—

Жилъ въ Воронежѣ старый чумакъ Макаръ и имѣлъ себѣ сына Грицька—козака браваго, проворнаго и красиваго. Задумалъ Грицько жениться. Отецъ не заупрямился. Послали сватовъ, побрали рушники; и вотъ, послѣ Великодныхъ святокъ, музыка загремѣла на Макаровомъ подворьи на весь Воронежъ; и народъ сошелся со всѣхъ

парахвій посмотрѣть на чернобровую Наталку, молодую жену Грицькову, которая послѣ вѣнца сдѣлалась еще лучше, чѣмъ была въ дѣвкахъ. Отгулявши свадьбу и объѣздивши съ музыкою всѣхъ родныхъ и дружковъ, Грицько и Наталка стали себѣ жить да поживать, какъ у Бога за дверьми; и не вспомнились, какъ пролетѣлъ мѣсяцъ.

Только однажды въ воскресный день Макаръ приходитъ домой навеселѣ отъ своего сосѣда и говоритъ сыну:

«А чтожь, Грицько! полно тебѣ вылеживаться дома; пора и за дѣло взяться! Гляди, какъ наши сосѣди поднялись на-заработки: во вторникъ чѣмъ-свѣтъ почти вся наша улица рушитъ въ Крымъ. А ну-ка и ты съ ними, да заработай себѣ на новое хозяйство».

Почесалъ Грицько за ухомъ, услышавъ такую рѣчь, да нѣчего дѣлать: онъ зналъ уже отца. И вотъ во вторникъ, еще ни свѣтъ ни заря, а Грицько уже поитъ своихъ воловъ у церковнаго колодезя. Его волы ревутъ и не пьютъ холодной воды: чуютъ они дальнюю дорогу, и какъ будто недоброе вѣщуютъ. Задумчивъ воротился Грицько въ дворъ, гдѣ стояли уже готовы чумацкіе возы, и парубки въ дегтяныхъ сорочкахъ и шараварахъ медлительно около нихъ хлопотали. Наталка со слезами бросилась ему на шею;

но онъ нарочно принималъ ея ласки сурово. Вотъ и мать стала говорить ему: «хотьбы ты, мой сынку, остался до обѣда; я сама смыла-бы тебѣ голову»... Слова матери еще сильнѣе пошевелили сердце Грицька,—и онъ, чтобъ не поддаться жалости, сталъ говорить:

«Начто, моя мамо, чумаку наряжаться да чепуриться въ дорогу!... Въ дорогѣ меня смоютъ дробные дожди, а просушитъ ясное солнце, а раскудрятъ буйные вѣтры!»

«Такъ, Грицько, такъ!» подхватилъ старый отецъ. «Зачѣмъ тебѣ оставаться до обѣда? Не для того-ли, чтобъ вороги перешли дорогу да изурочили твое счастье?... Не слушай бабъ, Грицько! Теперь, пока еще никакая погань не бродитъ по улицамъ, выѣзжай съ Богомъ.»

Отецъ всталъ съ лавки; снялъ висѣвшую подъ образами иконку и надѣлъ Грицьку на шею.

«Не снимай съ себя, Грицько, этого образка. Мнѣ подарилъ его въ Кіевѣ святой схимникъ. Онъ защититъ тебя и отъ напасти, и отъ мору, и отъ недобраго глаза.... Да полно-же вамъ плакать!» вскричалъ старикъ, оборотясь къ женѣ и невѣсткѣ, которыя своими рыданіями заглушали его наставленія. «Люди радуются выпровожая на-заработки; а мы будто отпѣваемъ покойника...»

Грицько низко поклонился отцу и матери,

обнялся съ ними и горячо прижалъ къ груди свою Наталку. Она съ безумнымъ отчаяніемъ обхватила его шею своими руками, и за рыданіями не могла вымолвить прощальнаго слова. Она забыла все; она чувствовала только, что отрываетъ отъ себя половину своего сердца, что разлучается съ своимъ милымъ другомъ, и хотѣла-бы хоть одною минутою разстаться съ нимъ позже.

«Ну, полно же обниматься» — сказалъ суровый отецъ. «Не унывай, Грицько. Богъ не безъ милости, а козакъ не безъ счастья!»

И вотъ задумчивъ и печаленъ выѣхалъ Грицько за коловоротъ, и спѣшилъ нагнать чумацкій обозъ, выѣхавшій еще ранѣе.—

Проводивъ своего мужа въ дорогу, Наталка плакала и убивалась по немъ, какъ по умершемъ. Для нея все какъ будто опустѣло въ домѣ. Пойдетъ-ли въ комору перестлать постель; тамъ дума о Грицькѣ давитъ ей грудь:

«Постѣль бѣла, стѣна нѣма,
Нѣ съ кымъ розмовляти!»

Душно и тяжело ей въ хатѣ. Она идетъ въ садъ, и кидается на траву; но одинокое сердце ноетъ и не находитъ ни въ чемъ себѣ отрады. Приклонитъ ли она свою бѣдную голову къ крушинѣ, жалуясь ей на свое горе: крушина шумитъ и качается, лепечутъ несвязную молвь

ея листья; но безотвѣтно дерево для человѣка: у него своя рѣчь, своя дума! Только,— когда закуетъ сиротливая кукушка, приклоня голову къ широкому кленовому листку, или заворкуетъ на плакучей березѣ одинокая горлица,— Наталкѣ кажется, что эти пернатыя чувствуютъ съ нею одно, и она вслушивается въ ихъ заунывные голоса, и ей какъ будто легче становится на сердцѣ.—

Вотъ ярко засвѣтилъ на небѣ полный мѣсяцъ. Онъ свѣтитъ и на далекія поля, и на прохладные сады, и на темную воду. Но все молчитъ, все пусто подъ небомъ: хоть-бы чиликнула птичка, хоть-бы встрепенулся листокъ на деревѣ или плеснула на водѣ сонная утка. Былъ уже часъ полуночи,— когда засыпаетъ все живое и начинается жизнь недовѣдомая человѣку. Въ это время въ темныхъ садахъ по холодной росѣ качаются некрещеныя дѣти, карабкаются на вишни и скользятъ по лучамъ мѣсяца. На кладбищахъ—недавно похороненные мертвецы, которымъ жаль еще этого свѣта, выходятъ изъ душныхъ могилъ, колышутся на крестахъ въ своихъ саванахъ, какъ въ люлькахъ, и гудятъ на-распѣвъ слова своей подземной рѣчи, такимъ дикимъ голосомъ, что самый мѣсяцъ блѣднѣетъ въ поднебесьи. А вокругъ пруда, по влажнымъ берегамъ, тоже снуются какія-то тѣни; но онѣ такія лег-

кія и слабыя, что не могутъ огласить воздуха своимъ звукомъ; онѣ только движутся взадъ и впередъ туманною зыбью; радуются, что свѣтитъ мѣсяцъ, котораго лучами онѣ питаются; радуются, что нѣтъ вѣтра, который развѣялъ бы ихъ по полямъ и байракамъ.

Не спитъ и Наталка въ этотъ полуночный часъ. Блѣдная какъ тѣнь, сидитъ она на порогѣ своей коморы противъ мѣсяца, и съ тоскою все думаетъ объ Грицькѣ... «Гдѣ-то онъ теперь? Можетъ быть заболѣлъ онъ въ чужой сторонѣ, и никто не спроситъ, что у него болитъ. Можетъ быть съ нимъ случилось какое-нибудь горе, и нѣкому утѣшить его.... Хоть-бы ты, мой милый, прилетѣлъ ко мнѣ яснымъ соколомъ или сизымъ орломъ! О, прибудь, мой милый Грицько! прибудь ко мнѣ хоть на часочекъ... взвесели тоску въ моемъ сердцѣ!»

И вдругъ Грицько сталъ передъ нею.

«Это ты, Грицько!» вскрикнула Наталка, вздрогнувши.

«Я, я, мое сердце! только молчи, ради Бога молчи!»

«Отъ чего же мнѣ молчать? Скажи, мой голубчикъ сизый: какъ это принесъ тебя Богъ ко мнѣ?»

«Все разскажу, только не теперь. Бога ради, молчи; никому даже и не говори, что ты меня видѣла; а то мы пропали!»

Усомнилась Наталка, и стала осматривать его съ ногъ до головы. Но нѣтъ, это онъ, это точно ея Грицъ! Она и радовалась, и вмѣстѣ ей было чего-то страшно. Но вотъ Грицько прижалъ ее къ сердцу,—и любовь заговорила въ ней сильнѣе страха.

Съ того времени, чуть полночь—Грицько приходитъ въ комору къ Наталкѣ, и уходитъ передъ разсвѣтомъ. Такъ прошла недѣля. На восьмой день пріѣзжаетъ изъ Крыму сосѣдъ, выѣхавшій въ дорогу прежде Грицька, и привозитъ отъ него Наталкѣ поклонъ и подарокъ.

«Гдѣ-жь онъ самъ теперь?» спросила смущенная Наталка.

«Я оставилъ его еще въ Крыму—отвѣчаетъ сосѣдъ—но онъ уже скоро будетъ домой.»

Взяла Наталка подарокъ, да и нерада. Кто-жь это, думаетъ она, ко мнѣ ходитъ? Что-то недоброе тутъ замѣшалось! Думала-думала, да и призналась во всемъ матери; а старуха мать тотчасъ пошла къ ворожкѣ.

Покачала головою знахорка, и сѣла опершись на столъ руками; а у матери сердце такъ и замираетъ.

«Недоброе дѣлается»—сказала потомъ ворожка. «Знаешь-ли, голубко, что все это значитъ? Это значитъ, что ваша Наталка черезъ мѣру тосковала по Грицькѣ, такъ тосковала, что подвинула

съ мѣста его душу и вызвала къ себѣ... Да, не дивись! это бываетъ. Душа человѣка чутка: она вѣдаетъ, что дѣлается за сто верстъ, и часто, когда человѣкъ веселится, она даетъ ему знать, что случилось недоброе, и человѣкъ вдругъ дѣлается печаленъ. А если двѣ души затоскуютъ въ разлукѣ, то та душа, которая горячѣе любитъ и сильнѣе тоскуетъ, перекликаетъ къ себѣ другую. Охъ, тогда рѣдко проходитъ безъ бѣды: душа и мертваго и живаго человѣка не любитъ, чтобъ ее вызывали. Но я пожалуй, помогу вамъ, сколько можно. Мы отгонимъ отъ Наталки Грицькову душу; если она воротится въ прежнее мѣсто и въ немъ останется, то слава Богу; если-жь ей не полюбится уже Грицько, такъ она будетъ летать по этому свѣту, пока вызоветъ къ себѣ душу Наталки, и будетъ наводить ее на смерть.»

Ни живая ни мертвая сидѣла старуха мать и почти не слышала наставленій, какія давала ей ворожка, какъ поступить въ этомъ случаѣ.

На слѣдующую ночь Наталка, наученная знахоркою, сѣла на порогѣ лицемъ въ комору, и стала чесать большимъ гребнемъ свои густыя, черныя косы. Скоро позади ея зашелестѣли Грицьковы шаги.

«Что это ты дѣлаешь?» сказалъ онъ недовольнымъ голосомъ.

Наталка молчитъ.

«Перестань, Наталка: не любо мнѣ это!»

Наталка ни слова, и все чешетъ свою косу.

«Перестань же, говорю!» сказалъ онъ такъ грозно, что гребень чуть не выпалъ у нея изъ руки.

Но она все-таки молчитъ. Грицько ударилъ ее въ голову и исчезъ. Въ слѣдующую ночь онъ уже не являлся; не приходилъ онъ и на другую ночь. Наталка успокоилась.

На третій день передъ обѣдомъ сидитъ она на призбѣ. Вдругъ налетѣлъ коршунъ и схватилъ цыпленка. Наталка выбѣжала за ворота. Коршунъ, какъ нарочно, подлетитъ немного, да и сядетъ; а Наталка все гонится за нимъ. Онъ завелъ ее на берегъ пруда, и сѣлъ на бревнѣ, торчавшемъ изъ воды, шагахъ въ пяти отъ берега. Наталка бросается въ воду, и вошедши по поясъ, вдругъ нырнула въ глубь и только черныя косы всплыли на поверхность.—

Старая мать сильно плакала по своей Наталкѣ; ломала руки, ходя по берегу, и проклинала воду, потопившую ея дочь. А слезы скорбящей матери имѣютъ такую силу, что трава, ими смоченная сгараетъ, что вода отъ нихъ высыхаетъ и самый камень разсыпается. Отъ материнскихъ-то слезъ высохъ и Пѣшевцовъ ставъ, и на мѣсто его растянулся дикій пустырь. Печально

вѣетъ онъ сухими кистями высокаго очерета, и глухо шумитъ на немъ густою лозою вѣтеръ. Страшно, говорятъ, ночною порою ходить возлѣ этого мѣста....

II.

О томъ, что случилось съ козакомъ Бурдюгомъ на Зеленой недѣлѣ.

Пришла Зеленая недѣля. Земля нарядилась какъ пригожая панночка. Зеленѣющіе сады облились благовоннымъ молокомъ; поля и огороды красуются цвѣтами и полный хоръ птицъ не умолкаетъ цѣлый Божій день въ воздухѣ, напитанномъ благоуханіемъ цвѣтовъ.

Трудно разсказать, какъ весело у насъ на Троицкихъ святкахъ. Всѣ хаты и дворы уставлены кленомъ, березками, липою; это называется *клеченьемъ*. Вездѣ—нарочно для этого праздника—выметено, вычищено, какъ нельзя лучше. Пройдешь по улицамъ—любо! Разряженныя дѣвушки, какъ полный макъ въ огородѣ, то красуются передъ порогами хатъ, гдѣ онѣ играютъ въ кремяхи и повѣряютъ одна другой свои любовныя

тайны, то кружатся яркою радугой въ хороводахъ. Парубки, то и дѣло, водятся съ музыкою, танцуютъ, веселятся. Куда ни поглядишь, народъ всё прiубраный, приглаженный; даже и старые козаки въ эти дни выходятъ посидѣть за ворота неиначе, какъ въ новыхъ свиткахъ, въ нарядныхъ поясахъ, и съ выпущенными поверхъ свитки бѣлыми воротниками сорочекъ. Теплое, безоблачное небо грѣетъ, свѣтитъ и оживляетъ всю землю. Подъ сѣнью вишень и черемухъ темно и прохладно; а сверху все горитъ, все золотится. Далекiе лѣса синѣютъ, и трудно распознать — облака ли то на краю земли, или лѣса. Вода блеститъ противъ солнца, и никакой глазъ не вынесетъ тѣхъ искръ, которыя сверкаютъ отъ ея поверхности. Все живо, чудно, ненаглядно!

А настанетъ ночь, — повѣетъ свѣжестью, небо засѣется звѣздами, выплыветъ изъ-за деревьевъ мѣсяцъ: тогда — новое раздолье! Тогда дворы и улицы тѣ-же, да не тѣ: все какъ-будто видишь во снѣ или на картинѣ. Здѣсь — вся половина церкви, отъ верху до низу, ярко блеститъ, какъ снѣгъ въ морозную лунную ночь; въ другой сторонѣ — купы садовъ, повиснувши тяжелыми вѣтвями, грѣютъ на мѣсяцѣ свои круглыя вершины; а тамъ — за развалившеюся мельницею, на которой только голыя стропила не-

ясно мелькаютъ въ полумракѣ, что-то синѣетъ и тускло свѣтится. Далеко-далеко потянулась эта сизая полоса: то прудъ—наше сельское море. Надъ прудомъ густо разрослись огромныя, сѣдыя вербы; онѣ тѣсно обступили его, глядятся въ его воду, повиваются утромъ его туманами, умываются вечеромъ его росою и топятъ въ немъ свои дремливыя вѣтви. Изъ-за вербъ виднѣются винокурни; про-межь вербъ свѣтится иногда окно какой-нибудь уединенной хаты, и чуднымъ отраженіемъ играетъ въ глубинѣ воды: какъ-будто огненная метла виситъ на вѣткѣ дерева и бьетъ внизъ разсыпными искрами. А мѣсяцъ серебритъ холодную воду и наводитъ на нее тусклую синеву.

Въ такія чудныя ночи звонкія пѣсни не умолкаютъ у насъ по всѣмъ улицамъ. Имъ вторитъ отголосокъ на прудѣ, какъ-будто русалки, выплывши погулять при мѣсяцѣ, поддѣлываются подъ людскія пѣсни. Порой пронесется шумный хоръ скрыпокъ и бубенъ изъ отдаленнаго конца улицы, и вслѣдъ за тѣмъ промчится толпа гулякъ: они кружатся, они мѣшаются, какъ хороводъ ночныхъ духовъ, и будто летятъ, будто плывутъ по воздуху. Такъ напролетъ проходитъ ночь; и когда мѣсяцъ, зарумянившись и выросши за ночь, станетъ садиться надъ дымчатой водою и броситъ отъ себя багровую

полосу во всю длину пруда, тогда только расходится гулливая молодежь всхрапнуть на часокъ и занять у сна новыхъ силъ и веселья на завтрешній день.

У людей степенныхъ есть свое дѣло, не такое раздольное, но не меньше для нихъ утѣшное. Вышедши изъ обѣдни, они заходятъ домой взять хлѣбецъ, и отправляются въ гости— къ роднымъ, къ пріятелямъ, къ знакомымъ. Тамъ шумятъ веселые разговоры, алѣютъ наливки, носится благоуханнымъ паромъ варенуха; тамъ подгулявши, вздумаютъ и *журавля,* затѣютъ и *чеберячки,* и чего не придумаютъ! Разсказывать про все это, будетъ длинная исторія; а у меня есть другая. Именно, я хочу разсказать вамъ, какая притча случилась съ Воронежскимъ козакомъ Бурдюгомъ на Зеленой недѣлѣ.—

Извѣстно всякому, что по нашему христіанскому обычаю должно праздновать всю Зеленую недѣлю, и что та работа, которая сдѣлана въ праздникъ, никогда впрокъ непойдетъ. Мало-ли бывало примѣровъ, что громъ палилъ стоги сѣна, накошеннаго или нагромаженнаго въ праздничный день! А у одного козака, на самаго Палѣя, загорѣлись на возу копы; да насилу бѣдный успѣлъ выпречь воловъ, а то бы распрощался съ ними на вѣки. Говорятъ, что того огня, который загорится отъ грому, никакая сила человѣческая

погасить не можетъ. Но человѣкъ, видно, такъ уже созданъ, что его научить трудно: не успѣетъ выбраться изъ одного грѣха, и тутъ же лѣзетъ въ другой! Да и самому Бурдюгу было уже наказаніе за работу въ праздникъ. Разъ въ воскресный день везъ онъ сѣно. Только, что-жь? На половинѣ дороги—лужа. Погода была сухая, дождя не было съ недѣлю; и онъ же самъ недальше какъ за часъ, ѣхалъ по этой самой дорогѣ, и не было лужи. Дѣлать нечего: Бурдюгъ воротился назадъ, сложилъ сѣно, и тогда проѣхалъ домой уже по-суху.

Этотъ случай однако скоро забылъ Бурдюгъ, и въ прошедшемъ году на Зеленой недѣлѣ вздумалъ сгрести накошенное до праздника сѣно. Было это на четвертый день праздника. Позавтракавши хорошенько оставшихся отъ вчерашняго дня вареников и пампушекъ, онъ запрегъ въ повозку пару коней (Бурдюгъ былъ себѣ козакъ зажиточный), и поѣхалъ въ свой хуторъ. Ввечеру, когда за коловоротомъ показалась уже пыль, отъ возвращавшагося съ поля стада, и сквозь нее слышно было хлопанье длиннаго батога и извѣстные клики чередника, вся парахвія, въ которой жилъ Бурдюгъ, изумлена была удивительнымъ явленіемъ. Бурдюгъ, который всегда холилъ свою пару лошадей и только изрѣдка пускалъ ихъ рысью, теперь ле-

тѣлъ что-есть духу, самъ на аршинъ подскакивалъ на повозкѣ и безпрестанно длалъ плѣтью коней; а кони неслись какъ стрѣла, и повозка торохтѣла, какъ-будто десять Литовскихъ тарадаекъ бѣжали съ горы. Всѣ старые козаки, сидѣвшіе въ сладкомъ бездѣйствіи за воротами, и молодые хлопцы, игравшіе по дорогѣ въ кегли, вывели одно заключеніе: что случилось что-то необыкновенное; а нѣкоторыя старухи начали уже поговаривать, что онѣ сами видѣли, какъ русалки гнались за Бурдюгомъ.

Смутенъ и невеселъ пріѣхалъ Бурдюгъ домой, сѣлъ въ концѣ стола, и задумался. Маленькій сынъ его, узнавши, что пріѣхалъ отецъ, вбѣжалъ въ хату, верхомъ на палочкѣ; но замѣтивши, что отецъ суровъ, не посмѣлъ рѣзвиться по обыкновенію, поставилъ въ уголъ свою безногую лошадку, робко подошелъ къ отцу и молча заглядывалъ ему въ глаза, будто выпрашивая ласки. Отецъ взялъ его на руки.

«Много, батько, пчелы наносили меду?» спросило дитя.

«Много» отвѣчалъ отецъ, и ни слова.

Замолчало и дитя, видя, что отецъ что-то слишкомъ призадумался.

Скоро смеркло. Подали ужинъ; и когда благоуханный паръ борщу коснулся его обонянія, Бурдюгъ началъ поглядывать веселѣе и наконецъ сказалъ:

«Ну, жинка, теперь я и самъ не буду, и дѣтямъ закажу работать въ праздникъ.» И сталъ разсказывать вотъ что.

«Ѣду, говоритъ, я въ хуторъ. Уже минулъ и Острую Могилу и Кривоносовы Ночвы; въѣзжаю уже въ свой лѣсъ; только нагоняю двухъ человѣкъ. Смотрю: знакомые люди, Маковскіе козаки. «Здравствуйте!» здравствуйте! Слово за слово; и не замѣтилъ я, какъ очутились мы возлѣ хутора и конь ударилъ оглоблями въ ворота. Ну, сторонняго человѣка надо принять! Поднесъ я имъ по чаркѣ настоянки и попотчивалъ медомъ. А я вотъ это, говорю, пріѣхалъ убрать съ пасѣчникомъ сѣно. Хоть оно теперь еще и праздникъ... ну, да Богъ проститъ: такая работа— тажъ гульня! «Вотъ и кстати—сказали козаки— равно намъ нечего будетъ дома дѣлать; мы вамъ поможемъ». Хорошо. Принялись за дѣло; работа идетъ какъ нельзя лучше: копицы то и дѣло выростаютъ одна за другою. Что нужно бы цѣлый день дѣлать, то у насъ родилось въ часъ. Раздумье однакожъ меня взяло: что это за диво? Руки сами такъ и машутъ. Смотрю на козаковъ: что гребнетъ, то и копица! Ну, словомъ сказать, куда-еще рано окончили работу. Видя, что дѣло близится къ концу, я велѣлъ пасѣчнику варить кашу. Не успѣлъ оглянуться— сѣно все сложено какъ слѣдуетъ,

и дѣдъ уже снимаетъ казанóкъ съ треногa. Что за пропасть! подумалъ я: или мнѣ все такъ кажется, или въ самомъ дѣлѣ тутъ что-то недоброе замѣшалось! Вотъ гребцы, положивши на плеча грабли, пошли къ казанку и затянули пѣсню; и вслѣдъ за ними запѣлъ, казалось, весь лѣсъ: березы начали покачиваться и подводить тоненькимъ голосомъ, дубы зашумѣли басомъ, а сосны только сыпѣли надувшись. Что это? слушайте! говорю я гребцамъ, указывая на лѣсъ. «Вѣтеръ» отвѣчали гребцы и засмѣялись; и на далекой степи тоже разсыпался смѣхъ, какъ-будто цѣлая громада козаковъ захохотала. И вдругъ отлегъ у меня отъ головы туманъ, и все стало казаться обыкновеннымъ. Выпивши по чаркѣ, стали мы полдничать. Тутъ опять глаза мои начали глядѣть какъ сквозь сито, и мнѣ почудилось, что деревья сдвинулись около насъ въ кружокъ, наклонились и заглядываютъ въ котелъ. Посмотрѣлъ я на козаковъ: сидятъ незнакомые люди; на нихъ какое-то странное платье; Москали не Москали, наши не наши; сказать-бы Рядичевскіе Нѣмцы—такъ нѣтъ-же! тѣ все таки на людей похожи; а это Богъ знаетъ что такое!.. Тутъ уже страхъ меня пробралъ не на шутку; волосы на головѣ зашевелились; какъ шальной вскочилъ я,–и мнѣ чудилось, что все вскочило за мною и ловитъ меня за полы. Не помню

самъ, какъ сѣлъ я въ повозку; погналъ лошадей. По корнямъ по пенькамъ понесся я безъ памяти. И вдругъ—небо потемнѣло, сквозь деревья мелькнулъ мѣсяцъ и звѣзды. Въ лѣсу что-то воетъ, что-то плачетъ. Деревья колышутся какъ тростникъ. Зажмуривши очи, я гналъ лошадей; но противъ воли видѣлъ, какъ русалки, повиснувъ на верхушкахъ березъ и уцѣпившись за длинныя вѣтви, качаются, стонутъ, съ хохотомъ бросаются подъ ноги лошадямъ; а лошади летятъ, какъ не выскочатъ изъ кожи! Уже-бъ давно пора выѣхать изъ лѣсу; но дорога какъ-будто вытянулась вдвое. Наконецъ яркій свѣтъ ослѣпилъ мнѣ глаза; и когда я прозрѣлъ, передо мною показался Воронежъ: солнце стояло на заходѣ; на улицахъ народъ; и я не опомнился, какъ влетѣлъ въ дворъ.»—

Во все время разсказа, жена Бурдюга сидѣла задумавшись, и потупивъ глаза въ землю, дивилась чудному происшествію. «Да—сказала наконецъ она—страшно!» и поднявши глаза, увидѣла, что никого въ хатѣ нѣтъ; деревянныя тарелки, ложки, хлѣбъ—разбросаны на полу; каганецъ тускло горѣлъ и съ каждымъ мигомъ готовъ былъ потухнуть; печка, стѣны, окна—все покрыто было краснымъ свѣтомъ и дрожало; сквозь растворенную въ другую хату дверь чернѣла страшная темнота. Ужасъ и холодъ пробѣжали

по всему ея тѣлу, она закричала, и бросилась изъ хаты. На улицѣ кто-то схватилъ ее за руку и спрашивалъ: «чего ты кричишь, кума?» Бурдюжиха узнала свою сосѣдку; разсказала ей все происшествіе, и просилась переночевать въ ея хатѣ. Долго распрашивала и удивлялась сосѣдка; потомъ сказала: «послушай, сестрица! теперь мужъ мой пьянъ и не дастъ покою ни мнѣ, ни тебѣ; а коли хочешь, полѣзай ты на хату; тамъ заснешь спокойно; тамъ есть постель; можетъ-быть и я приду къ тебѣ.» Бурдюжиха взобралась по лѣстницѣ на горище, прилегла, и скоро уснула. Когда начало сѣрѣть утро, послышалось ей сквозь сонъ, что кто-то плачетъ. Каково-жь было ея удивленіе, когда она увидѣла, открывши глаза, что сама сидитъ на вишнѣ въ своемъ саду, а подъ вишнею плачетъ маленькой ея сынъ и весь дрожитъ отъ утренняго холоду!—

Послушайте-жь теперь, что было въ это время съ Бурдюгомъ. Когда договорилъ онъ до того, какъ козаки сдѣлались незнакомыми людьми, ему и сыну померещилось, что эти самые люди сидятъ между ними за столомъ, и они бросились бѣжать. Но вотъ что еще удивительнѣе; что Бурдюгъ не разсказывалъ о русалкахъ и прочемъ, а между-тѣмъ все это съ нимъ было, такъ именно, какъ разсказала на другой день жена.

Выбѣжавъ безъ шапки на улицу, долго не зналъ Бурдюгъ, что ему начать: воротиться домой— страшно, а идти къ кому-нибудь на ночь и разсказать о своемъ испугѣ—стыдно. Тутъ кто-то ударилъ его по плечу.

«Здорово, кумъ!»

«Здравствуй, Кондратъ!» отвѣчалъ Бурдюгъ.

«А куда это ты разогнался?»

«Да вотъ наскучило сидѣть дома; хотѣлъ было проходиться къ кому-нибудь, да и самъ не знаю»,—говорилъ Бурдюгъ, стараясь дрожащій свой голосъ сдѣлать спокойнымъ.

Кумъ, казалось, не замѣчалъ и того, что Бурдюгъ безъ шапки.

«Пойдемъ ко мнѣ—сказалъ онъ—ты давно уже у меня не былъ.»

«Пожалуй, пойдемъ!» отвѣчалъ Бурдюгъ, радуясь отъ души его предложенію.

И пошли. Мало по-малу Бурдюгъ успокоился отъ своего испуга, и уже беззаботно смѣялся разсказамъ кума про Литвиновъ, которыхъ тотъ видѣлъ за Десною, когда возилъ въ Новгородокъ продавать хлѣбъ. Между тѣмъ онъ заранъше восхищался, съ какимъ удовольствіемъ выпьетъ у кума кухоль варенухи, а можетъ-быть еще и повечеряетъ. Ночь была свѣтлая. Мѣсяцъ сіялъ надъ ихъ головою и разсыпался серебромъ по огородамъ, по садамъ, по выбѣленнымъ

хатамъ. Глазамъ нашихъ путниковъ представилась плотина; изъ-за нея заблестѣлъ прудъ, весь въ сіяніи. Вотъ и кумовъ дворъ. Входятъ они въ хату: свѣтло, полна хата народу, и музыка играетъ. Извѣстный во всемъ Воронежѣ скрыпачь Ковтунъ, покачивая головою, задуваетъ козачка, присвистываетъ и приговариваетъ. Осанистые старики, подбоченясь, съ важнымъ видомъ работаютъ ногами, выставляя впередъ то одно, то другое плечо; кто удалѣй, тотъ порой пріударитъ и въ-присядку; а краснощекія молодицы, въ парчевыхъ очипкахъ, покачиваясь какъ утки съ бока на бокъ, выступаютъ впередъ, вздрагивая плечми, звеня монистомъ и дукатами, и побрякивая звонкими подковами.

Бурдюга приняли какъ дорогаго гостя. Хозяйка тотчасъ давай потчивать его, сперва настоянкою, а потомъ за ужиномъ и варенухою. Развеселился нашъ старикъ и сталъ отпускать такія балянрасы, что у молодицъ крючки на юпкахъ разстегивались отъ хохоту, а козаки то и дѣло хватались за пояса. Послѣ ужина онъ первый затѣялъ *ручковую* и выбралъ себѣ въ пару не простую какую-нибудь бабу, а чуть-ли не самаго головы невѣстку.

Гульня продолжалась за полночь. Бурдюгъ почувствовалъ, что голова его какъ-будто не держится на плечахъ. Полно уже танцовать:

ноги не поднимаются. Онъ былъ въ силахъ только сидѣть на лавкѣ и кружать варенуху. Около него собрался кружокъ. Стали разсказывать всякую всячину: откуда взялся табакъ, и какъ гонялся чертъ за волкомъ, и какъ Локотской козакъ Цымбалистый три года бѣгалъ вовкулакою.

«Да что-жь это за разсказы?» сказалъ Бурдюгъ, поставивъ на столъ свой кухоль съ варенухою и вытирая свои усы. «То вотъ штука, такъ штука! и недальше какъ сегодня съ мной случилась. Да вотъ, чтобъ я не дождался свѣта Божьяго, коли неправда!»

Тутъ онъ перекрестился... и вдругъ все, что ни было передъ его глазами—гости, музыка, варенуха—все вдругъ исчезло, какъ-будто не бывало! Смотритъ—недалеко отъ него мельница; самъ онъ сидитъ на столпѣ; кругомъ вода; повѣваетъ утренній вѣтерокъ, снуется по водѣ легкій паръ; а подъ другимъ берегомъ прудъ алѣетъ и румянится, отражая въ себѣ востокъ. Страшно! Вотъ только пошевельнись... и какъ разъ полетишь въ воду; а подъ мельницею, говорятъ, такая глубина, что и мѣры нѣтъ! На его счастье, невдалекѣ отъ мельницы, между кустами плюшняку, плавалъ рыбалка Божко.

«Эй, пріятель, помоги!» закричалъ ему Бурдюгъ.

«Что за пропасть! кажется, Ѳедоръ Бурдюгъ?» говорилъ Божко, подплывая къ нему лодкою. «Какой это, свате, не во гнѣвъ тебѣ будь сказано, чертъ взгромоздилъ тебя на эту присоху?»

«Да ужь, видно, не кто другой, какъ сатана сыгралъ со мною эту штуку» отвѣчалъ Бурдюгъ; осторожно спустился въ лодку, и переѣхалъ на берегъ.—

Говорите-жь послѣ этого, что лукавый не воленъ водить за носъ крещенаго человѣка! А все это вѣдь отъ того, что люди не чтутъ праздниковъ Божіихъ и живутъ не по-христіански!

П. КУЛѢШЪ.

1839 г.

МЕТЕЛЬ.

Поздно. Стужа. Кони мчатся
Вьюги бѣшеной быстрѣй.
Ахъ! когда-бы намъ добраться
До ночлега поскорѣй!
У! какъ въ полѣ темно, блѣдно.
Что за страшная метель!
И далекъ ночлегъ мой бѣдной,
Одинокая постель.

Мчуся. Грустно. Злится вьюга
По бѣлѣющимъ полямъ;
И душевнаго недуга
Я постичь не въ силахъ самъ.
То—прошедшее-ль съ тоскою
Смутнымъ чувствамъ говоритъ?
Иль грядущее бѣдою
Мнѣ нежданною грозитъ?...

Пусть все сгибло въ раннемъ цвѣтѣ,—
Рокъ мой мраченъ и жестокъ;
Сладко думать мнѣ: на свѣтѣ
Есть блаженный уголокъ....
И въ полуночи глубокой,
Какъ спѣшу къ ночлегу я,
Можетъ—ангелъ одинокой
Молитъ небо за меня....

В. КРАСОВЪ.

ЮНОША.

Для юноши прекрасенъ Божій міръ.
Вступая въ жизнь, какъ на роскошный пиръ,
Онъ незнакомъ съ сердечною утратой;
Его грядущее надеждами богато.
Какъ милы первыя мечтанія любви,
Какъ упоительны и сладостны они!
Впервые любитъ онъ, и ежели любимъ—
Кто въ счастіи тогда сравниться можетъ съ нимъ!...
Онъ грезитъ славою высокой, неизмѣнной,
И вѣтренной толпы вниманьемъ дорожитъ;
Онъ пылко вѣритъ ей, и сердцемъ къ ней летитъ,
Младенческой мечты поклонникъ ослѣпленный.
Связуемъ дружества сочувствіемъ святымъ
Счастливый юноша, онъ дѣлится съ другимъ
И новой думою, и новою мечтою;
Ему знакома жизнь лишь свѣтлой стороною.

Но есть пора, есть доля на земли,
Гдѣ жизнь не пиръ роскошный и богатый;
Гдѣ дружбы нѣтъ, гдѣ нѣтъ давно любви;
Гдѣ все взяла утрата и утрата;
Гдѣ бѣдствіе вездѣ, на всѣхъ путяхъ;
Гдѣ гордыя мечты о славѣ позабыты,
И гдѣ сосудъ надеждъ разбитый
Уже давно поверженъ въ прахъ!

Н. ТЕПЛОВА.

ВОСПОМИНАНІЕ О ГОРОДАХЪ

ПЕРЕСОПНИЦѢ И ДУБРОВИЦАХЪ.

Въ то время, когда древній Рускій міръ развивался по удѣламъ, между потомками св. Владиміра,—на обширномъ пространствѣ его возникали новые и обновлялись прежніе города. Становясь удѣлами Рускихъ Князей, многіе изъ сихъ городовъ приходили въ цвѣтущее состояніе и становились частными разсадниками Руской жизни и Рускаго духа, заимствованныхъ ими изъ ихъ общаго средоточія—изъ первопрестольнаго Кіева. Неравная судьба постигала потомъ сіи княжескіе города: одни изъ нихъ существуютъ и нынѣ городами разнаго состоянія; на мѣстѣ другихъ стали запустѣлыя урочища; а на долю нѣкоторыхъ досталось среднее званіе мѣстечекъ и простое бытіе сельское. Къ числу послѣднихъ, на правой сторонѣ Днѣпра, принадлежатъ Вышгородъ, Бѣлгородъ, Искорость, Триполье, Межибожъ, Дубровицы, Пересопница. Три первые находятся близко Кіева; а остальные на Волыни. Менѣе всѣхъ, кажется, теперь пользуются извѣстностью Пересопница и Дубровицы; но потому имен-

но прежде всего и можно вспомнить объ нихъ, предпринимая вызвать изъ забвенія давнопрошедшую старину городовъ Южнорускихъ.

I.

О Пересопницѣ и владѣвшихъ ею Князьяхъ.

Пересопница находится въ Луцкомъ уѣздѣ Волынской губерніи, на рѣчкѣ Стублѣ, впадающей съ лѣвой стороны въ рѣку Горынь. О времени, когда начался этотъ городъ, мы не знаемъ ничего, какъ и о началѣ многихъ городовъ. Имя Пересопницы чисто-Словенское, и происходитъ отъ стариннаго Южнорускаго слова *пересопъ* [1], т. е. земляная валовая насыпь. Еще и теперь возлѣ Пересопницы и въ другихъ близкихъ мѣстахъ тянутся отрывки валовыхъ насыпей, которыя вѣроятно въ древнее время служили не столько укрѣпленіемъ, сколько границею для какой нибудь Южнорускои области. Посему можно предполагать, что Пересопница нѣкогда была городкомъ пограничнымъ.

Въ лѣтописяхъ нашихъ она является, какъ городъ Кіевской области, уже въ 12 вѣкѣ, —въ то самое время, когда завязалась сильная *усоби–*

ца между потомками Мономаха за великокняжескій Кіевскій престолъ, которымъ послѣ Мстислава Владиміровича Великаго завладѣлъ сынъ его Изяславъ. Мономаховы сыновья—Туровскій Князь Вячеславъ Владиміровичь и Суздальскій Князь Юрій Долгорукій считали за собою болѣе права владѣть Кіевомъ, и ополчились на своего племянника. Престарѣлый Вячеславъ, оставивъ Туровскіе города свои, занялъ города Кіевской области; но Изяславъ, съ помощію брата своего Ростислава Князя Смоленскаго, отнялъ эти города, завладѣлъ городами Туровскими; а Вячеславу предоставилъ княжить въ Пересопницѣ, придавъ къ ней Дорогобужъ Волынскій. Такимъ образомъ Пересопница въ 1146 году стала удѣльнымъ городомъ *Вячеслава Владимгровича*, который и княжилъ въ ней по 1150 годъ.

Въ это время Пересопница была, такъ сказать, средоточіемъ военныхъ и мировыхъ дѣйствій, происходившихъ тогда въ Южной Руси между Князьями.—Изяславъ, изгнанный изъ Кіева Юріемъ, искалъ чужой помощи у своего зятя—Венгерскаго Короля Гейзы, у Чешскаго Короля Владислава, и у своего свата—Польскаго Короля Болеслава Кудряваго. Отъ перваго было прислано ему 10,000 Венгерцевъ; а послѣдній пришелъ самъ съ своею ратью и съ братомъ своимъ *Индрихомъ*, т. е. Генрихомъ. Послѣ

пира, заданнаго Изяславомъ во Владимірѣ Волынскомъ, они выступили было въ походъ; но союзники Изяславовы, узнавъ, что въ Пересопницѣ соединился уже съ Княземъ Вячеславомъ братъ его Юрій Долгорукій, и что къ нимъ на помощь идетъ еще Владимірко Галицкій, отказались отъ битвы и хотѣли было примирить враждовавшихъ Князей. Но ни Юрій не соглашался на миръ, ни Изяславъ не хотѣлъ отказаться отъ битвы, и вскорѣ рѣшился на нее самъ. Произошла сильная и долгая осада Луцка, въ которой особенно отличился мужествомъ Андрей Юрьевичь Боголюбскій, и похоронилъ съ честью на берегу Стыра своего вѣрнаго коня, вынесшаго его изъ опасности и подъ нимъ убитаго. Изяславъ призналъ себя виновнымъ и просилъ мира; Владимірко и Андрей склонили на то Юрія; и побѣжденный племянникъ былъ позванъ къ своимъ дядямъ, и сидѣлъ съ ними на одномъ коврѣ въ Пересопницѣ. Юрій Долгорукій вмѣстѣ съ побѣдою праздновалъ и свадьбу двухъ дочерей своихъ. Вячеславу предоставили Кіевъ и отдали Вышгородъ; Изяславу Владиміръ Волынскій; а княжившій дотолѣ въ Вышгородѣ *Глѣбъ Юрьевичь* получилъ (1150 г.) въ удѣлъ Пересопницу, въ которой и княжилъ до 1153 года.

Въ этомъ году онъ получилъ въ удѣлъ Кня-

жество Переяславское, отъ отца своего Юрія, сдѣлавшагося наконецъ, по смерти Вячеслава и Изяслава, Великимъ Княземъ Кіевскимъ,—чего онъ такъ добивался, сколько по общему тогда влеченію старшихъ Князей владѣть *золотымъ столомъ* Кіева, столько и по особенной любви своей къ землѣ Кіевской, преимущественно называвшейся тогда *Русью.*

Пересопницу,—укрѣпленную въ промежуткѣ сего времени Андреемъ Боголюбскимъ, управлявшимъ Волынскою областью,—Юрій въ 1156 году отдалъ въ удѣлъ своему племяннику *Владиміру Андреевичу,* вмѣстѣ съ Дорогобужемъ и всѣми *Погорынскими* городами, не могши добыть для него Владиміра Волынскаго.—Княжилъ-ли въ Пересопницѣ Василій Юрьевичь, около 1160 года—мнѣ неизвѣстно [2].

Съ этой поры наши лѣтописи на полвѣка замолкаютъ о Пересопницѣ, и уже подъ 1208 годомъ говорятъ онѣ объ удѣльномъ Пересопницкомъ Князѣ *Мстиславѣ Ярославичѣ Нѣмомъ,* внукѣ Изяслава Мстиславича. Въ этомъ году Галичане звали къ себѣ Мстислава на княженіе и на избавленіе ихъ отъ своего *томителя,* Венгерскаго вельможи Бенедикта. Но походъ Мстислава былъ неудаченъ: онъ—только постоялъ на *Галичиной могилѣ.* Сей Князь, по своей великой любви къ покойному Роману

Галицкому, весьма любилъ юнаго сына его Даніила. Въ 1211 году, вступившись за него противъ Игоревичей, онъ способствовалъ къ возведенію его на престолъ Галицкій; наблюдалъ за Даніиломъ и въ роковой битвѣ съ Татарами на рѣкѣ Калкѣ, гдѣ этотъ отважный и крѣпкій юноша сражался, не чувствуя своей раны; и наконецъ, передъ смертію своею 1226 года, Мстиславъ Нѣмый отдалъ въ наслѣдство *Даніилу Романовичу* Пересопницу, вмѣстѣ съ своими городами Луцкомъ и Черторыйскомъ.

Даніилъ въ то-же время (1227 г.) передалъ Пересопницу въ княженіе своему младшему брату *Васильку Романовичу,* неразлучному его сподвижнику, противу Ятвяговъ и Литовцевъ, нападавшихъ на города Волынскіе, въ отмщеніе отцу ихъ Роману, про котораго говорили: «зле Романе робишь, што Литвиномъ орешь». Около Пересопницы Литва воевала въ 1246 году; и послѣ этого не имѣемъ уже о семъ городѣ никакихъ извѣстій до конца 15-го вѣка.—

Въ продолженіе этихъ двухъ съ половиною вѣковъ произошли новыя и важныя перемѣны въ Рускомъ мірѣ. Восточная половина его образовалась въ единодержавное, самобытное *Руское Царство,* средоточіемъ коего была Москва, и которое потому называлось *Государствомъ Московскимъ.* Большая часть Западной Руси,—

именно, вся Бѣлая и Черная Русь съ землицею собственно-Литовскою, и Восточная половина Южной Руси,—составились въ другое сильное и до 1569 г. самостоятельное Руское Княжество, которое называлось *Великимъ Княжествомъ Литовскимъ,* и котораго столицею была Вильна. Остальная, Западная часть Южной Руси, называемая *Червоною Русью,* около ста лѣтъ еще послѣ нашествія Татарскаго существовала независимымъ *Княжествомъ Галицкимъ.* Но по смерти Болеслава Тройденовича, ненадолго завладѣвшаго симъ Рускимъ Княжествомъ, его присвоилъ себѣ Польскій Король Казиміръ Великій и обратилъ въ *Руское Воеводство.* Эта участь постигла бѣдный Галичь ровно за 500 лѣтъ передъ симъ, въ томъ-же 1340 году, въ которомъ скончались еще два Князя: Іоаннъ Калита—основатель Великаго Княжества Московскаго, и Гедиминъ—соединитель Западнорускихъ Княжествъ въ одно Великое Княжество Литовское. Въ это время, безъ сомнѣнія, въ составъ сего послѣдняго Княжества вошла и Пересопница, вмѣстѣ съ другими городами Волынскими, принадлежавшими къ Галицкому Княжеству.

Съ размноженіемъ Гедиминова рода въ Западной Руси, произошли въ ней многія новыя Княжеско-Руския фамиліи. Къ числу оныхъ принадлежали, какъ извѣстно, и *Князья Черторый-*

скіе, потомки Константина-Коригайла Ольгердовича, во владѣніе коего достался древній Волынскій городъ Черторыйскъ.

Внукъ сего перваго Князя Черторыйскаго, Бряцлавскій Староста *Михайло Васильевичь,* получилъ отъ Свидригайла Клевань, и съ него Князья Черторыйскіе начали называться *Князьями на Клеваню.*— Сынъ его, Луцкій Староста Князь *Ѳедоръ Михайловичь Черторыйскій,* получилъ во владѣніе и Пересопницу, около начала 16-го вѣка, отъ Короля Александра.

Можетъ быть сей новый владѣтель Пересопницы былъ основателемъ въ ней и Православнорускаго монастыря, называвшагося *монастыремъ Пересопницкимъ.* Къ сожалѣнію, мы нигдѣ не нашли подробныхъ извѣстій о монастырѣ семъ; и узнали объ немъ только то, что онъ былъ мужескій монастырь, находился при церкви Рождества Богородицы, въ половинѣ 16-го вѣка былъ на степени Архимандріи и существовалъ до 1630 года. Остался еще одинъ весьма замѣчательный памятникъ просвѣщеннаго благочестія, которое велось въ монастырѣ Пересопницкомъ и между тогдашними Православными Князьями Волынскими: это—переложеніе четырехъ Евангелистовъ съ языка Церковнословенскаго на тогдашній *письменный* языкъ Южнорускій или вообще *Западнорускої,* состо-

ящій изъ соединенія Церковнословенскаго языка съ народнымъ Южнорускимъ. Сіе переложеніе *устроено* Пересопницкимъ Архимандритомъ *Григоріемъ* [3]. Оно замѣчательно уже потому, что кромѣ извѣстнаго перевода Библіи, сдѣланнаго въ началѣ 16-го столѣтія Виленскимъ Докторомъ Скориною, и мало еще извѣстнаго [4] перевода Ветхаго Завѣта, хранящагося (въ спискѣ 16 столѣтія) въ библіотекѣ Львовскаго Васильевскаго монастыря,—нѣтъ другихъ переводовъ Священнаго Писанія на языкъ Западнорускій. Единственный списокъ сего Евангелія,—писанный 1556-61 г. тщательнымъ уставомъ на 482 пергаминныхъ большихъ листахъ,—хранится нынѣ въ Переяславской монастырской библіотекѣ.

Переписчикъ сего Евангелія—«*Михайло Васильевичь* сынъ Протопопы Саноцкаго»—говоритъ въ послѣсловіи, что оно писано [5] «накладомъ (*иждивеніемъ*) благовѣрной и христолюбивой Княгинѣ Козминой Ивановича Жеславской, Княгинѣ Параскевгіи възваной Настасѣ Юревны Голшанского; при благовѣрномъ и христолюбивомъ Князю Іоанне Федоровича Чръторыйскомъ, зятю еи милости; и при благовѣрной и христолюбивой Княгинѣ его Евдокіи».

Владѣвшій въ это время Клеванью, Бѣлградомъ (Бѣлевымъ) и Пересопницею Князь *Иванъ Ѳедоровичь* Черторыйскій умеръ послѣ

1569 года. Старшій сынъ его *Иванъ* ратовалъ уже подъ знаменами Баторія; а меньшой сынъ *Юрій* и двѣ дочери—Катерина и Елена—оставались на рукахъ овдовѣвшей матери своей—*Евдокіи Козминичны,* урожденной Княжны Жеславской. Сія Княгиня, наслѣдовавшая благочестіе своей матери Настасіи Юрьевны, пеклась о воспитаніи молодаго Юрія, утверждала его въ правовѣріи праотеческомъ, и для окончательнаго образованія рѣшилась послать его въ Вильну, къ ученому обществу Езуитовъ. Объ этомъ намѣреніи своемъ она писала Князю Андрею Михайловичу Курбскому, который въ то время жилъ на Волыни, получивъ тамъ во владѣніе городъ Ковель, почему и подписывался—«Княжа на Ковлю». Сей просвѣщенный потомокъ Владиміра Мономаха, знаменитый герой Казанскій и бѣглецъ Московскій, сдѣлавшись гражданиномъ Западной Руси, ревностно оберегалъ ея древнее Православіе, подъ которое уже подкапывались Езуиты Польскіе, и сильно говорилъ своимъ Западнымъ братьямъ о древней Руской доблести, уже начинавшей ослабѣвать въ нихъ, отъ *печенѣжества* и *пированій,* которымъ стали предаваться они, по примѣру вельможныхъ пановъ Польши. Весьма любопытны замѣчанія о семъ въ его *Исторіи;* а равно и его письма Князю Острожскому,

Евстафію Воловичу и другимъ лицамъ. Вотъ что писалъ онъ въ отвѣтъ вдовѣ Ивана Черторыйскаго [6].

«Честнѣйшей госпожѣ, велеможной и свѣтлой въ родѣ, паче же во правовѣрію свѣтлѣйшей и вдовства чистотою сіяющей, отъ насъ покорное поклоненіе честности твоей: да будеши здрава со возлюбленными чады твоими! А за то благодаримъ велицѣ, яко твоя честность писала къ намъ, иже сынъ твой во страсѣ Божіемъ и во правовѣріи праотеческомъ утвержденъ и охоту маетъ ко Священнымъ писаніямъ, и что дивнѣйшаго, иже въ таковомъ юномъ вѣку къ таковымъ прилежитъ, послушающе Христа своего, яко Онъ реклъ: *испытуйте писанія, въ нихъ же обрящете животъ вѣчный.* Сихъ бо ради во юношескія души вселяется благодать духовная отъ младости, и егда во совершенный возрастъ достигнутъ, бываютъ съ нихъ мужи велицы и знамениты; егдажъ не утѣснятся во утробахъ, доброрымъ произволеніемъ бываютъ, и съ небесъ свѣта и образи добротъ и церковные поборники зацныхъ родовъ своихъ похвалами. Господи Іисусе Христе Боже нашъ! соверши въ таковыхъ того младенца! А еже твоя милость писала еси къ намъ, еже хощеши послати его до Вильни, до Римскаго закона честныхъ презвитеровъ Езуитовъ: и то умышленіе твое похвально. Но всяко

не хощу тя утаити, яко слуга и пріятель твой, во всемъ тебѣ доброхотный, иже многіе родители были дали имъ, яко княжатскихъ родовъ, такъ и шляхетскихъ и честныхъ гражданъ, дѣтки своя учити наукомъ вызволеннымъ, яко слышимъ отъ нѣкоихъ: но они ненауча, первѣе, мало не всѣхъ, въ неразумномъ еще будучи вѣку, намовя ихъ хитролестнѣ, отлучили отъ правовѣрія и покрестили во свое полувѣріе, яко Крошинскаго Князя сыночковъ, и другихъ. И того ради многіе отцы отъ нихъ дѣти свои паки отобрали: бо они ненавистники и противники зѣло великіе нашему правовѣрію»... и т. д.

Курбскій недаромъ опасался за воспитаніе молодаго Князя у Езуитовъ: *Юрій Ивановичь*, по свидѣтельству Нѣсецкаго, былъ первый изъ дома Князей Черторыйскихъ, который отступилъ отъ предковской вѣры и сдѣлался Католикомъ. Сей Князь, жившій еще въ 1616 году, заблагоразсудилъ принадлежавшую ему Пересопницу уступить родной сестрѣ своей *Еленѣ*, бывшей за Горностаемъ; а сія новая владѣлица Пересопницы передала ее во владѣніе Православному монастырю Пересопницкому.

Эта передача была весьма не по мысли Волынскому Воеводѣ Князю *Николаю Юрьевичу Черторыйскому*, который былъ уже преданъ Езуитамъ, весьма благотворилъ имъ, и за то былъ превоз-

носимъ отъ нихъ и называемъ «Societatis Jesu amantissimus».

По смерти своего отца Юрія, Князь Николай Черторыйскій просилъ Жигимонта III-го возвратить ему Пересопницу съ монастыремъ и обратить ихъ на пользу устроенной имъ въ Клевани Езуитской Коллегіи свѣтскихъ ксензовъ, называвшихся Мансіонаріями.

На сіе послѣдовала Королевская грамота, данная на Латинскомъ языкѣ въ Варшавѣ 1630 г. Іюня 22. По силѣ этой грамоты уступка и передача Пересопницы, сдѣланныя Княземъ Юріемъ Черторыйскимъ и его сестрою Еленою, признаны незаконными и уничтожены; а Православный Пересопницкій монастырь, со всѣми его зданіями, маетностями и пожитками, отданъ во всегдашнее владѣніе Клеванской Езуитской Коллегіи.

Послѣ такой перемѣны Пересопница постепенно упадала; и наконецъ обратилась въ деревню, предоставленную Клеванскому пробощу или ксензу, который и нынѣ состоитъ владѣтелемъ Пересопницы.

Такова судьба сего, нѣкогда удѣльнаго города Рускихъ Князей!

Что касается до потомковъ Князей Черторыйскихъ, то они продолжали пребывать уже въ Католичествѣ. Не смотря однако на перемѣну

вѣры, имена сихъ Князей нѣкоторое время были еще вносимы въ православные помянники, въ которыхъ прежде вписывался ихъ знаменитый родъ; да и сами Князья Черторыйскіе въ этихъ помянникахъ вписывали потомъ свои Польскія имена, желая себѣ церковнаго поминовенія вмѣстѣ съ своими Православнорускими предками. [7]

II.

О Дубровицахъ и Князьяхъ Дубровицкихъ.

Древній Волынскій городъ *Дубровицы* составляетъ нынѣ мѣстечко, Волынской губерніи Ровенскаго уѣзда, называемое *Домбровицею* [8]. Ни наши древнія лѣтописи, ни хроники послѣдующихъ временъ ничего не говорятъ особо объ этомъ городѣ, и онъ—по своему положенію на рѣкѣ Горыни—вѣроятно числился подъ общимъ названіемъ *городовъ Погорынскихъ*. При всемъ этомъ изъ нашихъ-же древнихъ лѣтописей открывается, что Дубровицы были уже удѣльнымъ княжескимъ городомъ въ исходѣ 12-го вѣка; ибо сохранилось извѣстіе о двухъ удѣльныхъ Князьяхъ Дубровицкихъ.

Первый изъ нихъ былъ *Глѣбъ Юрьевичъ*, правнукъ Михаила-Святополка. Въ 1284 году онъ участвовалъ въ славной Ерельской побѣдѣ Святослава Всеволодовича Кіевскаго надъ Половецкимъ Ханомъ Кобякомъ. Другой Князь Дубровицкій былъ *Александръ*, извѣстный своею погибелью въ 1224 году, на рѣкѣ Каялѣ или Калкѣ, гдѣ такъ несчастливо началъ борьбу съ Татарами *Удатный* Князь Мстиславъ Мстиславичь. Между тѣмъ, какъ сей Князь бѣжалъ Днѣпромъ, а вслѣдъ за нимъ разсѣялись и другіе Князья—Мстиславъ Романовичь Кіевскій, съ зятемъ своимъ Андреемъ и съ Александромъ Дубровицкимъ, защищались три дни, укрѣпясь на каменистомъ берегу Калки. Вѣроломные Бродники обманули ихъ и выдали Татарамъ,— которые, взявши этихъ трехъ Князей, подложили ихъ подъ доски, сами сѣли сверху обѣдать, и такъ мучительно прекратили ихъ жизнь.

О дальнѣйшей участи города Дубровицъ можемъ съ вѣроятностью сказать только вообще, что онъ, также какъ Пересопница и прочіе Волынскіе города, вошелъ въ составъ Литовскаго Княжества въ 14-мъ вѣкѣ, и достался—какъ мнѣ кажется—сначала во владѣніе Князей Голшанскихъ, а потомъ сдѣлался владѣніемъ особыхъ Князей Дубровицкихъ. Объ этихъ Князьяхъ также слишкомъ мало сохранилось извѣстій у исто-

риковъ и родослововъ Польскихъ, а происхожденіе сей княжеской фамиліи покрыто совершенною неизвѣстностью.

Мы съ своей стороны предложимъ нѣсколько дополнительныхъ свѣдѣній, и соображая оныя, попытаемся разрѣшить нѣсколько вопросовъ относительно фамиліи *Князей Дубровицкихъ,* неменѣе другихъ для насъ замѣчательной.

Нѣсецкій (въ своей *Коронѣ Польской,* Т. IV стр. 689.), излагая родословіе Князей Заславскихъ или Жеславскихъ, пишетъ, что онъ нигдѣ не могъ вычитать, кто была супругою Каменецкаго Старосты Козмы Ивановича Жеславскаго. Но изъ вышеприведеннаго послѣсловія къ Пересопницкому Евангелію мы уже видѣли, что за Княземъ симъ была Княжна *Настасія Юрьевна Голшанская.*

При этомъ имени раждается другой, для насъ болѣе важный вопросъ: не была ли сестрою сей благочестивой Княгинѣ *св. Юліанія Юрьевна Княжна Голшанская,* о которой (какъ замѣчено выше на стр. 164) нѣтъ никакихъ біографическихъ извѣстій, и даже неизвѣстно время когда жила она?—Выходя изъ сей первой мысли, мы возвращаемся къ ней и послѣ другихъ соображеній, и полагаемъ, что св. Юліанія жила неранѣе первой половины 16-го вѣка.

Это оправдывается отчасти уже тѣмъ, что св.

Юліанія, по свидѣтельству Четь-Минеи, первоначально погребена была въ Печерскомъ монастырѣ *при стѣнѣ церковной,* возлѣ придѣла Іоанна Богослова. Сей придѣлъ неранѣе, какъ въ концѣ 15-го или въ началѣ 16-го вѣка, могъ быть пристроенъ къ Великой Печерской церкви; ибо и церковь сія возобновлена только въ 1470 году.

Въ половинѣ 15-го вѣка былъ Князь Юрій Семеновичь Голшанскій, способствовавшій въ 1440 году къ возведенію Казиміра на Великокняжескій Литовскій престолъ. Но сей Князь не могъ быть отцемъ Настасіи Юрьевны, жившей еще въ 1561 году; слѣдственно—былъ другой Князь Юрій Голшанскій, жившій позднѣе. Объ немъ не говорится нигдѣ; но мы, кажется неошибочно, угадываемъ его въ *Князѣ Юріѣ Дубровицкомъ,* коего имя находимъ, въ числѣ благотворителей Лавры, въ прежнемъ Печерскомъ помянникѣ, напечатанномъ въ Тератургимѣ, и который, по всей вѣроятности, былъ тотъ самый Юрій Дубровицкій, что въ 1503 году сражался съ Татарами [9]. Сего Князя Юрія мы почитаемъ и отцемъ двухъ Княженъ Голшанскихъ—святой Юліаніи и благочестивой сестры ея Настасіи Юрьевны. Къ такому заключенію приводитъ то обстоятельство, что Кальнофойскій, въ своей надписи надъ мощами св. Юліа-

ніи, именуетъ ее: *Юлiанiею Юрьевною Дубровкою, Княжною Голшанскою.*

Очевидно, что въ этомъ двойственномъ прозваніи имя *Дубровской* (Dąbrowska) положено вмѣсто *Дубровицкой,* подобно тому, какъ въ Воскресенскомъ Лѣтописцѣ удѣльный Князь Александръ Дубровицкій названъ Княземъ *Дубровскимъ.* Въ Западной Руси особыхъ Князей *Дубровскихъ* или Домбровскихъ небыло.—

Болѣе всѣхъ Князей Дубровицкихъ извѣстенъ Князь *Иванъ,* бывшій Воеводою Кіевскимъ съ 1542 года, а потомъ съ 1544 года Воеводою Троцкимъ, и скончавшійся въ 1549 году. Безъ сомнѣнія, это тотъ самый Иванъ Дубровицкій, что въ 1530 году собралъ ополченіе противъ Татаръ и разбилъ ихъ. Изъ Кіевскихъ актовъ 16-го вѣка мнѣ извѣстно достовѣрно, что сей Кіевскій Воевода, обыкновенно называемый только *Княземъ Дубровицкимъ,* удерживалъ въ своемъ титулѣ также двойственное прозваніе и подписывался еще *Княземъ Голшанскимъ.*

Изъ приведенныхъ примѣровъ, что Князья Дубровицкіе именовались Князьями Голшанскими, можно, мнѣ кажется, вывесть заключеніе, что они составляли особую отросль Князей Голшанскихъ, назвавшуюся Дубровицкими, по городу Дубровицамъ,—подобно тому, какъ отросль Князей Острожскихъ назвалась Князьями Же-

славскими или Заславскими, по городу Жеславу или Заславлю, доставшемуся на ихъ долю, при раздѣлѣ вотчинныхъ и дѣдичныхъ владѣній.

Происхожденіе фамиліи Князей Дубровицкихъ отъ Князей Голшанскихъ можно полагать непозже половины 15-го вѣка; ибо въ концѣ сего вѣка упоминается уже *Княжна Дубровицкая,* бывшая за Княземъ Василіемъ Сангушкомъ.

Изъ Исторіи Карамзина (Т. IX, пр. 532) знаемъ еще объ одной неназванной по имени *Княгинѣ Дубровицкой,* двоюродной сестрѣ Евстафія Воловича: на ней женатъ былъ Князь Андрей Михайловичь Курбскій, и имѣлъ за нею приданымъ городъ Дубровицы съ повѣтомъ.—

Кто владѣлъ этимъ городомъ послѣ Курбскаго, и какимъ путемъ перешелъ онъ наконецъ въ нынѣшнія руки, и когда обратился въ мѣстечко *Домбровицу*—объ этомъ я еще не разыскивалъ.

Что касается до потомковъ Князя Курбскаго, то они въ 17-мъ вѣкѣ имѣли свои помѣстья уже въ Витебскомъ Воеводствѣ, и—наравнѣ съ потомками другихъ Князей и дворянъ Западнорускихъ, были уже Католиками. Но Руская кровь знаменитаго Князя отозвалась въ своихъ правнукахъ и отряхнула съ себя случайно навѣянный призракъ народности Польской. Извѣстно, что въ 1686 году Князья Александръ и Яковъ Курб-

скіе, правнуки Андреевы,—по согласію своего отца Князя Кашпера Курбскаго, переѣхали въ Москву, вступили въ вѣчное подданство Рускимъ Царямъ и приняли Православную Вѣру. Сими Князьями окончился знаменитый родъ Князей Курбскихъ... но окончился возвращенный къ своей праотеческой Вѣрѣ и своей настоящей отчизнѣ—*Святорускої* землѣ, какъ называлъ ее доблестный Князь Андрей Курбскій. [10]

М. МАКСИМОВИЧЪ.

1840 г.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1.—Не знаю, существуетъ-ли еще въ живомъ языкѣ слово *пересопъ;* но я встрѣчалъ его въ Кіевскихъ межевыхъ актахъ 17-го вѣка.—*Переспа*, возлѣ Новагорода-Сѣверскаго, о коей упоминается въ Кіевской Лѣтописи подъ 1146 годомъ, означаетъ *пересыпь*, нанесенную водою.

2.—Митрополитъ Евгеній (въ прибавленіяхъ къ *Кіевскому Синопсису*. К. 1836) полагаетъ слѣдующій рядъ Удѣльныхъ Князей Пересопницкихъ: «Глѣбъ Юрьевичъ съ 1150.—Василій Юрьевичъ около 1160.—Владиміръ Андреевичъ.—Мстиславъ Ярославичъ въ 1211 г.»—

3.—Что *Переписчикомъ* былъ *Михайло Васильевичъ*, объ этомъ самъ онъ повторяетъ нѣсколько разъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ Евангелія; но онъ нигдѣ не говоритъ, что бы сіи, его *рукою*

дописанныи, выписанныи, исписанныи книги, были отъ *него*-же и *выложены* или *перекладены изъ языка Блъгарскаго на мовоу Роускоую.* Между тѣмъ онъ говоритъ, что сіи книги, въ такомъ видѣ какъ отъ него списаны,— «*устроены* кроткымъ смиренным и Боголюбивимъ Ермонахомъ Григоріемъ Архимандритомъ Пересопницкимъ» —что «тое все радою, пилностію и прилежаніемъ вышше реченного монаха Григорія Архимандрита Пересопницкаго *постановленно* есть» —наконецъ «протожъ выше реченный смиренный Архимандритъ Григоріе имелъ пилность и любовъ къ писанію сеи книгы, которая для пилности и любве его съвръшилася.» Уже изъ этихъ выраженій, кажется, болѣе слѣдуетъ, что Евангеліе переводилъ самъ Архимандритъ Григорій, а Михайло Васильевичь подъ его руководствомъ только переписывалъ.—Впрочемъ магистръ Бодянскій въ своихъ путевыхъ замѣткахъ о семъ Евангеліи (см. *Ж. Мин. Нар. Пр.* 1838 кн. 5) полагаетъ, что переписчикъ онаго былъ вмѣстѣ и переводчикъ.—Вѣроятно потому только, что этотъ переводчикъ (?) Евангелія былъ изъ Санока, города Галицкаго, Бодянскій заключилъ, что языкъ переведеннаго Евангелія есть «чисто Южнорускій языкъ, преимущественно Русинскій, которымъ говорятъ въ прежней Червенной (Червленой' Красной), нынѣ Галицкой Руси, съ небольшою примѣсью Церковно-книжныхъ словъ.» Изъ самаго текста Евангелія никоимъ образомъ нельзя различить, на какую *Рускую мову* переложено оно—на Волынскую, Галицкую или Кіевскую? тѣмъ болѣе, что языкъ перевода не народный Южнорускій, а искуственный, письменный.

4.—Объ этомъ переводѣ знаемъ изъ *Русалки Днѣстровой*, напечатанной *у Будимѣ* (въ Венгріи) 1837 г.,—въ которой помѣщена «Коротка Вѣдомость о Рукописах Славянскихъ и Рускихъ находящих ся в книжници монастиря св. Василія Вел. у Львовѣ». Написавшій эту Вѣдомость *Ярославъ Готовацкій* говоритъ, что сія *Библія Старого Завѣта*, состоитъ изъ 7038 листовъ, но безъ начала и конца; что ее писалъ *Дмитро изъ Зѣнкова Писарчикъ*, въ 1576 году и позднѣе,—и что она переведена прямо *съ Еврейскаго* на *Рускій* языкъ, однако весьма смѣшанный *съ Славянскимъ*.—

5.— Переписчикъ говоритъ въ послѣсловіяхъ, 1) что сіи— «зоуплна выписаныи книги четырехъ Евангелистовъ, выложеныи изъ языка Блъгарскаго на мовоу Роускоую—соуть доконаны в лето тысячное *561*, на память усѣкновенія святаго и славнаго Пророка и Предитечѣ и Крестителя Господня Іоанна, мѣсяца Августа *29* дня;— а почалося есть писати сіе Евангеліе рокоу *1556*-го, мѣсяца Августа *15*, на день Пречистыя нашея Богородица и приснодѣвы Маріа» —2) что оно писано частію при «церкви Рождества Богородична монастыря Пересопницкаго» — частію «В девоци (*дѣвичьемъ*) монастыри Жеславскомъ, при церкви святыя и живоначалныя Троица».—

Отсюда узнаемъ о существованіи Жеславскаго Троицкаго женскаго монастыря,—для котораго, безъ сомнѣнія, и было списано сіе Евангеліе, на иждивеніи Настасіи Юрьевны,—и въ которомъ она, можетъ быть, была инокинею или настоятельницею подъ именемъ *Параскевія*—подобно тому, какъ Княжна Серафима Корецкая была настоятельницею своего Корецкаго монастыря. (въ Бѣлевскомъ помянникѣ 16-го вѣка изъ рода Князей Черторыйскихъ поминаются: *скимница Княгиня Маремiяна, скимница Княгиня Настасія*, вслѣдъ за нею *Княжна Евдокея*; потомъ еще *скимница Марья*.)

6.— См. изданныя Устряловымъ *Сказанія Князя Курбскаго*. Спб 1833 г. въ 8. Ч. 2 стр. 203.—Издатель не опредѣлилъ къ какой Черторыйской писано сіе письмо, и предполагалъ: не къ Магдаленѣ ли Деспотовнѣ, вдовѣ Князя Ивана Вишневецкаго? (ч. 2. стр. 293).—Но сія Княгиня, по смерти своего перваго мужа, была за Александромъ Θедоровичемъ Черторыйскимъ, слѣдственно она названа была-бы *Александровою Черторыйскою* (по тогдашнему обычаю называть женъ не только по фамиліи, но и по имени мужей ихъ,—наприм. *Княгини Козминой Ивановича Жеславской*); притомъ ни откуда не видно, чтобы отъ нея были сыновья у Александра Черторыйскаго; а его сынъ *Михаилъ* въ то время былъ уже очень возрастенъ. Надписаніе Курбскаго *Ивановой Черторыйской* прямо указываетъ на вдову Ивана Θедоровича Черторыйскаго—Княгиню *Евдокію* (которая у Нѣсецкаго, Т. IV стр. 689—именована *Анною*). Всѣ остальныя обстоятельства совершенно сходятся съ

таковымъ заключенiемъ; почему я и предлагаю оное, какъ несомнѣнное.

7.— При церкви, находящейся въ Бѣлёвѣ (возлѣ Клевани) хранится *помянникъ*, церковными буквами писанный въ половинѣ 16 го вѣка. Въ началѣ онаго вписанъ «Родъ Князей Чорторыскихъ» начиная съ Князя Константина. Рядъ именъ заключается слѣдующими именами: «Князя Юрья, Мниха Князя Андрея, Княжну Еленоу, Князя Миколая, Князя Михаила, Князя Кароля, Княгиню Магдалену, Княгиню Анну».—

Имена, здѣсь поминаемыя послѣ *К. Николая*, умершаго въ 1662 г., принадлежатъ сыновьямъ его—*Михаилу* Воев. Сендомiрскому, *Яну Каролю* Подкоморiю Краковскому, женѣ сего послѣдняго *Магдаленѣ*, урожденной Конопацкой, и вѣроятно дочери Николаевой *Аннѣ*.

Послѣ того приписаны уже Польскими буквами разнаго почерка слѣдующiя имена: «*Kaziemierz, Isabella, Ludowika, Konstancya, Michał, Alexander, Theodor, Stanisław, Augusta, Zofia, Kaziemierz.*»

Изъ этихъ именъ первыя семь принадлежатъ семейству Михайлова сына—*Казимiра* Кастеляна Виленскаго, и написаны безъ сомнѣнiя своеручно, въ концѣ 17-го вѣка: *Изабелла*—жена его, *Людовика* дочь его, постригшаяся въ Визитки, *Констанцiя*—другая дочь, бывшая за Понятовскимъ; *Михаилъ*, *Александръ* и *Теодоръ*—его сыновья.

8.— Мѣсто, гдѣ должно полагать удѣльный городъ Дубровицы, определено Ходаковскимъ въ И. Г. Р. Т. VIII приб. стр. 146.

9.— См. *Кояловича* Historiæ Litvaniæ pars altera. Antverp. 1669 in 4. на стр. 297.—Тамъ-же, на стр. 391, говорится о пораженiи Татаръ *Иваномъ Дубровицкимъ* 1530 г.—Нѣсецкiй говоритъ о Князьяхъ Дубровицкихъ и мало, и спутанно.

10.— О возвращенiи Князей Курбскихъ см. любопытные акты въ I томѣ *Сказанiй Курбскаго*, стр. 200...

Выраженiе *Святоруская земля* встрѣчается часто въ Исторiи Курбскаго; а прилагательное имя *Православнорускiй* употребляемо было Петромъ Могилою.—

ПОГРѢШНОСТИ.

Стран.	*Строк.*	*Напечатано:*	*Читай:*
28.	6.	близъ	недалеко отъ
38.	17.	пріемники	преемники
39.	18.	Доминикіанскаго	Доминиканскаго
—	19.	Розвадовскій	Розвидовскій
42.	27.	Воевода —	Коммендантъ
43.	18.	Іосифъ	Іосафъ
107.	1.	церковью.	церковью.» зa
110.	20.	1779	1794
157.	10.	Солмирецкіе	Соломѣрецкіе
185.	1.	,уже	уже,
(въ нѣсколькихъ экземплярахъ)			
157.	19.	1785	1685
174.	16.	внушаемый	внимаемый

СОДЕРЖАНІЕ.

ВЪ ПРОЗѢ.

ВЪ СТИХАХЪ.

(* Стихотвореніе сіе было уже напечатано въ Современникѣ; но я имѣлъ право и особенныя причины помѣстить оное и въ Кіевлянинѣ.)

Къ сей книгѣ Кіевлянина приложены: виньетка съ изображеніемъ Золотыхъ вратъ Ярославовыхъ и чертежъ Стараго Кіева.

30

Г